

Д. В. Колупаев

**Слово и дело русской демократии.
Осмысление социально-исторического опыта**

Д. В. Колупаев

**СЛОВО И ДЕЛО РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ.
ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА**

Монография

Чебоксары
Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
2024

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)
К61

К61 Колупаев Д. В.
Слово и дело русской демократии. Осмысление социально-исторического опыта : монография / Д. В. Колупаев. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2024. – 312 с.

ISBN 978-5-6051279-8-7

В монографии рассматривается период истории России с создания первых славянских общин и до конца XX века. Объектом научного исследования автора стали социальные и политические аспекты развития российского государства. В ходе исследования поставлена проблема специфического развития основной парадигмы российского государства – её самостоятельная роль в ходе развития исторического процесса по отношению к российскому обществу. Автором показана особенность влияния азиатских форм политического и социального процесса на становление и развитие российского государства. Содержание монографии рассчитано на преподавателей, профессиональных историков, всех интересующихся проблемами отечественной истории.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

ISBN 978-5-6051279-8-7

© Колупаев Д. В., 2024

DOI 10.21661/a-911

© ЦНС «Интерактив плюс»,
оформление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога.....	4
Начало проблемного развития России.....	6
Цивилизационная катастрофа Киевской Руси середины XIII века. Изменение вектора социального-политического развития.....	20
К вопросу о социально-политическом устройстве государства в средневековой Руси.....	33
Неизвестная средневековая Русь: социальные отношения в Новгороде и Великом княжестве Литовском.....	43
Социальный излом централизованного государства в России в XV–XVI вв.....	48
Социальный бунт Смутного времени.....	65
Сословно-земская монархия: упущенный шанс социального симбиоза. Особенности социальной структуры российского общества в XVII веке.....	89
Исторический феномен казачества как особой формы социального расслоения русского этноса.....	103
Социальная модернизация России в XVIII веке.....	118
Точка начала социального противостояния государства и общества.....	137
Начало исторического социально-политического конфликта власти и общества в России.....	156
Запоздавшая социальная модернизация империи.....	164
Противоречивые реформы Александра II.....	164
Последний взрыв социально-политической активности русского дворянства. «Польская интрига» как фактор социального развития России.....	190
Социальное расслоение русского общества на рубеже XIX–XX вв.....	214
Социальная катастрофа России – Гражданская война как новое Смутное время.....	235
Социальный эксперимент в действия: пути формирования Хомо советикус.....	249
Развитие нового социума – «Хомо советикус».....	265
Процесс социальной самоликвидации «советской цивилизации»..	278
Украинский вопрос.....	283
Заключение.....	309

*Чтобы ничего не менялось
необходимо что-то изменить.*
Джованни де Лампедуза «Леопард»

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В разгар Гражданской войны в России, в 1918 году рабочие – полиграфисты Москвы и Петрограда, вдоволь хлебнувшие социалистической демократии, самостоятельно набрали и выпустили сборник статей русских историков, философов, учёных, под общим названием «Из глубины. (Тексты авторов имелись у инициаторов публикации в рукописном варианте.) Среди авторов сборника внимание пишущего эти строки привлекла статья И.А. Покровского «Перуново заклятие». Описывая внедрение в Новгороде X века норм христианства, автор статьи рассказал следующую легенду: «Когда новгородцы при Владимире Святом сбросили идол Перуна в Волхов, рассерженный бог, доплыв до моста, выкинул на него палку со словами: «вот вам ,новгородцы, от меня на память»... Так мстил низверженный Перун новгородцам: выходило так, что новгородцы, сбросив его, стали управляться в конечном счёте палкой... Но ограничилась ли месть Перуна одними только новгородцами? Увы, мы знаем теперь, что нет: злое заклятие легло на весь русский народ и на всю до сих пор его историю. Мы знаем, что палочное вечевое народоправство сменилось палочным самодержавием – жезлом Ивана Грозного, дубинкой Петра Великого, шпицрутенами Николая I. Наступившее недавно «освобождение» завершилось «диктатурой пролетариата»... Палка Перуна гуляет. Либо мы сами себя неистово колотим, либо нас неистово колотят, иного способа жить вместе, иного способа осуществлять своё национальное «самоопределение» мы как будто не знаем»¹.

В самом деле, на протяжении почти 1200 лет общероссийской истории процесс «лупцевания палкой» доминирует в исчислении событийного характера российской истории. Количество жертв этого процесса исчисляется десятками миллионов, если не сотнями

---

¹ См.: Из глубины. Москва – Петроград, 1918. Русская мысль / И. А. Покровский. Перуново заклятие. & 1.

миллионов, жизней. Причём число погибших в результате выяснения истин внутри российского социума превалирует перед числом погибших в ходе международных конфликтов.

Спустя почти сто лет после выхода сборника «Из глубины», в благословенные «демократические» времена, весной 2001 года, российская интеллигенция призвала российское «общество» выступить на защиту свободы слова, в лице журналистского коллектива телеканала «НТВ». Журналисты данного телеканала позволили себе критику в адрес президента РФ В.В. Путина и его команды чиновников. На «защиту демократии» в различных городах России вышли небольшие группы общественности. «Совесть демократии» – либеральные журналисты констатировали вывод – «Общества в России нет». Вполне возможно. Но почему «общества» нет? Каковы причины данного явления и почему в России нормы демократии не эффективны? Известный рок-музыкант Андрей Макаревич (выполняет функции иноагента) по этому поводу изрекает максимум – «Народ такой!». Тоже может быть. Но почему он, народ, таким появился, что этому причиной, или какова совокупность причин? Как говорил известный французский историк Фернан Бродель, «Никогда не проигрывают сразу». Автор этих строк постарался дать социально-историческую картину формирования русской демократии, с целью показать, как слово и дело русской демократии состыкуется с жизненными реалиями общероссийского социума и государства.

НАЧАЛО ПРОБЛЕМНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Процесс развития русской цивилизации привлекает внимание различных групп учёных-гуманитариев вплоть до сегодняшнего дня. Создаются и пропагандируются различные исторические версии. Наиболее оживлённую полемику вызывает обращение к концепции английского историка Арнольда Тойнби, который Россию поместил в разряд азиатских цивилизаций, находящихся под влиянием европейских социокультурных парадигм. Даже явный европеоидный вид предков русских – славян не служит причиной отнести последних к европейской цивилизации, по мнению английского историка. Почему? Здесь следует немного остановиться на процессе создания протосоциальных структур у восточных славян.

Ко второй половине I тысячелетия нашей эры явно обозначился ареал основного обитания славян – Восточно-Европейская равнина, преимущественно в той ее части, где расположены леса. Это месторасположение позволяло сохранить среду обитания и выжить не столько в борьбе с врагами, сколько с природой. От врагов славяне уходили в леса, и эта концепция «ухода»: от врага, от государства, от барина, легенда о стране «Беловодье», где все люди живут мирно и в братстве, – надолго станет одним из основных рефренов социальной мысли русского крестьянства. Хозяйственные занятия славян во многом зависели от природно-климатических факторов, содействуя развитию соседской общины, в рамках жизни которой проходили все социальные события. Из года в год, из столетия в столетие происходил процесс социального воспроизводства славянской общины. Эта способность славянского этноса к постоянному восстановлению старых связей в значительной степени обусловила специфику будущего государства и общественных отношений внутри его². Славянские племенные группы, расселившиеся в районе лесных массивов и по берегам рек и болот, занимались в основном подсеčno-огневым земледелием, которое требовало больших совместных усилий всех членов родовой общины. Только большие группы соплеменников могли организовать работы по

---

² См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 81.

очистке леса и болота под пашню и луга. Соответственно, подобный образ жизни в социальном плане формирует общинные коллективистские традиции и мышление и не способствует развитию и социальному поощрению индивидуальных форм личности. Сложность хозяйственной жизни и удаленность от торговых путей также в целом не поощряли процесса развития государственности. На юге, в районе среднего течения Днепра, и вообще на всей протяженности такого природного ареала, как лесостепь, то есть переход лесных массивов в степные, также осталось славянское население. Хорошие почвы, возможность вести земледельческие работы в период апрель – октябрь, относительно развитые торговые отношения с Византией, близость Карпатских гор с их соляными приисками, – все это давало некоторые надежды на продолжение и развитие хозяйственного цикла. Мешало вести хозяйство славянам близость кочевников, их постоянные набеги, и эти процессы выработали особый социальный тип славянина – воина-пахаря. Южная часть восточных славян издавна боролась со степью, и эта постоянная борьба создала не только появившийся впоследствии особый социальный тип русской жизни – казаков, но и создала отдельно взятую социальную ментальность русского народа. Южный земледелец всегда подвержен риску, он привык быстро выработать решения, опасная жизнь требовала простора для действия, развивала отвагу, предприимчивость, хотя и способствовала и росту некоторого авантюризма (либо пан, либо пропал). В местах же «лесного общежития» выработался тип другого славянина. Это были люди, действовавшие по принципу семь раз отмерь – один раз отрежь, для которых важны были широкая осмотрительность, постоянная взвешенность, умение запастись терпением и запасами на зиму. Таким образом, в лесу сформировался тип осторожного хозяина, а в лесостепной полосе – лихого казака и будущего первопроходца Сибири. На Севере, в районе будущего Новгородского княжества, сложился третий социальный тип восточного славянина. Проживание в краю рек и озер давало возможность создать достаточно разветвленную систему транспортных сообщений, а лежащие рядом леса имели большое количество ценного пушного зверя – главной экспортной единицы России вплоть до XVII века. В реках было много рыбы, а в районе осваиваемого славянами Белого моря было

много морского зверя. Все это способствовало созданию предпосылок для создания промыслового охотничьего хозяйства, развитию морских и речных торговых связей и началу международного торгового обмена. Эти экономические процессы способствовали размытию родовых связей и созданию крепких индивидуальных промысловых и торговых хозяйств. Таким образом, на Севере ареала расселения восточных славян появился тип будущего предпринимателя, который впоследствии превратился в Новгородскую республику. Но в историческом плане этот социальный тип не получил своего развития. Он был уничтожен (физически и социально) своеобразно понимаемым процессом централизации в умах московских государей.

Сама социальная структура древнеславянского общества представляет собой достаточно примитивную структуру. Славянские поселения представляли собой смешанную соседско-родовую общину, в которой собрание «мира» играло решающую роль. При этом система принятия решений была не отработана. «...Дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно – сообща»³. Руководящий слой был также весьма размыт. Помимо стоявших особняком жрецов-волхвов, имелись знатные люди – бояре, у которых дома были срубленные, а не землянки, и семьи которых в прошлом имели какие-либо заслуги перед общиной. Имелся князь, глава ополчения на случай войны, но без определенных полномочий в мирное время. В общем, социальное устройство древних славян можно с некоторой натяжкой назвать соседско-родовой демократией. Но если общественное устройство было весьма условным и демократичным, то семейно-бытовые условия жизни у славян отличались достаточно четкой регламентацией. Главой дома был хозяин муж-отец, часто основатель рода. Ему были подчинены все остальные члены семьи, включая взрослых сыновей. Этот тип семейно-бытовых отношений достаточно часто распространялся на форму принятия решений в историческом будущем славяно-русской общности, дав основания исследователям отечественной социальной действительности судить

---

³Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 86.

о русских социальных традициях следующим образом: «...В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого всё выводится, – именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами»⁴.

Во всех российских учебниках истории самые сложные по своему построению и изложению – это разделы об образовании государства на землях восточных славян и разделы о современной истории. О современности разговор впереди. В чем же проблема для начального этапа государственности у восточных славян? К сожалению, на эти события накладываются особенности внешнеполитических доктрин и внутривнутриполитической ситуации в стране. Простое изложение фактов воспринимается как личная трактовка автора или как заказ какой-то политической группы (естественно, оплаченный).

В чем проявлялась особенность или, наоборот, типичность процесса складывания государственности, вошедшего в мировую историю под названием Киевская Русь? Во второй половине I тысячелетия нашей эры государства как в Европе, так и на других континентах складывались в ходе более или менее ярко выраженных военных действий. Англо-саксы захватили Британию и дали распространенное её название – Англия, германское племя франков захватила Галлию и дало ей нынешнее название – Франция. И в первом, и во втором случае пришельцы быстро смешались с местным населением в ходе развития семейно-брачных отношений. Болгары, кочевники – тюрки, потеряв во время трудных переходов большую часть женщин и детей, переженились на славянках, сохранили старое самоназвание и переняли славянский язык. В Венгрии в учебниках истории своей страны до сих пор пишут, что предки венгров свою родину завоевали. Подобных примеров можно привести множество, но для объяснения ситуации с образованием государства у восточных славян нет никакой особой исключительности. Оно (государство) образовывалось так же, как и во многих других регионах Европы.

---

⁴ Цит. по: Кавелин, К. Д. Мысли и заметки о русской истории / К. Д. Кавелин // Вестник Европы. – СПб., 1866. – №6. – С. 350.

Исходным пунктом древнерусской государственности принято считать 862 год, приход или призыв на княжение варягов в Новгород, с их вождём Рюриком. Приход иноземной династии на правление не редкость в европейской истории. Например, в Англии с 1066 года правила французская (нормандско-анжуйская) династия, и современные англичане это прекрасно знают, констатируют этот исторический факт и не комплексуют по поводу произошедшего. Была ли возможность создать собственное государство силами самих славян, достаточно ли развились у них к этому социальные отношения? В качестве иллюстративного примера приведём описание развития социальных структур в IX веке у двух восточнославянских племен – полян и вятичей.

Поляне были славянским племенем, занимавшим территорию среднего течения реки Днепр. Согласно поздней летописи Нестора именно там возник город Киев и началось складывание древнерусской государственности. В качестве аргумента этой точки зрения приводятся слова всё того же Нестора о «смышленных полянах», которые в «Летописи временных лет» противопоставляются прочим полудиким славянским племенам. В качестве иллюстрации «смышлености» полян приводятся данные об их способе экономической жизни. Их экономическая система носила комплексный характер. Поляне широко использовали пашенное земледелие и имели для этих целей целый набор соответствующих «технологий» – плуг или близкую к нему соху с железным лемехом, железный серп для уборки урожая и начавшиеся вводиться для получения муки мельничные жернова вместо употребляемых другими славянскими племенами зернотёрки. Плодородная почва позволяла вместо традиционного подсечного земледелия вводить двухпольный, а местами и трёхпольный севооборот. Помимо земледелия в хозяйственный комплекс полян входило скотоводство, птицеводство и коневодство. Не остались забытыми и традиционные славянские промыслы – охота, рыболовство, бортничество.

Все эти хозяйственные успехи не могли не привести и к постепенному усложнению социальной структуры внутри племени полян, поскольку изменения в экономической системе всегда диктуют трансформацию социального состава общества. Наличие из-

лишков производства и близость степных регионов к местам расселения полян привели к постоянным набегам на их территорию кочевников. Следовательно, резко возросла роль профессиональных военных, защищающих общее добро. Выборный военначальник становится князем, с наследственным правом передачи власти. Ему помогает воевода, который выполняет роль его заместителя в войске. Само войско, состоящее из отроков («от» – не, «рок» – речь, то есть молодые воины, не женатые, не имеющие права голоса на вече), постепенно превращается в лиц, знающих только одно ремесло – военное. Внутри племени хозяйственные успехи постепенно размывают родовую общину, приводя к появлению соседской. Это приводит к появлению первых социальных групп. «Люди» – общее название членов племени, распадается на «мужей» – глав больших патриархальных семей, на подчиненных им «сирот» («сир» – человек без роду и племени), появляются холопы – слуги, челядь – патриархальные рабы, находящиеся в домашней эксплуатации. Более бедная часть населения называется «смерды», то есть сохраняющие личную свободу. Военнопленные пребывают в состоянии рабов – «челяди» некоторое время, а затем переводятся в состояние «сирот» с перспективой, женившись на славянке, занять какое-либо место в общественном строе племени. В марксистской терминологии такой социальный строй носит условное название – «военная демократия». В целом подобное состояние социума, которое наблюдалось к IX веку у славян-полян, можно назвать протогосударством.

В качестве антагонистов «смышленных» полян выступали «дикие» вятичи, славянское племя, жившее в районе реки Оки, современной Рязани. Экономическая структура хозяйства вятичей была весьма примитивна и сосредотачивалась в обеспечении подсечно-огневого земледелия, когда требовалось усилие большого количества людей для проведения работ по подсеке и корчёвки леса. Большая часть населения была занята в этом коллективном труде, и только незначительная часть участвовала в уже упоминавшихся традиционных славянских промыслах: охоте, рыболовстве, бортничестве. Незначительные упоминания о вятичах в письменных источниках характеризуют их как людей, «средства существования

которых не очень обильны». Также следует отметить малое количество железной руды на всех землях славян, в том числе и вятичей, имевших в своем распоряжении так называемую болотную руду. Из неё можно было изготовить малое количество оружия, что сказывалось на военных качествах славянского ополчения.

Эти экономические факторы способствовали консервации у вятичей родовой общины. В этом случае естественным представляются социальные обычаи этого славянского племени; совместная жизнь в городищах-крепостях, пребывание семей в патриархальных больших избах, совместные спортивные игрища, сжигание умерших, выступление в военный поход всем «миром». Сохранилось в быту вятичей и такое явление, как самоубийство вдов. Тем не менее постепенно и у вятичей выделялись социальные группы, но при очень малой дифференциации. Имелись богатые «люди», чье благосостояние определялось количеством бочек мёда в запасниках наличием кожаных сапогов и числом жён до трёх. Управлял вятичами «светлый князь», как его называли вятичи «свиет маликом», и его заместитель «супанедж» (то есть наместник). «Светлый князь» обладал судебной властью и был командиром племенного ополчения. Каждый род в племени вятичей имел своего главу – «райиса», который находился в зависимости от «светлого князя» и уплачивал ему дань в виде общеизвестного полюдья.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о наличии у восточных славян к IX веку элементов протогосударства, хотя и не у всех племён. Но возникновение древнерусского государства во всех отечественных учебниках и пособиях связано с именем викингов-норманнов, которых славяне называли варягами. Роль скандинавов в создании древнерусского государства косвенно признают даже противники так называемой «норманнской теории», столь яростно с ней полемизируя, что поневоле начинаешь вслушиваться в аргументацию их оппонентов. Однако суть формирования структуры управления в древнерусском государстве неразрывно связана с приходом варяжских дружин. Были ли они создателями государства или пришли на всё готовое, как утверждают адепты норманнской и антинорманнской теорий создания государства на Руси? Формально летописи гласят, что новгородцы, передравшись друг с другом, по совету старца Гостомысла в

862 году отправили посольство к Рюрику Ютландскому, с предложением прийти и княжить у них. Любопытна, вплоть до сегодняшних дней, социальная мотивация приглашающих, которая при всех редакциях выглядит следующим образом: «Земля наша велика и обильна, а порядка («наряда») в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Смысл приведённой здесь общеизвестной исторической фразы в некоторых аспектах актуален и до сегодняшнего дня. Но применительно к тому периоду исторического развития они показывают ряд обстоятельств места и времени, приведших именно к такому решению. Первое – обращение к варягам. Именно в IX веке на севере Европы викинги-варяги были главной военной силой. А именно военные возможности в Средневековье были решающими при создании государственных образований. Славяне не могли договориться между собой о системе приоритета той или иной племенной общности, хотя бы из-за разности в социальном и экономическом развитии. Варяги-викинги пришли в Новгород как наёмные дружины, которые должны были обеспечить социальный порядок и защиту от внешнего врага. В этом коренное отличие боевых отрядов норманнов-варягов в Древней Руси от ситуации с норманнами на Западе Европы. Если в западноевропейских странах норманны это пираты, завоеватели, дикие воины, разорявшие страны и рушившие государства (по некоторым данным, и сам Рюрик Ютландский, первый князь на Руси, погиб при осаде Парижа в 885–886 годах), то в восточной Европе варяги – суровые воины-наемники, иногда вступающие в драки с местным населением (легенда о Вадиме Храбром, вступившем в Новгороде в противостояние с варягами в 864–865 годах), но также купцы, морские и речные первопроходцы, стремящиеся попасть на службу в Византию. Для варягов, появившихся на речных и морских просторах восточной Европы, Византийская империя была тем средневековым «Эльдорадо», к которому стремились многие поколения скандинавских воинов. Свой проход к Царьграду по ставшему знаменитым торговому пути «из варяг в греки» викинги-варяги прокладывали не столько мечом, сколько торговыми соглашениями и наймом на военную службу к славянским князьям. В последнем случае варяги были очень необходимы южным племенам восточных славян, по-

скольку помогали тем же полянам в борьбе с кочевниками – хазарами. Недаром в Киеве укрепились варяжские вожди Аскольд и Дир. Из всех перипетий внешнеполитических ситуаций второй половины IX века видно, что славяне скорее наняли викингов-варягов против хазар-кочевников, чем были завоеваны скандинавами. Несомненно, что великолепная боевая сила варяжских дружин постепенно начала играть основную роль при решении местных проблем и конфликтных ситуаций. Сами варяги все больше становятся правителями среди восточнославянских племён, накладывая на них дань, собираемую старым славянским способом – полюдьем. Было ли это завоеванием? Летопись временных лет всегда на своих страницах изображает варягов суровыми воинами, но никогда не дает им эпитета «поганые», которым награждались кочевники. Дань варягам, собираемая с европейской рациональностью, не ложилась тем тяжелым бременем всеобщего разорения от набегов кочевых племён, которые испытывали славяне от жителей степи. Достаточно быстрый рост структур государственности – 862 год, призыв на княжение, 882 год – захват Олегом Киева, 907 год – первый общеславянский и варяжский поход на Византию – всеэто показывает наличие почти готовых условий для формирования государства. К обеденному столу зовут тогда, когда он накрыт. Таким образом, варяги исполнили в среде восточных славян динамичную социальную роль катализатора государственного устройства, растворившись впоследствии в новообразованном ими социуме.

Большую роль в этом своеобразном этническом симбиозе (термин Л.Н. Гумилева) сыграли брачно-семейные отношения. Семья, как известно, ячейка общества, его первый социальный организм. Многие варяги оставались навсегда на просторах будущей Киевской Руси, связав свой личный интерес с интересом местного населения. Именно браки со славянками стали главным элементом интеграции викингов-варягов в славянскую жизнь. Нехватка женского населения в Скандинавии (из-за скудости почв, при неурожаях девочек до трех лет относили в лес, на съедение волкам, поскольку мальчик-воин в будущем может принести добычу) вынуждала многих варяжских воинов жениться на славянских женщинах. Участие в постоянных походах, прерываемых только зимой, долго сохранявшийся религиозный приоритет скандинавского воина –

смерть в бою с мечом, иначе не попадёшь в скандинавский рай – Валгаллу; – все это ограничивало роль отцовского элемента в комплексном семейном воспитании. Варяжские отцы передали своим потомкам только социально-психологическую жизненную установку – они будущие воины. Язык у потомков варягов, особенно в третьем поколении, был языком мам и бабушек. Аналогичная ситуация с норманнами сложилась на севере Франции, где им после долгих войн была предоставлена территория для поселения, впоследствии названная в их же честь Нормандией. Уже в третьем поколении герцог Нормандский искал для своего внука учителя древнескандинавского языка. В историческом развитии Франции жители Нормандии стали одними из лучших воинов в крестовых походах, завоевателями Англии в 1066 году, а впоследствии лучшими французскими моряками и пиратами, первооткрывателями Канады. Так что кровь предков сказалась у многих потомков норманнов в Европе.

Последнее, о чём хотелось бы упомянуть, это самоназвание Русь. Ломоносов в качестве аргумента своей точки зрения приводит название речки Рось под Киевом. Его оппоненты приводят следующие аргументы: викинги себя называли русью, именуя русами и группу гребцов на своих ладьях – дракарах. Финны называют шведов «Руотси». Священная гора воинов в Норвегии называлась «Русенборг». В X веке жители поволжских городов, отправляясь в Новгород или Киев, говорили: «Еду на Русь», подразумевая живших там варягов. По мнению автора данных строк, подходит больше «норманнский» вариант слова «Русь». Но он никак не связан с процессом завоевания. Да, варяги были лучшими воинами, лучше вооруженными и организованными. Но сами государственные объединения в скандинавских странах возникли лишь в X–XI вв. в Дании и Норвегии, а в Швеции процесс создания государства завершился лишь в XVI веке. Достаточно быстрое смешение славянского и скандинавского этнического элемента в новый этнос – Русь доказывает их одинаковый социальный уровень по отношению друг другу. Славяне не очень любят воевать. Все враги славян, а затем и русских отличают у своих противников какую-то злую храбрость в бою. Славянин не хочет воевать, это не его прямое дело, поэтому военные задачи были славянами предоставлены

новым «зятьям». С чем последние и их общие со славянами потомки неплохо справились. Социальная же роль варягов состояла в том, что они явились своего рода центром, военной матрицей будущего древнерусского государства, скрепляя своей военной силой центробежные традиции отдельных славянских племён, не давая им закрепиться в своём локальном обществе. Как считают современные исследователи, «...сила варяжских дружин позволяла князьям противостоять силам локализма»⁵.

Структура формирования управления государством и последующая за ней социальная дифференциация населения в древнерусском государстве имеет особый ход развития. Здесь сказалось географическое удаление Киевской Руси от Западной и Южной Европы, практически полное отсутствие римской правовой традиции при формировании прав собственности и системы наследия. Пришедшая в X веке византийская система социальной градации в виде кодекса Юстиниана не получила на Руси широкого развития, хотя и оказала определенное влияние. В основе же социальной структуры Киевской Руси легло смешение социальных традиций славянского населения и варяжских боевых дружин. С XI века в социальной системе Древнерусского государства начинает сказываться византийская традиция, а с начала XIII века в Новгороде и в Галицко-Волынском княжестве прослеживается культурная традиция средневекового европейского социума.

Сам процесс формирования Древнерусского государства определил его путь на тысячу лет вперед. Заморская династия во главе власти, функция верховного правителя – князя прежде всего как военачальника и способ получения налогов в виде дани, основанный на так называемом «полюдь», а не на фиксированной плате, основанной на традициях наследственной земельной собственности, – все это наложило свой отпечаток на социальную действительность. Различные группы населения Киевской Руси выстраивались в социальную пирамиду по мере своей зависимости от верховной власти, пусть и сохраняя часть привилегий. Развитие общества шло не по горизонтали экономических, социальных и как

---

⁵ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 105.

их следствие политических отношений, а по мере своего приближения к власти.

Каковы же особенности складывания социально-политических структур средневекового русского общества? Начнем с Владимиро-Суздальской земли. Именно социально-политическое устройство этого княжества и в значительной степени экономические условия жизни его обитателей, по мысли большинства отечественных историков, независимо от их школ, легли в основу будущего Российского государства во всех его исторических ипостасях – Московского княжества, Московского царства, Российской империи, Советского Союза. Во Владимиро-Суздальском княжестве и власть, и население были в немалой степени пришлым элементом. Крестьянское население формировалось в основном из переселенцев с Юга и Юго-востока Киевской Руси, спасавшихся от набегов кочевников и последствий междоусобных войн. Поэтому князь, которого посылал в этот край великий князь Киевский, был здесь прежде всего «хозяином», мало считаясь с малочисленным боярством и со слабым, не имеющим традиций вечем. Властитель Владимиро-Суздальской земли считал себя вправе поступать с землей как с частной собственностью, перед смертью делил её между сыновьями на уделы. Каждый удельный князь также считал себя собственником и государем – отсюда смешение частного и публичного права, начало формирования так называемого «вотчинного государства». Города в этом княжестве были слабы, и для торговли по Волге нуждались в защите сильного государства. Крестьяне-переселенцы селились на землях князя, сразу принимая подчиненное положение. При Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском система сильной личной власти князя на северо-востоке Руси окрепла и продолжала укрепляться в течение нескольких столетий, воплотившись в виде Московского княжества.

Господин Великий Новгород в последнее «демократическое» время многими российскими историками принято рассматривать как несостоявшийся цивилизованный, европейский путь исторической эволюции Руси, альтернативный московско-холопскому авторитаризму. Действительно, в социальном устройстве Новгорода много близкого к средневековым вольностям североевропейских городов. Первое, что бросается в глаза любому исследователю, –

это народное собрание, вече. Оно было действеннее, чем в других регионах Киевской Руси и являлось конечной инстанцией для принятия решений в Новгородском княжестве. Присутствовать на нем могли свободные жители города, те, кто имел право носить оружие, то есть участвовать в ополчении. Чувствуется влияние варяжских обычаев. Вече принимало и отменяло законы, объявляло войну или заключало мир, приглашало или изгоняло князя. На вече избирались основные должностные лица княжества: посадник – глава городской администрации, тысяцкий – руководитель «тысячи», то есть городского ополчения, владыка архиепископ новгородский. Князь в Новгороде прежде всего являлся военным специалистом, с которым заключался особый договор, определявший систему компетенций князя в делах Новгорода. Князю запрещалось вести суд без посадника, препятствовать купцам в торговых операциях, приобретать недвижимость в черте города. Жил князь со своей дружиной за городом, в специальном пригороде – городище.

Для текущих дел вече имело свою канцелярию – вечевую избу и своего секретаря – вечевого дьяка. Новгородские городские районы – концы имели свои кончанские вече, а улицы – уличанские вече с выборными старостами. Судебные полномочия в Новгороде распределялись между архиепископом, княжеским наместником, посадским и тысяцким. Для «пересуда», то есть для пересмотра дел, существовал арбитраж в лице коллегии из 10 докладчиков, по одному представителю с каждого «конца» или знатному горожанину. Для приведения решения в исполнение существовал штат судебных приставов.

Новгородское вече могло одобрять или не одобрять те или иные акты, но не имело права их разрабатывать. Этим занимался так называемый «совет господ», состоявший из посадника, тысяцкого, кончанских старост, сотских и бывших посадников и тысяцких, попасть в него могли представители богатых семей Новгорода, так называемых «золотых поясов» числом чуть более 300 семей.

К недостаткам вечевого строя Новгорода следует отнести то, что в отличие от европейских городов в нём отсутствовала чёткая система регламентации: решения на собрании принимались не путем подсчета голосов, а «горлом» – кто громче орет, то и решение

принимается. Этим обстоятельством пользовались богатые горожане, нанимая «горлопанов», которые по сигналу начинали орать нужное решение. Не защищались права меньшинства, городское самоуправление отличалось слабой структурированностью.

Чем особенно отличался Новгород не только от городов Киевской Руси, но и от своих европейских собратьев, так это уровнем грамотности. В городе были грамотны две трети мужчин и половина женщин, что для Средневековой Европы явление уникальное. Археологические раскопки с нахождением многочисленных берестяных грамот подтверждают этот факт.

Наименее изученным из возможных социальных альтернатив развития средневековой Руси является феномен Галицко-Волынского княжества. Занимая территорию Юго-Запада Киевской Руси, это княжество имело второе по площади место после Новгорода. Но климатические условия – земледельческие работы можно было вести с апреля по октябрь – давали возможность вести интенсивное хозяйство. На территории этого княжества добывался основной консервант для продуктов того времени – соль в виде слюды, что давало возможность вести выгодную торговлю этим товаром. Наличие рек, впадающих в Черное море, позволило создать через Галицко-Волынское княжество мини торговый путь «из Кавказа в Северную и Центральную Европу». Все это вместе взятое предопределило привлекательность княжества для многочисленного потомства рюриковичей и для бояр. Многочисленное боярство стремилось превратить само княжество, и Галицкое, и Волынское, в мини-конфедерацию. Здесь постоянно чувствовалось влияние соседних стран – Польши и Венгрии. Влияние было и политическое, и культурное. В Галицко-Волынском княжестве проходили рыцарские турниры, скачки, широко было развито музыкальное искусство. Дети князей и Ярослава «Осмомысла» (знал 8 языков), и Даниила Галицкого были знакомы со средневековой рыцарской литературой. Дочь князя Даниила читала известный средневековый роман «Тристан и Изольда». По мысли Даниила Романовича, в целях предотвращения постоянных распрей с многочисленным боярством следовало бы внедрить в княжестве систему феодального вассалитета – договоров, на манер европейских.

Таким образом, можно говорить о «европеизации» России уже на достаточно раннем этапе средневековой цивилизации, со всеми её плюсами и минусами. Как бы утвердилась эта цивилизация в стране с еще живыми языческими традициями и православной церковью, в тот период в основном представленной выходцами из Византии, сказать невозможно, поскольку история не знает сослагательного наклонения. Однако тенденции развития по европейскому пути в начале XIII века на Руси проглядывались достаточно четко.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КАТАСТРОФА КИЕВСКОЙ РУСИ СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА. ИЗМЕНЕНИЕ ВЕКТОРА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Монголо-татарское нашествие трактуется большинством отечественных историков, причем абсолютно разного идеологического направления, как одно из величайших исторических трагедий нашего отечества. Считается общепринятым констатация факта национального порабощения и того, что в своем историческом развитии России была отброшена на 200–300 лет назад. В качестве альтернативной точки зрения выступают так называемые евразийцы с их концепцией о перманентном имперском состоянии Восточной Европы как Евразии, а также прямой потомок Чингисхана (по женской линии) Л.Н. Гумилев с его теорией о «симбиозе» Руси и Орды. В задачу автора этих строк не входит участие в ставшей уже вечной полемике о значении ига Золотой Орды в истории России. В общем, автор следует традиционной точке зрения в отечественной исторической науке об исторической катастрофе для Древнерусского государства с установлением Ордынского ига. Однако, как говаривал Гегель, дьявол скрывается в деталях, и поэтому особенности социального развития страны, наступившие после иноземного азиатского нашествия, по мнению автора, очень важны не только для прошлого, но и служат объяснением многих современных социальных явлений в истории России.

Начнем просто с анализа военных действий. Военно-политическая элита древнерусских княжеств проявила ту черту, которая впоследствии станет чуть ли не визитной карточкой российского управленческого класса вне зависимости от исторического вре-

мени и идеологического устройства государства – полное отсутствие стратегического мышления, прощляпывание подготовки крупной войны внешним противником и полная неготовность на начальном этапе вооруженного конфликта. В период 1236–1237 гг. Батый со своими войсками уничтожает соседей Руси – Волжскую Булгарию (которая в настоящий момент почему-то названа Татарстаном, хотя это государство сопротивлялось татарам, несомненно, больший срок, чем древнерусское государство – 13 лет с 1223 по 1236 г.), а также партнёров – соперников древнерусских князей – половцев. Современные историки уже установили, что в 1237 году перед нашествием на Русь у Батые было не больше чем 50 000 воинов. Цифра внушительная, и уровень подготовки монголо-татарских воинов не может не вызывать уважения. Однако, немало русских городов смогли оказать захватчикам эффективное сопротивление, даже при наличии у хана Батые китайской военной техники для взятия городов. Тем не менее властители средневековой Руси проморгали нашествие, не смогли создать единого фронта, хотя все 15 древнерусских княжеств имели в своем распоряжении около 40 000 профессиональных воинов, не считая возможности собрать ополчение. Общенационального лидера не оказалось в то время на Руси, хотя претенденты и были. Князь Александр Невский, овеянный славой побед над крестоносцами, мог бы возглавить общенациональное движение. Но он этого не сделал. Тем более что его отец Ярослав в 1246 году первым из русских князей отправился в Орду к хану Батые за поддержкой в своих претензиях на престол великого князя Руси. Частично, конечно, в логике этого поступка сказались многовековой опыт общения с половцами, которые также участвовали в междуусобицах русских князей. Но половцы отправлялись на Русь в качестве наемников, чтобы повоевать и пограбить, и не ставили вопрос о государственном подчинении Киевской Руси. Батый же выдал Ярославу ярлык на княжение, то есть разрешение от более вышестоящего правителя, сведя, таким образом, внешнеполитическое положение Руси к подчинению другому государству – Золотой Орде. Около 1250 года Александр Невский и его младший брат Андрей вообще ездили в столицу монголо-татарских ханов Каракорум за разрешением на княжение. Старший брат – Александр получил великокняжеский престол в Киеве, а

младший – Андрей – Владимиро-Суздальское княжество. Многие историки говорят, что татарское иго было, так сказать, более внешнеполитическим и не касалось внутривластного и социального развития страны. Но ханы Золотой Орды назначали к великому князю своего рода «внешнего управляющего», имевшего название «даругачий»⁶. Этот «наблюдатель» следил за тем, как князь ведет управление подвластной ему территорией и ставил свою печать под официальными документами.

В 1252 году Андрей Ярославич, в союзе со своим тестем Даниилом Галицким поднял восстание против Орды. Батый послал на Владимиро-Суздальское княжество так называемую Неврюеву рать, которая подвергла этот край второму за непродолжительное время опустошению. По мнению ряда исследователей, именно Александр Невский спровоцировал это нападение татар или выдал им тайну общерусского восстания, с целью сесть не в разоренном Киеве, а во Владимире⁷. Как бы то ни было, но именно с появлением Александра Невского на княжении во Владимирско-Суздальском княжестве, с тех пор ставшим великокняжеским престолом на Руси, на Северо-восточную Русь стали приезжать сборщики дани – «баскаки», появились их торговые агенты в русских городах – «бессермены». Всё это вызвало первое городское восстание на Руси против княжеской власти в 1262 году. Но это была не только борьба за самоуправление городов, требовавшая от великого князя прислушиваться к еще сохранявшемуся институту вече и настаивающая на участии в равной доле в управлении городом вместе с князем. Города также выступили против переписи населения татарами, для упорядочения сбора налогов и отправки русских воинов в войско Золотой Орды, на завоевания далеких земель⁸. В данном случае в 1262 году восстание было направлено как против чиновников Золотой Орды, приехавших собирать дань, так и против их контрагента – великого князя Александра Невского. Этот факт из

---

⁶ См.: Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. 1. – М., 2003. – С. 69.

⁷ См.: Широкопад, А. Б. Давний спор славян. Россия, Польша, Литва / А. Б. Широкопад. – М., 2008. – С. 50.

⁸ См.: Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. 1. – М., 2003. – С. 70.

жизни святого православной церкви почему-то замалчивается отечественными историками.

Кстати, о православной церкви в период монголо-татарского нашествия. Психологический удар по русскому населению, связанный с внешнеполитическим поражением, был очень силен. Разорение страны повлекло не только ухудшение жизни, но и психологический надлом. Люди стали обращаться к православной церкви за утешением и советом. Но от её представителей православный люд услышал фразы типа: «Господь послал на Русь татар за грехи ваши». От паствы требовалась не борьба за национальное освобождение или крестовый поход против поработивших Русь язычников, а послушание и молитвы, забвение все еще укоренившихся в быту языческих обычаев. Эти действия православной церкви на Руси не прошли незамеченными мимо новых хозяев земли русской. Как отмечают зарубежные исследователи истории России, «под монгольским суверенитетом, как ни парадоксально, начала процветать и Православная церковь. Она стала единственным привилегированным социальным институтом. Церковь получала **тархан** – грамоту, освобождавшую ее от уплаты дани. Священнослужители не подвергались регистрации и не были обязаны служить в армии, принудительно трудиться. Таким образом, Церковь получила возможность развивать свое хозяйство в наиболее выгодных условиях»⁹. Налицо явное несоответствие поведения православной церкви и католических священнослужителей в период национального бедствия. В VIII веке в Испании, когда арабы завоевали большую часть страны, католические монахи выступили инициаторами Реконкисты – отвоевания обратно земель и могут считаться одними из основателей испанского государства. В Ирландии именно католическая церковь была единственным оплотом национального самознания в годы английской оккупации. На Руси православная церковь внесла свою лепту в создание социальной модели великого, терпеливого и покорного русского этноса, часто воплощенного в образе русского крестьянина.

---

⁹ Там же. С. 71.

Здесь следует сказать, что в трудах отечественных историков разного направления прослеживается мысль о неизбежности поражения Древнерусского государства от сильного противника из-за пресловутой феодальной раздробленности. А тем исследователям, которые пытаются проанализировать причины неудач и поискать ещё другие, говорится в научных дискуссиях: «История не знает сослагательного наклонения, и вообще, а была ли альтернатива подчинению Золотой Орде?». Тщательный анализ данного вопроса всё ещё требует вдумчивого исследования. Но при этом у всех историков, так или иначе касавшихся проблемы подчинения Древней Руси Золотой Орде, возникает один любопытный вопрос. Почему после монголо-татарского нашествия история нашего отечества сводится только к небольшому пространству междуречья между Окой и Волгой, в перспективе к землям будущего Московского княжества. Новгород затрагивается в процессе научных исторических изысканий лишь в контексте его противостояния Москве ну и частично при изучении религиозных ересей. Куда же делась половина Киевской Руси, более половины русских средневековых княжеств?

Об этой территории, назовем её условной Западной Русью, из которой впоследствии сформировалась Белая и Малая Руси, в отечественных учебниках истории скромно говорится, что означенные земли были захвачены польскими и литовскими феодалами. В процесс исторического освящения эта территория, на которой проходил процесс формирования древнерусского государства, попадает только в начале XVI века, когда начались военные действия за обладание Смоленском. Как же жили эти земли в течение почти 300 лет и почему они не попали под иго Золотой Орды?

Рубеж XIII–XIV вв. для истории России – время почти полного забвения Галицко-Волынское княжества, которое также в 1241 году попало под удар полчищ Батые. Но оно довольно быстро восстановилось, и уже в 1245 году князь Даниил Галицкий в битве под Ярославом одерживает крупную победу над объединенным войском польских, венгерских и галицийских феодалов, оспаривавших у него престол. В 1246 году Даниил Галицкий также ездил в Орду, где получил так называемую золотую «пайдзу» – что-то типа бенефиция на право иметь владение (не путать с «ярлыком»)

у монголо-татар. В том же 1246 году через Галицко-Волынское княжество проезжал папский посланник к Батью, один из основателей монашеского ордена францисканцев Плато Карпини. Между папским посланцем и Даниилом Галицким состоялись переговоры, по результатам которых князь Даниил вступил в антиордынскую коалицию европейских государей. Галицко-Волынскому князю была обещана помощь от папы римского, но в действенные меры она не вылилась. Тем не менее в 1252 году Даниил Галицкий вместе со своим зятем князем Владимирским Андреем Ярославичем подняли восстание против Золотой Орды. Здесь уместно отметить, что этот акт национально-освободительной борьбы русского народа проходит как-то вскользь в трудах отечественных историков. Судьба Андрея Ярославича уже описывалась, а вот Даниил Романович сумел в 1252 году одержать победу над монголо-татарской ратью Куремсы. Эта практически единственная победа русских над монголо-татарами в XIII веке нигде в военно-исторических исследованиях не анализируется и не упоминается. Почему? Ведь по итогам её произошла та же реакция властителей Золотой Орды, как и после Куликовской битвы. Галицко-Волынское княжество, не получив ожидаемой помощи от Европы, вынуждено было пойти на мирные переговоры с Ордой. Следует отметить, что это были именно мирные переговоры: Даниил Романович обязался скрыть все укрепления на границе с ордынскими владениями и платить минимальную контрибуцию Орде. Однако никаких баскаков в его княжество не приезжало, переписи не проводилось, людей в рабство не угоняли. Возможность сопротивления и отпора умили аппетиты Золотой Орды. Папа римский прислал Даниилу Романовичу королевские регалии, и в 1255 году Галицко-Волынский князь короновался в городе Дрогочин как «король русов». Сам Даниил Романович и его потомки до середины XIV века вели независимую внешнюю политику.

Земли среднего приднепровья: Киев, Смоленск, Полоцкое и Турово-Пинское княжество – в течение 100 лет исторического развития объединились в Великое княжество Литовское. Язычники-литовцы окончательно приняли христианство в его католической редакции только в XV веке. Почему же это относительно небольшое и не очень цивилизованное племя, хотя и храброе (достаточно

вспомнить победы литовцев над ливонскими рыцарями в 1236 году при Шауляе и в 1260 году на озере Дурбе), сумело подчинить себе славянские христианские княжества? История Великого княжества Литовского ещё ждёт своего исследователя. Автора же интересует тот факт, что русские князья и их литовские союзники не брали себе ярлыка на княжение в Золотой Орде. В ходе более чем столетнего противостояния, в котором со стороны Великого княжества Литовского были и поражения, и единовременная выплата дани, тем не менее государственная независимость сохранилась. В 1362 году состоялась битва у Синих вод, в которой русские и литовцы, причем русские составляли большинство войска, нанесли поражение войскам Золотой Орды, отбросив их за Днепр. В 1399 году в битве на реке Ворскла князь Витовт, государь литовцев и русских, уже вмешался в феодальную междуусобицу в Золотой Орде, поддерживая своего кандидата. Хотя битва и была проиграна Витовтом, но косвенно показала силу его княжества. Таким образом, можно констатировать, что вопрос подчинения игу Золотой Орды был не только и не столько в количестве войск у Орды, сколько в наличии политической воли и просто личных боевых качеств у тогдашних феодальных властителей. У князей Северо-Восточной Руси не оказалось ни объективной причины сопротивляться, ни субъективных личных качеств для этого. То был начальный период перерождения социальных стереотипов части древнерусской элиты: умения драться и «держать рать с погаными» или подчиниться более сильному. Западная Русь выбрала путь постоянной рати и более самостоятельного положения в средневековой конфедерации – Великом княжестве Литовском. На востоке же опустилась мгла ордынского ига, изменившая социальную структуру средневекового русского общества и сказавшаяся на социальных типах государственного устройства и психологии социальных слоев.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО – ФЕНОМЕН ПЕРЕРОЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В конце XIII века на бывшей территории Киевской Руси имелось около 200 княжеств. Властители и жители этих «государственных формирований» вели более или менее успешную борьбу за свое выживание. Александр Невский умер в 1263 году, и его сыновья получили санкцию на свои владения в Орде. Монголо-татарские властители не стали мудрствовать и распределили владения так, как это было принято на Руси ещё до их прихода, – по старшинству. Братьям достались уделы в зависимости от их даты рождения. Здесь впервые вылезает «дьяволёнок из деталей», перефразируя Гегеля. Самый старший из сыновей Александра Невского получил самый богатый «улус» во владениях данников Золотой Орды – Тверь с прилегающими землями. Так появилось княжество Тверское, история которого также не достаточно изучена. Город Тверь очень выгодно располагался географически, будучи перевалочным пунктом торговли Новгорода со Средней Азией и Ираном и на пересечении традиционных торговых путей славянства по добыче пушнины. Этот факт не оспаривается отечественными историками и вообще виден невооруженным взглядом на карте. Младший же сын Александра Невского – Даниил (родился в 1262 году за год до смерти отца) получил самое захудалое владение – Московское княжество. В нём не было родовитого боярства, отсутствовало понятие вотчины как боярского землевладения. «Вотчиной» князя стало само княжество со всеми его обитателями. Город Москва, точнее городок, был административным центром княжества. Окруженный лесами, он не имел никаких торговых преимуществ перед волжскими торговыми городами. Только постепенный приток сельского населения, бежавшего от татарских набегов и произвола ордынских чиновников, составлял действительный внутренний резерв определенного медленного экономического роста Московского княжества. Что касается системы управления, то в лице первых московских правителей мы видим лишь прилежных учеников Золотой Орды.

Именно изменение государственной социальной политики стало визитной карточкой московского княжества. Старые древнерусские обычаи были забыты или, во всяком случае, не становились главной основой для форм и методов управления. За основу государственного устройства была принята государственная система Золотой Орды. Отличительной чертой государственных порядков этой степной империи было наличие государства – орды с деспотической властью хана (в ее восточных традициях). Хан Золотой орды сосредотачивал в своих руках не только власть, но и собственность и строго карал за несоблюдение подчинения «по вертикали власти». В обществе Золотой Орды преобладал военно-служилый элемент, основной задачей которого было сбор дани – «ясака» и подавление недовольства населения. Господство Золотой орды изменило вектор цивилизационного развития Руси. Если Древняя Русь была Востоком Европы, то пришедшая ей на смену Московия стала Западом Азии. Именно это цивилизационное изменение, сказавшееся на всей социально-политической системе средневековой Руси, ввело нашу страну и начавшееся вновь формироваться государство в новую геополитическую систему. В отличие от Западной Европы, где всё большую системообразующую роль играла частная собственность, на Руси, под игом Орды, побеждает восточная традиция государственной власти – собственности. В XIII–XIV вв. в европейских странах появляются первые парламенты, а русские люди сталкиваются с восточно-деспотической властью ордынского хана. При этом историческом процессе государство восточно-деспотического типа растоптало общество. Постепенно на Руси смолкают вечевые колокола, а русские люди знакомятся с восточными казнями: битьё кнутом, отрезание ушей, носа, пытки на дознании и следствии. В социальном плане понятие «обязанность» становится выше понятия «право», ценность власти становится выше ценности права. Восторжествовал принцип: «Не тот прав – кто прав, а тот, у кого больше прав».

Именно стремление стать привилегированным холопом Золотой Орды выдвинуло хитроумных московских князей на первые роли в зависимых от Орды русских землях. Несомненно, что московские князья были не единственными просителями в ордынской ставке. Русские князья из Северо-Восточной Руси ездили туда в

большом количестве. Однако большинство из них стремились соблюдать определенную дистанцию и открыто не пресмыкались перед татарскими властителями, а некоторые, как великомученик Михаил Черниговский, вообще отказались поклониться божкам языческим и за это приняли мученическую смерть. Другое дело властители Москвы. Будучи представителями младшей ветви «большого гнезда» князя Всеволода, московские князья не могли рассчитывать на получение великого княжения по старшинству, следовательно, у них оставалась единственная надежда стать великими князьями «по ярлыку», а для этого нужно было оказать ордынцам чрезвычайные услуги. В свою очередь и сама Золотая Орда нуждалась в надежном агенте из русских князей – безусловных исполнителей ханской воли. В условиях постоянных войн с другими улусами Чингисханова наследия властителям Золотой Орды нужны были постоянные контрагенты для сбора дани и для удержания в узде конгломерата русских княжеств. Захудалые московские князья подходили к этой роли как нельзя лучше. В данном случае господин и слуга нашли друг друга. Особенно ярко этот процесс «подбора кадров на высшие должностные посты» проявился в правлении знаменитого московского князя Ивана Калиты (1325–1346 гг.). Иван Данилович, бывший по характеристике, данной ему К. Марксом «смесь татарских заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа», не только отправился в Орду на поклон. Он ещё стал создателем своего рода средневекового «ноухау» в системе продвижения своей персоны по административной лестнице татарской империи. Московский князь дал взятки не ордынским чиновникам – нойонам, а женам сластолюбивого хана Узбека. Как говорят североамериканские индейцы, «сердце воина – камень, сердце мужа – воск». Жёны хана, гурьбой собравшиеся вокруг своего господина, в оба уха славили наиболее перспективного контрагента хана Золотой Орды среди русских князей.

Решающим значением для передачи ярлыка на великое княжение Москве стало восстание против татарского ига в Твери в 1327 году. Жители Твери убили сборщика дани баскака Чолхана. Глава Москвы указал ордынскому войску дороги в лесных чащах к Твери, дал вспомогательные отряды. Ордынско-московское войско разорило богатое Тверское княжество. Тверской князь Александр

Михайлович бежал в Псков и в Литву. Результатом этой карательной экспедиции стала ликвидация главного конкурента Москвы в Северо-Восточной Руси – Тверского княжества, получение в 1328 году Иваном Даниловичем ярлыка на великое княжение, с правом быть генеральным сборщиком налогов в пользу Орды. Поскольку московский князь часть дани в пользу Орде прикармливал, то это и послужило основой для его прозвища – Калита (жлоб, кошель).

Если основу формирования социальной структуры Киевской Руси составляли племенные славянские союзы и ассимилированные варяжские дружины, жившие в городах, то московское государство стало формироваться с деревень. В пределы Московского княжества переселялись жители разоренных татарами русских земель. Поскольку Орда уважала собственность своего агента и воздерживалась от набегов на его земли, то сельское население охотно перемещалось в московские пределы. От этого процесса выигрывали обе стороны. Земледельцы получали гарантии жизни и работы, а московский князь получал большое число налогоплательщиков. Однако в уделе Ивана Калиты никому не давалось политических прав – ни земледельцам, ни землевладельцам. Москва как город стал просто административным центром, превратив свой центризм в самодовлеющую административную идею централизованного управления, без какого-либо экономического составляющего. Москва была, пожалуй, единственным русским средневековым городом, в котором никогда не звучал вечевой колокол. Идеи народного представительства были глубоко чужды как самому московскому князю, так и его ордынским покровителям. В последующей исторической практике эти принципы будут распространены на все покоренные Москвой территории.

Особой социальной структурой стало московское боярство. В XIV веке оно было незначительным, а вотчиной, то есть наследственным владением, было собственно Московское княжество, владение самого князя. Приходившие на его землю безземельные бояре – аналог западноевропейского безземельного рыцарства получали землю за службу князю. В принципе, еще существовало право, старорусское, перейти на службу к другому князю, но на практике для московских бояр этот путь «социального лифта» был

закрыт. В «старинных» княжествах уже давно сложились мощные боярские группировки, пускавшие в свою среду новых людей только после очень большой проверки. Поэтому московский боярин в случае своего отъезда из Москвы мог в другом княжестве рассчитывать только на место младшего дружинника. В Московском же княжестве боярин мог добиться определенных преференций, если сумел бы понравиться князю. В случае же отъезда его на службу другому князю, пожалованное ему владение отбиралось в пользу князя или передавалось другому служителю – так стало формироваться особое, феодальное по форме, но совершенно служилое по сути сословие. За службу люди получали владение, именуемое «поместьем», то есть по месту службы. Этим служилыми людьми стали называть «помещиками» или «дворянами». Термин «дворяне» никак не соответствовал средневековому европейскому термину «ноблесс – благородные». Дворяне выходили из «дворни», так называемых «дворских» людей, постоянно слоняющихся у князе при дворе, выпрашивая у него службу. За эту службу дворянин получал поместье, в качестве длительной или бессрочной аренды, а не «бенефиция», наследственного владения, как в Европе. По мнению великого русского историка В.О. Ключевского, «...служилые люди – низшие чиновники, пользовавшиеся поместьями и денежным жалованьем... Служилый человек переставал быть служилым только тогда, когда получал отставку; это было естественно: сущность известного класса, его политическая природа состояла не из прав, от которых каждый мог отказаться, а из обязанностей, от которых отказаться было нельзя»¹⁰. Таким образом, главный социальный контекст развития Московского княжества, традиционный для эпохи Средневековья, – статусное положение феодального класса, превращается в процесс сознательного и добровольного подчинения феодалов-бояр, своему властителю – московскому князю. Они как бы становятся привилегированными «холопами», просто боевыми слугами, получающими за это землю и обязанные приходить на службу «конно, людно и оружно». Здесь

---

¹⁰ Ключевский, В. О. История России. Специальные курсы / В. О. Ключевский. – М., 2003. – С. 170–171.

напрашивается аналогия не с европейскими стандартами, а с социальной системой Османской Империи. Властитель её, турецкий султан, создал систему «сипахов», посаженных на землю с крепостными из новообразованных мусульман – пленных христиан – воинов, которые должны были за свой счёт собираться на войну. Кто же отказывался от службы султану, того сажали на кол или прислали шнурок, чтобы он удавился. Московское княжество заимствовало восточный образец государственного управления, сделав своих подданных «служилыми холопами». «Чины в Московском государстве различались между собой государственными повинностями, а не политическими правами, но повинности различных классов приносили государству неодинаковую пользу, поэтому и классы, которые несли их, пользовались неодинаковым значением в государстве... Каждый класс имел свою чиновничью «честь», которая точно формулировалась законом. «Честь» боярина была иная, чем «честь» московского дворянина; «честь» последнего была выше «чести» дворянина городского и т.д. до самого низа общества»¹¹.

Московские князья использовали для своего возвышения и такой важный для Средневековья социальный институт, как церковь. Православная церковь оставалась в означенное историческое время единственным общерусским социально-политическим институтом. И слово митрополита имело большое значение для всех земель и княжеств, тем более что именно в этот исторический период произошло отождествление понятий «русский» и «православный». Иван Калита начал политику заигрывания с церковью, предоставлял ей особые права, поскольку митрополит мог принудить любого князя примириться с Москвой, отлучив от церкви, например. Поэтому Иван Данилович постоянно приглашал Митрополита Петра в Москву, давал ему возможность создавать многочисленные монастыри вокруг Москвы. Митрополит Пётр и скончался в Москве, предсказав городу большое будущее. Его преемник – грек Феогност окончательно перенес в Москву митрополицию кафедр.

---

¹¹ Ключевский, В. О. История России. Специальные курсы / В. О. Ключевский. – М., 2003. – С. 172.

Что касается главной производительной силы тогдашнего общества – земледельческого класса крестьян, то его социальное положение было достаточно размыто. Крестьяне, все ещё называемые «смердами», селились в качестве длительных арендаторов на княжеской земле и по мере временной исторической протяженности становились живой собственностью помещиков – дворян, обязанные поставлять им не только средства к жизненному существованию, но и боевых холопов для войны. По подобию своего положения с Золотой Ордой московский князь возложил уже на своих привилегированных слуг – дворян право сбора налога с крестьян как в свою, дворянскую пользу, так и в пользу государства. Начался процесс всеобщего закрепощения социальных слоёв московского княжества государством.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В основе развития каждой культуры или цивилизации (в данном случае будем считать эти понятия синонимами) лежит некий неразложимый осадок, её инвариант. Среди растений и животных таким инвариантом является генно-хромосомный аппарат – геном, отвечающий за сохранение и передачу наследственной информации. Нечто похожее можно наблюдать и в общественной жизни, где «эволюционно сформировался подобный же инвариант, обеспечивающий негенетическое социальное наследование составляющих надбиологической жизни человечества»¹². Он получил (пока ещё не общепризнанное) название социогенома. В любом случае именно они придают качественное своеобразие определённой стране и делают Россию Россией, Францию Францией, при всех возможных изменениях, модификациях.

Как же развивался социогеном русского народа в его историческом центре – Москве? Политическое развитие в средневековой

---

¹² Алексеева-Бескина, Т. И. Саморазвивающаяся система города и константы переходных периодов урбогенеза / Т. И. Алексеева-Бескина // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. – М., 2001. – С. 111.

России в XIV–XV вв. проходило в обстановке сначала совместного «сожительства» в рамках одного государства и заимствования ценностных ориентаций в политической и социальных областях с Золотой Ордой, а затем уже борьбой с её осколками, а также с постоянным усиливающимся противостоянием с Великим княжеством Литовским, с Ливонским орденом, а впоследствии и войнами с Швецией. Поэтому Московское государство постепенно складывается в форме разветвленной военной организации, главной социальной задачей которого является военное дело. Вся система экономической жизни России была направлена на поддержание обороноспособности страны. Этот принцип, заимствованный из политического «наследия Чингисахана», определял характер власти в Московском государстве, когда вся система принятия решений, и не только военных, сосредотачивается в руках одного государя. Этот восточный принцип «власти – собственности» стал наиболее значимым рефреном развития российской истории. При этом «власть – собственность» в Московском государстве сосредотачивалась в руках московского князя, и в его лице: «...в государе – царе и великом князе вся Руси выступает власть единоличная с территориальным и политическим значением; он наследственный владетель всей территории, он правитель, властитель живущего на ней населения; его власть определяется целями общего блага, а не гражданскими сделками, не договорными служебными или поземельными отношениями к нему его подданных»¹³.

Социально-экономической основой «власти – собственности» было неоспоримое право элиты на избыточный продукт, взимаемый в виде «ренты – налога». Весь результат экономической деятельности централизованно направляется в царскую систему распределения, а затем расходится среди различных социальных слоев в тех параметрах, которые определяются степенью близости той или иной социальной группы к властным структурам. По мере постепенного упрочнения подобной социальной практики распределения социальных и материальных благ постепенно проявляется тенденция приближенных к этому процессу лиц сделать институты

---

¹³ Ключевский, В. О. История России: специальные курсы / В. О. Ключевский. – М, 2003. – С. 132–133.

подобного распределения и их формы (сначала земля, а затем при Петре I и казенные заводы) своей собственностью. Однако этот процесс не превращает новообращенных хозяев в частных собственников, по крайней мере в европейском смысле. К. Маркс, напомним, называл такую систему «азиатским способом производства»¹⁴. Социальная структура раннего Московского государства, таким образом, внешне покоилась на старом, европейском фундаменте, а его наличие определяется долго сохраняемым институтом наследственного владения – «вотчины». Однако постепенно, в рамках повседневной социальной практики, она дополнилось видоизмененным азиатским, точнее, тюркским (по аналогии с турецкими «сипахами»), военно-служилым владением – «поместьем», которое давалось за службу дворянину, а иногда и боярину, но не было наследственным владением. По мнению отечественных историков, «...этот факт сообщил всему строю Московского государства своеобразный характер. В других странах мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями или на сосредоточении прав в одних сословиях и обязанностей в других. Политический порядок в Московском государстве основан был на развёрстке между всеми классами только обязанностей, не соединённых с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей. Отношение обязанностей к этим выгодам в Московском государстве было обратное тому, какое существовало в других государствах между политическими обязанностями и правами; там первые вытекали из последних как их следствия; здесь, напротив, выгоды были политическими последствиями государственных обязанностей. Это различие отношения выражалось в том, что там сословные обязанности слагались с лица, отказавшегося от сословных прав; здесь, напротив, не позволено было слагать с себя обязанности даже под условием отказа от выгод, и часто обязанность оставалась на лице, не пользовавшемся соответствующими выгодами. Так, обязательная ратная служба в Московском

---

¹⁴ Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1965. – Т. 13. – С. 7; Т. 25. Ч. 2. – С. 354.

государстве соединена была с поместным владением, но иному служилому человеку не давали поместья, если он и без того имел средство служить, владел достаточной вотчиной»¹⁵.

Основываясь на дореволюционной традиции в русской историографии, американский историк Р. Пайпс определяет средневековую политическую систему средневековой Руси как вотчинную монархию, в которой функции главы государства и хозяина княжества-вотчины совпадают полностью¹⁶. Царь – собственник не только территории, но и в известном смысле населения, на ней проживающего. Последнее разбито на категории по функциональному признаку («государевы служилые люди», «государевы тяглые люди», даже «государевы богомольцы»). В данном случае американский исследователь русской истории исходит из традиционного для западного ученого процесса рассмотрения отношений собственности. Однако здесь видится внешняя сторона совпадения понятий, когда за формально внешними европейскими формами, оставшимися в виде мертвой исторической традиции, скрывается азиатское содержание самого социального явления.

Своеобразием политической системы Московского царства в определенной мере способствовал географический фактор. Но здесь господствовал не традиционный для марксистской историографии тезис о торговых связях как стимуле становления государства. Москва как город лежал вдалеке от торговых путей, располагаясь на притоке реки Оки, причём последняя впадала в Волгу. Недаром на протяжении столетий главными политическими соперниками Московского княжества станут торговые города: Тверь, Нижний Новгород и особенно Господин Великий Новгород. Имевшаяся в Московском княжестве природа позволяла русскому крестьянину обеспечить минимум его житейских потребностей и спастись в лесистой московской местности от татарских набегов, но она оставляла очень мало способов накопления прибавочного продукта, как это хорошо показано в работе Л.В. Милова. Россия, по его мнению, «была многие столетия социумом с минимальным

---

¹⁵ Ключевский, В. О. История России: специальные курсы / В. О. Ключевский. – М., 2003. – С. 372–373.

¹⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М., 1993. – С. 92, 102.

объемом совокупного прибавочного продукта...»¹⁷. Московское государство постоянно забирало у крестьян не только прибавочный продукт, но и часто самое последнее, мотивируя подобную социальную практику высшими государственными интересами. Какого-либо внешнего интеллектуального влияния на московских властителей, кроме политических традиций Золотой Орды, не было. Правда, нельзя исключать и определенное воздействие византийской политической мысли (через православное духовенство), но оно не могло быть значительным. Вряд ли русские князья усердно изучали труды византийских мудрецов, зато они прошли великолепную 250-летнюю практику ордынской политической школы. Сложившееся в таких условиях государство было не столько вотчинным, сколько военно-служилым. И таковым оно в том или ином виде оставалось до конца XIX в. В таком государстве имелось много военной силы и разного рода командиров, но отсутствовали граждане. Оставляя до более благоприятного времени терминологические споры, отметим, что военно-служилый фактор в любом случае оставался, наряду с «властью – собственностью» доминирующим в истории России, неоднократно меняя форму, но сохраняя практически в неизменном виде содержание. В этой связи нелишне будет процитировать слова М.М. Сперанского, знакомого с нашей государственностью не «понаслышке»: «Россия есть, и всегда была государство военное. Гражданская ее установления суть средства, а не цели ее бытия... Начала ее управления были всегда совершенно военные, всё и всегда управлялось одними дневными приказами, хотя форма их была различна»¹⁸.

Московское княжество во время правления Ивана Калиты (1325–1341 гг.) сумело занять ведущие позиции в Северо-Восточной Руси. Это стало возможно по причине того, что «...Орда перестала высылать на Русь своих людей для сбора денег, отдав это право Московии. Именно получение фискальной власти стало для

---

¹⁷Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М., 1998. – С. 411.

¹⁸ Цит. по: Прутченко, С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения / С. М. Прутченко. – СПб., 1899. – С. 16.

княжества переломным моментом»¹⁹. Наличие мощной силы военно-служилого элемента позволяло собирать эту дань и подавлять вооруженной силой недовольных этим процессом. Таковы истоки политического возвышения Московского княжества в рамках исторического процесса, о чём не любят рассуждать отечественные историки²⁰. Когда же и как Московское княжество стало лидером социально-политического развития страны, уже основываясь на требованиях развития своей страны, а не желаниях ханов Орды? Отправной точкой или переломным моментом в истории России принято считать Куликовскую битву 8 сентября 1380 года. Это историческое событие является начальным этапом формирования русской национальной идентичности и началом процесса становления независимого Российского государства. Но какие причины социального характера подвинули московских князей – слуг Золотой Орды возмутиться против своих хозяев?

В середине XIV века в Золотой Орде наступил период феодальной раздробленности – за 24 года сменились 42 хана. Московские князья за все это время дань собирали – ибо народу русскому не было известно истинное положение дел, но дань в Орду не посылали. Победивший в междоусобной войне в Орде хан Мамай потребовал от Москвы выплатить дань за 20 лет. Вот тут-то и сказалась потомственная жадность представителей рода Калиты. Выдвинув идеологическое обоснование на неуплату дани в форме того, что Мамай был сыном наложницы, а не законной жены хана Узбека (что, кстати, было аргументом не идти на Русь и для Казанских татар), московский князь Дмитрий собрал всех служилых людей, нанял воинов в Великом княжестве Литовском и разбил «бастарда» Мамайя. То, что одержав первую за 130 лет победу над татарами, московский князь Дмитрий не проникся русской национальной идеей, лучше всего иллюстрирует его поведение в 1382 году. Тогда к Москве подошёл уже другой хан, Тохтамыш, от законной жены хана Узбека, и «национальный герой», причислен-

---

¹⁹ Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 88.

²⁰ Или им это не дают обстоятельства социально-политической действительности в лице административного начальства. – Примечание автора.

ный впоследствии к лику святых, бежал на Север, в Белоозеро, прихватив и жену, и казну. Тохтамыш Москву сжёг, но урок Куликовской битвы для татар не прошёл даром – они удовлетворились подтверждением «статус кво», то есть продолжением выплаты дани, а за московскими князьями закрепили право передавать великокняжеский престол по наследству, сохраняя ритуал получения ярлыка.

На рубеже XIV–XV вв. в Московском княжестве, в период правления князя Василия I (1389–1425 гг.), произошёл важный социальный сдвиг в системе властных отношений в княжестве. В своём завещании князь Василий I впервые письменно закрепляет право передачи престола не старшему в роду князей, а старшему сыну великого князя. Сточки зрения всех форм историографии – и либеральной, и марксистской, государственной, теократической и прочее – факт, несомненно прогрессивный, хотя бы с точки зрения сохранения элементарного социального порядка в государстве.

Это завещание Василия I не было сразу принято всей элитой князей и бояр не только Московского княжества, но и других, формально независимых и полунезависимых княжеств. В традиции всё ещё сохранялся принцип родственного наследования, тем более что отец Дмитрия Донского, князь Иван Иванович, стал великим князем только после смерти своего старшего брата Симеона Гордого. Да и завещание самого Дмитрия Донского было достаточно неясно, в тексте которого оставлялась возможность наследования престола великого князя, вслед за Василием, его братом Юрием²¹. Последний воспользовался своим историческим правом и начал противостояние со своим племянником, вошедшее в российскую историографию как феодальная война 1425–1453 гг. В задачу автора данной работы не входит рассмотрение всех перипетий этой борьбы, долго ведшейся с переменным успехом. Здесь важен социальный, а подчас и в узком смысле психологический аспекты данного исторического явления.

Война между родственниками за обладание престолом Московского княжества шла не только между персоналиями, но и между представителями различных социальных менталитетов. Основную

---

²¹ См.: Зимин, А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России в XV в. / А. А. Зимин. – М., 1991. – С. 8.

ударную силу войска князя Юрия Дмитриевича (дяди Василия II) и его сыновей, Василия Косого и Дмитрия Шемяки, составляли выходцы из Вятской и Галицких земель. Это были охотники-промысловики, периодически становившиеся торговцами в период реализации своей добычи. В этом регионе средневековой Руси было много городов, которые вели обширную торговлю с соседними областями и посредничали с зарубежьем. Этим людей отличали предприимчивость и высокие боевые качества. Как отмечают отечественные историки, социальное устройство в Вятской и Галицких землях было близко к новгородскому, при наличии своих бояр и ополчения, подчинявшихся «ватаманам» (то есть прародителям казачьих атаманов, хотя бы лингвистически), земским воеводам²². Именно эти «витязи» Северной Руси неоднократно оказывались победителями в боевых столкновениях с московскими полками, обеспечив и Юрию Дмитриевичу, и его сыну Дмитрию Шемяке кратковременное господство над Москвой. А Василий II одерживал свои победы (в боевом, сугубо ратном смысле) над своими противниками в ходе феодальной войны при помощи ханов Золотой Орды и в Москву часто прибывал в сопровождении татарского эскорта²³. Помимо татар, победу Василию Тёмному обеспечил и большой слой служилых бояр московских, боявшихся установления в Москве новых порядков, появления новых людей, финансовой реформы (Дмитрий Шемяка первым начал на Руси чеканить так называемую «копейку», мелкую разменную монету), и что самое главное, Дмитрий Юрьевич Шемяка наотрез отказался платить дань татарскому хану²⁴. В своих работах А.А. Зимин так охарактеризовал «моральные» основы Москвы быть центром объединения русских земель: «Не стала Москва... средоточием сил национального сопротивления татарам, не смотря на гром Куликовской победы. И.В. Всеволожский (московский боярин, приближенный к Василию II «Тёмному – Д.К.), выклянчивая в Орде ярлык на великое княжение Василию II, ... доказывал, что его подопечный обязан

---

²² См.: Зимин, А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России в XV в. / А. А. Зимин. – М., 1991. – С. 19.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Там же. С. 129.

своей властью только воле ордынского царя и распоряжению своего отца, Василия I. Князь же Юрий искал великого княжения «духовною отца своего». Этим отцом был Дмитрий Донской, с именем которого связывали победу над татарами. Борьба за наследие Дмитрия Донского, которую вели галицкие князья, была вместе с тем борьбой против татарских поработителей. Образ Георгия Победоносца особенно почитался на Севере Руси – в Новгороде, на Двине и Вятке. Ему посвящались церкви. Этот культ как бы связывал воедино образ победителя змия (под которым разумели татар) и образ блистательного князя Юрия Дмитриевича, основателя могущества галицких князей, истинного наследника Дмитрия Донского. Знамя борьбы с татарскими насильниками прочно держал в своих руках и его сын князь Дмитрий Юрьевич Шемяка.

А вот Василий II стал верным вассалом Улу-Муххамеда (хана Золотой Орды – Д.К.), навел татар на Русь и платил ордынскому царю и наемникам татарам колоссальные «выходы» и поборы. Василий II... сделал татарские отряды составной частью русского войска... и создал вассальное Касимовское царство, не только беспокоившее ордынцев, но и стоившее дорого для подданных великого князя.

Верные своей политике («разделяй и властвуй») татары поддерживали Василия II тогда, когда поняли, какую опасность для них представляет Дмитрий Шемяка. Они всегда были готовы поддерживать слабейшего против сильнейшего»²⁵. Такой же политики придерживались и большинство князей московской поместной службы и удельных князей. Здесь сыграла боязнь, социальная зависть посредственностей к таланту. Правда, расплата за этот сиюминутный успех и возведение на престол слабого и слепого Василия II наступившим течением 150 лет, ко времени правления Ивана Грозного. Дар социального предвидения не был развит у мелкопоместного дворянства Северо-Восточной Руси. А северные витязи, выступившие на стороне Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки, были слабы численно и имели малые материальные резервы для длительной борьбы с многочисленными противниками.

---

²⁵ Зимин, А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. / А. А. Зимин. – М., 1991. – С. 195–196.

При этом после победы в феодальной войне московские власти постарались отблагодарить тот социальный слой своего государства, который обеспечил им массовую поддержку внутри Руси. Судебник 1497 г. юридически провозгласил, что вся земля находится в собственности великого князя. В статье 63 Судебника 1497 года говорится «О землях суд», то есть упоминает о землях великого князя, боярских, монастырских и чёрных землях, добавляя помещика, «за которым земли великого князя». Судя потому, что срок иска в поземельных спорах для всех категорий определялся в три года, видно, что никакой поземельной иерархии в Московском княжестве не существовало, социальное положение и вотчинных и поместных хозяев установленный великим князем закон приравнивал к общему знаменателю. Вывести из этого какой-то феодально-развитой строй европейского образца весьма сложно. О равенстве всех землевладельцев перед законом говорит ст. 60 Судебника: «А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ин статок весь и земли дочери; а не будет у него дочери, ино взятии ближнему от его рода»²⁶. Так, мелкопоместное дворянство и удельные князья получили от своего «сюзерена» не потомственные владения, не бенефициарии, а право условного держания земли, на правах бессрочной военной службы. Напоминает это не централизованные европейские государства, а военно-ленную систему Золотой Орды и Османской империи. Что ж, как говорится в русской народной пословице, «По Сеньке и шапка».

---

²⁶ Российское законодательство X–XX веков. – В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985. – С. 61–62.

НЕИЗВЕСТНАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВГОРОДЕ И ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

В данной работе автор уже затрагивал тему особого исторического положения Новгорода и западных русских земель в отечественной историографии. История Руси – России с конца XIII века в трудах большинства отечественных историков – это история Москвы и сопредельных с ней территорий. Основа для такой парадигмы – государственный централизм и московскоцентризм, не допускающий никакой иной вариантности в развитии русских земель. В качестве основного аргумента для торжества подобной точки зрения приводится факт военной и политической победы московского варианта исторического пути России. О московской победе никто и не спорит, но почему иные, альтернативные пути развития истории нашей страны отвергаются как не состоятельные и не достойные изучения?

Социальная структура Новгорода как государства достаточно полно уже рассматривалась. В дополнение к сказанному автор хотел бы остановиться на следующем. В политический ареал господства Золотой Орды Господин Великий Новгород не входил, хотя периодически платил Орде «откуп». Внешнеторговые связи Новгорода простирались на весь Север Европы. Гораздо раньше голландцев новгородские ватаги «ушкуйников» (морские бродяги, разбойники и купцы, своеобразный реликт викингов-варягов и в определенном смысле предтеча казачества) проникли на Новую землю и Шпицберген. Доходы новгородской казны росли, а соответственно, росли и доходы патрициата города. Поэтому внутри городского сообщества усиливалось влияние мощных торговых кланов, именуемых в Новгороде «боярами» по старорусскому образцу. Правда, в самом Новгороде эти «бояре» были больше торговыми предпринимателями, хотя известная доля земельной собственности за ними числилась. Но сама земля в новгородской социально-экономической системе не являлась главным социальным и политическим регулятором, поскольку была неплодородна и в лучшем случае была источником получения строительного леса и продуктов бортничества. Поэтому под термином «новгородские «бояре» в городе понимались многочисленные социальные слои, имеющие

существенный материальный достаток, как то: посадники и тысяцкие, так называемые «степенные», то есть состоящие на службе в городской администрации, бывшие «степенные», вышедшие в отставку, старосты новгородских «концов», сотские ополчения – вся эта многочисленная группа заняла к XIV веку главенствующее положение в городе, составив так называемый совет господ, во главе которого стоял новгородский архиепископ. Общегородское вече этот совет старался собирать как можно меньшее число раз, и из него постепенно вытеснялись пригороды Новгорода. В начале XIV века новгородские горожане отвергли титул князя Новгородского²⁷.

Продолжая свою торговую экспансию, Новгород стал одним из крупнейших торговых центров не только самой Руси, но и всей средневековой Европы. Сам город как бы стал передаточным звеном торговли Запада и Востока. В нём находились многочисленные склады для товаров, а самом городе существовал так называемый «Немецкий двор» для купцов Ганзы. Ещё в конце XII века, примерно в 1197 году, купцы Великого Новгорода проникли в Сибирь, в устье реки Оби.

Напряжённой была культурная жизнь города, которая окрашивалась по тогдашней системе ценностей в религиозные тона. В начале XV века в Новгороде под влиянием западноевропейских ересей появились свои религиозные движения – ереси «жидовствующих» и «стригольников». Первая ересь, сторонником которой был архиепископ Геннадий, через латинское издание библии перевели на церковнославянский ветхий завет. Секта «стригольники» явилась в определённом смысле предтечей баптистов по своей программе. Всё это говорит о напряжённой духовной жизни жителей Новгорода, происходящей в контексте развития средневековой европейской культуры.

Тем не менее, будучи гораздо выше по уровню социального развития, чем Москва, Новгород проиграл политическую борьбу. Отечественные историки считают в своих работах, что это произошло от измены православию, из-за контактов с католической Литвой, в

---

²⁷ См.: Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 105.

союз с которой хотел вступить Новгород во второй половине XV века. Но в это историческое время католичество ещё не захватило власть в Великом княжестве Литовском и окатоличиванию подвергались только этнические литовцы, а большинство населения княжества тогда составляли православные русичи. Уния с князем Литвы позволяла Новгороду продолжить процесс контактов с зарождавшейся на Западе культурой Возрождения. В то же время (в 1470 г.) Московский князь всё ещё оставался, пусть и формально, агентом Золотой Орды.

Но в Новгороде шла яростная внутренняя борьба, и большая часть простого народа, так называемая «чадь», а подчас и просто охлократическая чернь, стала высказывать свои симпатии московскому князю, как противнику богатых бояр, которых можно было бы в ходе борьбы ограбить. Богатые же горожане составили так называемую «пролитовскую» партию, во главе которой негласно стояла женщина – Марфа Посадница. В 1470 году эта группа горожан одержала верх на Вече и в соответствии со старым, не отменённым обычаем, пригласила в Новгород на княжение киевского князя Михаила Олельковича, русского князя, но вассала Великого княжества Литовского.

На следующий год возникли традиционные пограничные споры между Новгородом и Псковом. Московский князь Иван III воспользовался им как предлогом и послал в помощь Пскову войско, в основном состоявшее из касимовских татар. В 1471 году состоялась битва между новгородцами и москвичами на реке Щелонь. Московский воевода Даниил Холмский поступил в старых традициях Золотой Орды. Послал новгородскому архиепископу бочонок с золотом накануне битвы. В решающий период сражения кавалерийский полк новгородского архиепископа не вступил в бой. Битва была проиграна новгородцами. В итоге последние вынуждены были заплатить Московскому князю 15 тысяч рублей контрибуции и обязались отказаться от союза с Литвой. Формально независимость Новгорода сохранялась.

В 1477 году от промосковской партии к Ивану III прибыло посольство с жалобами на бояр. В ходе беседы новгородские агенты Москвы назвали Московского князя «государём». То есть в то

гдашнем понимании хозяином, а не «господином» – главой суверенного государства. Реакция Ивана III последовала незамедлительно. Московский государь предъявил Новгороду ультиматум: «Вечу не быти, посаднику не быти, а государство всем нам держати». В 1478 году к Новгороду подошло сильная московское войско: вечевого колокол был снят, а три тысячи «бояр» новгородских разсланы по окраинам московского государства. Их состояния и владения взяты в казну Великого князя, а не разграблены новгородской чернью, как те наивно надеялись.

Падение Господина Великого Новгорода чем-то напоминает судьбу античного Карфагена. Горожане имели развитую инфраструктуру, много денег, но не было у них порядка, организации. Немецкие спортивные тренеры имеют пословицу – «Порядок бьет класс». В данном случае примитивный военно-служилый порядок Московского княжества, приправленный ордынскими традициями коварства, оказался выше более культурно развитых новгородцев.

Вторая часть бывших земель Киевской Руси – Западная Русь имеет в отечественной историографии ещё менее завидную судьбу. В ходе освещения исторического процесса куда-то пропало полстраны – Киевской Руси. Автор этих строк уже поднимал вопрос о русских землях, попавших под номинальную власть Великого княжества Литовского. Помимо того, что западные русские воины выдержали в конце концов военный натиск Золотой Орды, им ещё и удалось в контакте с другими народами Восточной Европы (литовцы, поляки, чехи) одержать совместную победу над Тевтонским орденом в битве при Грюнвальде в 1410 году. В ходе этих постоянных войн в православных русских регионах Великого Литовского княжества формируется слой профессиональных воинов, которых на польский манер начинают величать шляхтой или шляхетством. Их большее количество, чем рыцарство в европейских странах, определено постоянными набегами татар и их отражением, а также войнами с рыцарскими прибалтийскими немецкими образованиями. Причем походы литовских князей на Москву в середине XIV века рассматриваются самими военными деятелями княжества как составная часть борьбы с Золотой Ордой, поскольку Москва тогда была агентом Золотой Орды. Выступление

князя Ягайло против Дмитрия Донского было произведено в контексте вмешательства Литвы в межфеодальную войну в самом улусе Золотой Орды. Впрочем, князья Великого княжества Литовского индифферентно смотрели на службу православных литовских князей в Москве (достаточно вспомнить воеводу Боброк-Волынского на Куликовом поле и литовско-русского князя Остея, который руководил обороной Москвы против Тохтамыша в 1382 году).

Сама по себе православная шляхта не была аналогом европейского рыцарства. Это был частично перенесённый с польского образца социальный слой военных федератов – крестьян, обязанных власти только военной службой. Рядом с ними жили «холопы, хлопы» – то есть население, которое платило налоги и было освобождено от военной службы. Попасть в «шляхту» было сравнительно просто – во время очередной войны надо только вступить в войско, а там уж, как говорится, «либо пан, либо пропал». При этом социальная разница между «шляхтой» и «хлопами», по мнению отечественных исследователей, была невелика. «...Подавляющее большинство шляхты составляла так называемая застенковая шляхта, аналог русских однодворцев. Её представители обитали в крошечных хуторах («застенках»), сами пахали землю вместе с крестьянами, поскольку всё их дворянское достояние зачастую заключалось в дедовской сабле»²⁸. Этот пример, хотя он и больше относится к самим полякам, был очень распространён в западно-русских землях именно из-за начавшегося развиваться польского социального и культурного влияния. Связано это было отнюдь не с прелестями польских девиц, воздействующих на неокрепших духом православных отроков, в стиле гоголевских произведений, о которых пишет тот же Л.Н. Гумилёв, а с отсутствием социального развития в западнорусских землях, законсервировавшихся там традиций Киевской Руси и ростом, с развитием книгопечатания, юридического и правового влияния стран Восточной Европы. Именно в XVI веке, с появлением, благодаря Игнатию Скорине печатного старорусского шрифта, возможности вести правовые отношения в

---

²⁸ Гумилёв, Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. – М., 1992. – С. 242.

Великом княжестве Литовском, появляются так называемые Литовские статуты, впервые регулирующие социальные отношения в княжестве. Появляются пока ещё на русском языке, пусть и в его раннем белорусском варианте. Это говорит как о пока ещё малом влиянии тогда католической церкви в княжестве, так и о наличии всё ещё сильной критической массы собственно православного, русского населения. Ну а то, что православная знать, в частности князь Острожский, успешно воюет с московскими князьями, говорит о том, что московская государственная модель в то время разделялась ещё не всеми православными.

Наличие своего митрополита в Киеве и существующие пока слои православной русской знати в западнорусских регионах позволяли ещё долго сохраняться этой особой русской православной общности. Причём это были не украинцы или белорусы в понимании политиков XX века, а социум, вплоть до конца XVIII века называвший себя «русскими» людьми.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИЗЛОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ В XV–XVI ВВ.

После политической ликвидации единственного в средневековой Руси островка городской демократии – Новгорода московские правители начали организовывать то, что марксистские историки называли «централизованным государством». Аналогичный процесс проходил в то время в Западной Европе: во Франции, Англии, Испании. Однако формы и методы этого процесса, его социальные решения, задачи и итоги оказались различны в России от Европы.

Процесс становления национальных государств в Европе связан с формированием на их территории основ общенационального рынка. Причём в самих европейских странах связь между становлением экономических и социальных основ рыночных отношений была очень сложной и далеко не прямолинейной. Например, в Италии рыночные отношения сложились в XIV веке, а единое государство возникло в XIX в. В Германии основы национального рынка появились в XVI веке, а объединенное немецкое государство возникло только в XIX веке. В Испании вообще стимулом для создания единого государства явилась многовековая борьба с арабами –

маврами под знаменем «реконкисты» – отвоевания страны ²⁹. Но в целом основным условием политического объединения страны в Европе выступало экономическое единство и рост социального многообразия. В части контекста социального развития в европейских странах на базе экономических интересов формировался социальный союз городов и королевской власти, происходила консолидация национальной элиты, при которой мелкие и средние феодалы более ориентировались на политический союз с королём, способным обеспечить их материальное благополучие и возможность продвижения по службе. Также изменился и социальный спектр крестьянских слоёв: на смену крепостным сервам приходят цензитарии, обязанные своему сеньёру только денежной рентой. Эти крестьянские слои объективно также были заинтересованы в формировании общенационального рынка, чему способствовала власть короля, и следовательно, крестьяне-цензитарии объективно были на стороне сюзерена – короля.

В России процесс централизации шёл иначе и имел иное социальное содержание. В Великом княжестве Московском не союз русских городов с великокняжеской властью был движущей силой объединения, а полное подчинение городов государственной власти, вплоть до насильственной депортации городской элиты, как это было в Новгороде. Внутри же господствующего класса, который с большим трудом можно назвать феодальной элитой, шла не политическая консолидация, а создание из княжеских и боярских холопов альтернативного боярству нового слоя дворян – помещиков как опоры центральной великокняжеской власти. В крестьянской среде происходило не ослабление и исчезновение личной зависимости от господина, а конституирование крепостного права через постоянно редактируемые в пользу закрепощения Судебники. В централизации «по-московски» главную роль социального фактора стали играть полуавтократические общины дворян-помещиков и крепостных крестьян, которые в экономическом смысле вели преимущественно натуральное хозяйство.

---

²⁹ Ситуация, во многом аналогичная для Руси XIII века, но упущенная по вине древнерусской элиты и православной церкви. – Примечание автора.

События же 1480 года, когда Иван III (1462–1505 гг.) решился выступить против своего внешнеполитического хозяина – Золотой Орды, можно рассматривать как поступок набравшего силу васала, уходящего от потерявшего силу хозяина. То, что Великий князь московский не рассматривал противостояние против Орды как «цивилизационный» конфликт православия с исламом и как конфликт русских с татарами, хорошо иллюстрирует так называемое «стояние на реке Угре». Московские войска несколько месяцев просто выжидали и не переходили в наступление, уже получив солидные подкрепления, и просто «пересидели» Орду. Вопрос о ярлыке решился без кровопролития, в определенном смысле «по-семейному». Усилившийся политический родственник, исходной государственной моделью которого послужила Золотая Орда, просто ушёл в свободное самостоятельное политическое плавание.

Существенным отличием создаваемой политической системы Московского царства от её европейских «партнёров» стало преобладание в Московии – России вертикальных управленческих связей (государство – слуги – население) над горизонтальными (взаимоотношения между субъектами политического процесса, регулируемые системой права). Эта российская специфика социально-политического устройства отмечалась многими отечественными исследователями. С.М. Соловьёв писал об этой российской особенности: «...Когда части народонаселения, разбросанные на огромных пространствах, живут особой жизнью, не связанные разделением занятий, когда нет больших городов, кипящих разнообразной деятельностью, когда сообщения затруднительны, сознания общих интересов нет, – то раздробленные таким образом части приводятся в связь, стягиваются правительственной централизацией, которая тем сильнее, чем слабее внутренняя связь, централизация восполняет недостаток внутренней связи, обуславливается этим недостатком, и, разумеется, благотворна и необходима, ибо без неё всё бы распалось и разбредлось»³⁰.

Таким образом, вариант федеративного образа нового государства, который отстаивали торговые центры Тверь и Новгород, а

---

³⁰ Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв // Сочинения. – Кн. 1–8. – М., 1989. – С. 265.

также специфический пограничный район Рязань, не получил исторического развития. Москва, прошедшая строгую ордынскую политическую школу, отстояла идею унитарного военно-служилого государства. С точки зрения общего исторического значения любая централизация страны – объективно положительное явление. Однако для Руси – России цена за этот процесс была достаточно высока. Ход объединения русских земель в значительной степени имел характер завоевания Москвой соседних с ней княжеств, какую бы религиозно-политическую окраску этому не придавали последующие идеологи. Во многих покорённых землях ликвидировались традиционные формы народного представительства. Навечно замолкли вечевые колокола в Новгороде, Пскове, Вятке.

При описании социального мира Московии XV–XVI вв. автору этих строк можно сделать замечание по поводу сохранения в Московском государстве так называемых самоуправляющихся крестьянских «миров», в которых можно разглядеть зачатки местного самоуправления и ростки какой-никакой, но всё же «демократии». Здесь следует отметить, что великокняжеская московская власть, безжалостно пресекавшая любые попытки со стороны каких-либо социальных слоёв установить какой-либо процесс некоего социального партнёрства, рассматривала крестьянское мирское самоуправление как форму низшего и, что важно, бесплатного придатка своей администрации. Челобитные крестьяне на лихоимство наместников и воевод являлись своеобразной формой контроля за местными «сатрапами».

Система управления в Великом княжестве московском долго была достаточно примитивной: всеми управляющими обязанностями распоряжался так называемый Двор, а финансами и дипломатией ведала Казна, причём последняя становится нечто вроде государственной канцелярии. Служащие Казны – дьяки сосредотачивают в своих руках все важнейшие отрасли государственного управления. Они занимались дипломатией, распределяли направления службы по «разрядам» служилых людей, образовывали аппарат Боярской Думы, начинали выполнять «особые «поручения» Великого князя. В общем, прослеживаются контуры будущей приказной системы. Также вышеуказанные дьяки начинают выполнять

«идеологическую» функцию – наблюдают и редактируют летописание, чтобы не проникла какая-либо крамольная мысль в освещение исторических фактов в нужной для Великого князя редакции.

На периферии Московского государства управление и суд осуществляют наместники, контролируемые Боярской Думой. Наместник имел право держать свой штат административных служителей: 1–2 тиуна (хозяйственные управители) и до 10 «доводчиков» – чиновников на побегушках, доводивших до населения суть административных распоряжений наместника. Жалованье вся эта местная администрация получала за счёт «кормления» со всех крестьянских миров. Во вновь присоединённых областях – новгородских и тверских землях – были созданы свои областные дворы, копировавшие систему управления с Московского двора.

С установлением в начале XVI века централизованного государства в Северо-Восточной Руси, ставшей называться Московией, складывается новая, отличная от традиций Киевской Руси социальная лестница для социума нового государственного объединения. На вершине социальной пирамиды находится Великий князь московский, с Ивана III уже периодически именуемый «государём», а после женитьбы последнего на последней византийской принцессе Софье (иногда называемой Зоей) Палеолог начавшегося нарекается «самодержцем». Последнее обозначение властных полномочий было важно для московских князей, относительно недавно избавившихся от «ярлыка» и поэтому стремившихся продемонстрировать свою внешнеполитическую независимость, как «самостоятельно державших державу».

Вслед за Великим князем в верхней части социальной лестницы находились великие князья. К таковым относились дальние родственники династии Ивана Калиты – великие князья владимирские, тверские, рязанские, ростовские, суздальско-нижегородские. Отношения между ними внутри Московского государства были сначала как между самостоятельными государственными объединениями, но по мере усиления московской «вертикали власти» великие князья всё чаще признавали верховенство Москвы во внешних делах, а в «докончаниях», то есть договорах с великим Московским князем, именовали себя «молодшими братьями». В свою очередь вла-

дения этих «великих князей» делились на владения удельных князей, которые должны были стоять «За один» со своим великим князем. Постепенно удельные князья переходят на службу к великому князю Московскому, отказываясь от своих верховных прав, за что Москва сохраняет за ними часть вотчин и княжеский титул. Так появляются служилые князья, постепенно сливающиеся с боярством.

Среди господствующего класса важную роль играли так называемые бояре, следующие в иерархии за князьями. Они имели, в большинстве случаев наследственные вотчинные права на свои земельные владения и получали от власти так называемые «тарханы» – свидетельства о владении (в названии и в форме владения чувствуется наследие Золотой Орды). В XV–XVI вв. ещё теоретически существовал обычай отъезда бояр от князей – своего рода боярский «Юрьев день», но отъехать на службу можно было только в Великое княжество Литовское, а это уже стало приравниваться к государственной измене. Боярство начало ранжироваться по старшинству: выше всех было старомосковское боярство, находившееся на службе в Москве с XIV века, затем шло тверское и так далее.

Ниже бояр шло служилое сословие дворяне – помещики. Своё название они получили от «слуг по дворским» – холопов великого князя Московского, нёсших военную службу, за что они получали от великого князя поместье. Это владение могло передаваться по наследству, но только при условии несения обязательной службы. Так на Руси появилась поместная система как вид условного землевладения. Внешне, конечно, здесь присутствует сходство с бенефициариями королевства франков времён победителя арабов при Пуатье Карла Мартелла. Однако здесь следует заметить, что бенефициарии формировались из свободных воинов-рыцарей, а не из рабов-холопов, и что они(бенефициарии), используя традиции римского права, достаточно быстро сделали свои владения наследственным феодалом. В феоде же земельная собственность предполагает не только надел с крестьянами, за который необходимо нести военную службу, но и наличие договорных отношений сеньора и вассала. Великий князь Московский со своими холопами – дворянами никаких договоров заключать не собирался. Система, подобная московской, скорее напоминает сипахов в Османской империи или мамлюков в Египте.

Вслед за дворянами в социальной лестнице шли горожане. Они не обладали теми формами городского самоуправления, как их западные коллеги и не имели никакого понятия о «Магдебургском праве» как юридически закреплённой формой городских вольностей. Высшими слоями в городах были купцы, торговавшие с границей, или торговцы сукном, так называемые «суконники». Наиболее богатые из них имели земельные владения и содержали корпоративные церкви. Далее шли ремесленники, которые объединялись в артели, проживали на одной улице, на которой возводили свои храмы, имели денежные суммы, некоторые судебные полномочия. Ремесленников и торговцев с их дворами «сажали» (то есть селили) наместники, бояре, князья около крепости в так называемый «посад», отсюда их название – «посадские люди». Все эти группы городского населения выполняли определенные обязанности перед государством и платили налоги, поэтому считались «тяглыми людьми».

Самое многочисленное население – крестьянство. Во владении князей, бояр, монастырей крестьяне являлись съёмщиками земель, теоретически сохраняя право перехода к другому помещику («Юрьев день»). Но постепенно эта группа крестьян становилась крепостной, отдавали своему барину оброк в натуральной форме, медленно, но постепенно заменяемой денежной, выполняли в хозяйстве своего господина различные работы («изделье») и в значительной степени находились под его юрисдикцией (кроме случаев убийства, воровства). К подобным крестьянам можно было применить меры физического воздействия.

Особенностью Московского государства являлось наличие так называемых «черносошных» крестьян, которые проживали на землях великого князя. За пользование землёй они отдавали оброк великому князю, привлекались к общественным работам в пользу государства. Вместе с тем они имели право передавать свои земельные участки по наследству, иногда продавали участки, дарили, закладывали. Именно на землях «черносошных крестьян» имело место крестьянское самоуправление. Община крестьян обладала определённой автономией, осуществляя контроль за пахотными землями, сенокосом и лесными угодьями, водоёмами. Высшим органом власти в крестьянской общине был сход – собрание хозяев

дворов. На сходе избирались должностные лица общины: старосты и его помощники, называемые «сотские, десятники». На сходе решались вопросы распределения податей о сроках проведения общественных работ, рассматривались тяжбы и приговоры по ним.

Самой низшей социальной стратой московского общества были холопы. Их можно было продать, купить, подарить. Убийство холопа считалось грехом, а не преступлением. Среди холопов была определённая градация. Одна часть холопов работала на «барщине», барском поле, другая выполняла обязанности домашней прислуги, третья выполняла административные хозяйственные обязанности («тиуны, ключники»), четвертая группа состояла из так называемых боевых холопов, которые отправлялись вместе с хозяином на войну. Из последней группы холопов шло рекрутирование кадров дворян-помещиков.

Вся первая половина XVI века прошла в Руси – Московии под знаком продолжения политической консолидации вокруг Москвы. Были присоединены Псков (1510 год и Рязань (1521 год)). Начата почти трёхсотлетняя великорусская «реконкиста» – война с Великим княжеством Литовским, а затем с Речью Посполитой за западнорусские земли, ознаменовавшаяся отвоеванием Смоленска в 1514 году. В ходе развития системы управления в Московском государстве были проведены попытки реформ. После смерти Василия III (1505–1533 гг.), во время регентства его жены княгини Елены Глинской в 1530 гг. была попытка проведения реформы регионального управления страной. В определённых округах (по терминологии того времени – губа) были начаты выборы губных старост, преимущественно из дворян, имеющих право уголовного преследования «лихих людей» (то есть бандитов). Эта должность по своей компетенции напоминала окружного судью. Какого-либо широкого распространения эта реформа не получила, но положила начало ликвидации системы «кормления» и усилила социальную роль дворянства. В тот же период была проведена и денежная реформа. Из обращения была изъята старая разновесная монета и перечеканена по единому образцу, за эталон которого была взята новгородская серебряная монета – «копейка» (появившаяся ещё при

Дмитрии Шемяке). На ней был изображён святой Георгий с копьём, а московская монета «сабляница» (изображение сабли) стала называться «деньгой» и была приравнена к полкопейке.

Таким образом, рамки социально-экономического и политического развития страны в первой половине XVI века были достаточно расплывчаты. Внутренняя экономическая жизнь страны действительно стабилизировалась, развиваясь в рамках «длительного временного протяжения», как сказал бы Фернан Бродель. Северные и центральные районы были избавлены от набегов татар, и это послужило толчком для более интенсивного экономического развития: урожайность зерновых увеличилась до сам – 4,7 (мера сбора урожая – на одно зерно урождается какое-либо количество зёрен – сам – 3, сам – 4 и т.д.), в городах стало больше ярмарок. Политическая борьба шла в основном в Москве и сопровождалась сменой боярских группировок.

К 1547 году ситуация начинает постепенно меняться. Сын Василия III Иван IV (1533–1584 гг., родился в 1530 г.) вступил в пору зрелости, но большей частью времени не столько читал книги, сколько вёл беспорядочную жизнь, подчёркивая этим, что он самодержавный властелин и поступает так, как ему хочется. Окружение молодого государя в лице его родственников Глинских и митрополита Макария подсказало идею короноваться Ивану IV царём. Поскольку средневековое сознание людей отличалось не только религиозностью, но и иерархичностью, подобное действие должно было поставить московских правителей вровень с императорами. Здесь следует отметить, что наиболее распространённой версией происхождения слова «царь» считается производное от слова «цезарь», но известный историк Н.М. Карамзин считал, что «царь» является словом из восточных языков, в которых термин «сар» означал обладание тронем. В начале 1547 года Иван IV «венчался» на царство. Тогда же состоялся брак молодого царя с Анастасией Романовной Захарьиной (её родственники после бракосочетания получили титул бояр Романовых). Женитьба по мировоззрению того времени означала, что царь пришёл «в совершенные лета» и может самостоятельно править государством. В результате этих демонстраций самостоятельности молодого царя в июне 1547 года в

Москве возник гигантский пожар. В поджоге молва обвинила родственников царя – Глинских³¹. Потрясённый пожаром и бунтом народа, напуганный проповедью священника Сильвестра, обличавшего молодого царя в беспутстве и забвении государственных дел, Иван IV начал плакать и обещать исправится. Народный бунт привёл к ликвидации влияния Глинских.

Прошедшие события начала царствования молодого царя показали необходимость для укрепления своего личного правления искать последнему новые формы социальной опоры для своей власти. В этот период молодой Иван IV оказался более вменяем и склонен к рассудительности, чем в зрелые годы. Сначала он дал возможность сформироваться вокруг себя интеллектуальному кружку советников, получивших затем в историографии название «Избранная рада». В самой истории этого кружка персональный состав его участников достаточно мало известен, поскольку не было протоколов заседаний. Можно предположить, что инициатором создания «мозгового центра» вокруг молодого царя был митрополит Макарий. Достаточно хорошо известны лидеры «Избранной рады»: это ведущий идеолог и впоследствии практик кружка Алексей Адашев, представитель поднимающегося в социальном сознании дворянства; духовник царя Сильвестр и думный дьяк И.М. Висковатый – глава посольского приказа. К «Избранной раде» примыкали по своим воззрениям и некоторые бояре – князь Андрей Курбский и князь А.Б. Горбатый. Низший слой социальной поддержки грядущим реформам вырастал из слоев заметно увеличившегося к середине XVI городского населения – 160 городов против 100 в начале века. Не все города были торгово-ремесленными центрами, однако рост городских сословий, а соответственно, и рост их политического влияния имел место. В этих условиях в нарождающейся уже России явно вставал вопрос об упорядочении социальной жизни в стране, о переходе от экстенсивных методов хозяйствования к его интенсификации. В уже достаточно обширной Московии спокойно разместились и хозяйствовать к обоюдной выгоде и бояре с

---

³¹ В РГАДА хранится несколько свитков того времени, в которых приводятся показания 32 свидетелей, видевших, как бабушка царя Ивана IV княгиня Глинская летала над Москвой на метле и разбрасывала горящие угольки. – Прим. автора.

вотчинами, и дворяне с поместьями и крепостным крестьянством, и черносошные крестьяне. А также города с их торговым и ремесленным потенциалом, ну и наконец и нерусские народы с их патриархальным хозяйством. Русь после долгих лет ордынской тьмы могла выйти на путь европейской модернизации.

Для окружения молодого царя главным было усилить его авторитет. В тех условиях это было возможно при опоре на дворянство, города, полузависимое крестьянство, против сильной боярской оппозиции. Интересы общества и власти впервые совпали в своей социальной доминанте. Новое время потребовало новых форм социального взаимодействия. С этой целью в 1549 году был созван «собор примирения», первый русский Земский собор, который должен был открыть эру сословного представительства в отечественной исторической и социальной практике. В работе этих соборов участвовала как русская аристократия, так и представители других слоёв населения (горожане, дворяне, черносошное крестьянство, духовенство на «Особых соборах») с совещательным голосом. Любопытна речь Ивана IV на Соборе: в ней молодой царь принёс извинения обществу за все бесчинства и беспорядки, случившиеся в годы его несовершеннолетия, за своё беспутное поведение в период подросткового созревания, и объявил о необходимости и начале реформ. Хотя высказанные на Земском соборе мнения и не были обязательными для их выполнения царской администрацией, но они содержали богатую информацию, необходимую для управления страной. Несмотря на ограниченность прав Земских соборов – их представители имели только полномочия донести до престола «голос земли» – то есть общества, сам созыв их свидетельствовал о возможности известной социальной трансформации военно-служилой московской политической системы на пути к сословно-представительской (земской) монархии.

Сам ход преобразований в системе управления Московского царства, наступивший после созыва первого Собора, не является предметом нашего исследования. Здесь следует отметить, что создание приказной системы, давшей большую эффективность в управлении, и особенно военная реформа позволили провести успешную внешнюю политику. В 1552 году были присоединены

территории Казанского ханства, а в 1556 году Астраханского ханства. Сибирский хан Едигей признал вассальную зависимость от Москвы, что косвенно говорило о том, что многие татарские власти смотрели на Московское царство как на часть бывшей Золотой Орды и не чурались вступить с ней в вассальные отношения. Например, мурзы Ногайской орды видели в лице Ивана IV потомка Чингисхана, и сам московский царь в переписке с ними от этого тезиса не отрекался³². Христианская религия московских властей, как и мусульманство татар, рассматривалась партнёрами в политической игре в лучшем случае как второстепенный фактор.

Все эти успехи Московского царства способствовали росту авторитета Ивана IV. К концу 1550 г. встал вопрос о расширении внешнеполитической активности Москвы. К тому времени в 1553 году в Белое море проникли англичане (Р. Ченслер), в саму Москву зачастили зарубежные послы. В тот период Европа, с одной стороны, была очагом религиозных войн между протестантами и католиками, с другой – Центральной Европе и Италии угрожала Османская империя. В этих условиях для Московского царства складывалась выгодная внешнеполитическая конфигурация. Чтобы завершить дело уже общенационального значения – уничтожить остатки Золотой Орды в лице всё ещё сильного Крымского ханства, можно было вступить в общеевропейскую коалицию против покровителя Крыма – Османской империи. Такая коалиция уже создавалась в лице Священной Римской империи Германской нации и укрепляющейся в ней Австрии, всё ещё не сломленного венгерского дворянства (полунезависимое княжество Трансильвания), недовольных турецким владычеством румынских княжеств Валахии и Молдовы (в недалёком будущем там будет вести освободительную войну Михай Храбрый в 1593–1601 гг.) и, самое главное, всё ещё сильная в экономическом и в военно-морском плане Венецианская республика. Последняя, кстати, могла дать Москве крупный заём, и как в XIV веке Генуя, поддерживавшая Мамаю, не прочь была стать монополистом в Европе по продаже русских ме-

---

³² См.: Смирнов, Н. А. Россия и Турция / Н. А. Смирнов. – Т. 1. – М., 1946. – С. 89.

хов. Эту идею продвижения на юг к чернозёмным землям отстаивал А. Адашев, лидер Избранной Рады, ставший к тому времени кем-то вроде общероссийского канцлера. С точки зрения экономических предпочтений южного направления русской внешней политики того времени следует отметить, что Северная Европа во второй половине XVI века ещё не была тем экономически процветающим регионом, каким она стала к концу XVII века. Только в Антверпене появилась первая биржа. Нидерланды стояли накануне длительной (43 года) освободительной войны против Испании. В Англии королева-«девственница» Елизавета только пришла к власти, и ещё не появились на морских просторах легендарные английские королевские «корсары». Во Франции намечались длительные религиозные войны. Северное направление внешней политики было возможным, но не обязательным. Добыча на юге новых чернозёмных земель сулило Московскому государству экономические прибыли, а избавление от набивших оскомину постоянных набегов кочевников – политическое и военное спокойствие.

Причерноморский вариант внешнеполитической активности в нарождавшемся великороссийском государстве сработал. Причины этого следует искать в субъективном факторе исторического развития страны. Во всех странах роль личности в истории существенна велика. Но в Европе социально организованные массы населения способны, пусть и не всегда, корректировать личное самодурство тех или иных правителей. В России же личность государя или верховного правителя (неважно как он называется) оказывается довлеющим фактором для исторического действия. Обращение к Земскому собору, подбор квалифицированных кадров для управления страной были необходимы для молодого Ивана IV, чтобы возвеличить власть только что принятого царского титула. К тридцати годам от роду возмужавший и набравшийся политического опыта царь стал тяготиться опекой Избранной рады. Прибавились к этому и мнительность после тяжёлой болезни и поведения при её течении всей московской элиты. После возвращения из Казанского похода в 1553 году царь сильно заболел и был на грани смерти. За ним постоянно ухаживала жена Анастасия, и Иван IV потребовал присяги всего своего окружения своему малолетнему

наследнику Дмитрию, опекунами которого должны были стать царица Анастасия и её братья бояре Захарьины. Это не понравилось значительному числу боярской аристократии, которые склонялись к присяге двоюродному брату Ивана Владимиру Старицкому. После выздоровления Иван IV промолчал, но запомнил боярскую попытку лишить престола его потомство. Личная затаенная обида царя накладывалась на традицию принятия решений в государстве. Верховенство государя никем в Московском государстве под сомнение не ставилось, но сложившаяся система противовесов в виде Боярской Думы, избранной рады и несколько расширившегося в ходе новой редакции Судебника 1550 года местного самоуправления затрудняли возможность перерастания царской власти в деспотию. Но молодого Ивана IV раздражал тот факт, что реформы укрепляли государство, но не саму власть царя. Именно восточно-деспотический вариант самодержавия являлся политическим идеалом для Ивана IV. После присоединения к Московскому царству Казани и Астрахани в руки Ивана IV попали огромные богатства в виде плодородных земель, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению. Раздача поместий неизменно усиливала личную власть московского царя, и он всё менее был склонен считаться с позицией своего окружения. Пока реформы укрепляли государство наряду с личной властью царя, советники из Избранной рады были нужны. К тому же, увлекаясь какой-либо идеей, Иван IV охотно отдавал вопросы её исполнения другим. Однако, как только кто-то забирал слишком много полномочий, тогда такой человек становился подозрителен для формирующейся личности уже будущего Ивана Грозного.

Во второй половине 1550 г. царь Иван IV стал явно тяготиться присутствием на высших должностях в государстве Алексея Адашева. Внешней причиной разрыва с последним послужило нежелание Адашева переключиться с черноморского направления внешней политики на балтийский. Современные историки отмечают, что Иван IV сменил вектор внешней политики государства не столько из-за спорных для того времени выгод балтийской торговли, сколько из-за злобы на советников Избранной рады, о чём он писал в письме к князю Курбскому, ругая Адашева и Сильвестра

³³. После анекдотичного инцидента в 1558 году, когда пьяные русские ратники подрались с не менее пьяными немецкими ландскнехтами на берегу реки Наровы и в пьяном угаре русские сходу взяли крепость Нарва, Иван IV начал Ливонскую войну (1558–1583 гг.).

Сам ход военных действий в этой войне достаточно хорошо известен историкам. Начало войны несколько не соответствовало традиционной для России неготовности к военным действиям: русские за несколько лет захватили большую часть владений Ливонского ордена и часть земель вмешавшегося в войну Великого княжества Литовского. Быстрые успехи вскружили голову Ивану IV. Однако в 1564 году противники, перегруппировав силы и наняв в Германии имевших большой боевой опыт ландскнехтов, нанесли московским войскам большие поражения. По сложившейся российской традиции в поражениях виноват кто угодно, только не высший правитель страны. В 1565 году в стране началась «опричнина», то есть политика массовых репрессий по отношению к гражданам своей страны. Иван IV объявил бояр виновниками военных поражений и решил сам провести свою реформу государственного управления, выразившуюся в том, что царь разделил страну на «земщину и опричнину». Социальных причин для проведения подобных реформ не прослеживалось. Хотя большая часть историков государственного и марксистского направлений и придерживаются идеи о том, что опричнина является необходимым мероприятием в борьбе против княжеско-боярской оппозиции (при этом признавая её излишне жестоким), другие историки придерживаются иного мнения. Так, историк-монархист Н.М. Карамзин считал, что опричнине не следует приписывать особых государственных целей, видел в ней проявление личных качеств грозного царя. Писатель А.К. Толстой считал опричнину уравнительной революцией³⁴. Сам Иван IV считал себя персонально заместителем бога на земле, о чём упоминал в письмах князю Курбскому и своё божественное проявление по отношению к подданным определял следующими словами:

---

³³ См.: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 206–207.

³⁴ Там же. С. 223.

«...жаловать своих холопов мы вольны и казнить их вольны же»³⁵. Именно казни своих мнимых или действительных противников определили облик царя, прозванного в народе Грозным. Впрочем, в те времена все властители казнили в той или иной степени несогласных подданных. Но существовала христианская мораль и просто обычаи казней. Болезненно-ненормальное состояние царя, который своих политических оппонентов жарил на огромных сковородах, зашивал в медвежьи шкуры, травил собаками и медведями, заставлял сыновей убивать отцов и наоборот – всё это заслонило в общественном сознании первый период правления Ивана IV, оставив в историческом сознании русского народа первые ростки недоверия к власти вообще, столь мощно проявляемые вплоть до современности в общественном социальном сознании. Особенно явно эти процессы проявились в зимнем походе опричнины на Новгород в 1569–1570 гг. Автор этих строк не будет описывать все виды казней, совершаемых опричниками, достаточно вспомнить народную легенду о том, что голубь на шпилье новгородского собора Св. Софии обледенел от ужаса лицемерия их. Здесь интересен мотив проведения репрессий: жители Новгорода сохраняли известную самостоятельность в социальном мышлении, судили сами о происходящем. Их за это «исправили». Именно с этого периода можно сказать о начале длительной социальной войны российской власти (в любых идеологических одеждах) против своего народа, как носителя какой-либо иной социальной субъектности, кроме холопей. Впрочем, подобный вид отношения к своим подданным и способ ничем не ограниченного самодержавного правления уже в те времена получил своеобразное идеологическое обрамление. Ещё в конце 1540 гг. беглый шляхтич из Литвы, послуживший в турецких янычарах Иван Пересветов подал Ивану IV две челобитные, в которых изложил программу государственных «реформ» в самодержавном духе. Идеалом «реформатора» Пересветова служит военно-служилая монархия типа Османской империи. Главным препятствием на пути к такому идеалу государства служат, по мнению

---

³⁵ См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 118.

автора проекта «реформ», разного рода богатые и ленивые вельможи, не желающие «служить». Набирать же «служек» надо из рабов-холопов. Перспектива быть холопом государя для Ивана Пересветова весьма заманчива. Ибо власть царя, по его мнению, абсолютна, по своему желанию он и приближает советников и казнит их. Модель деспотического государства почти готова. Ничем не ограниченный монарх, опирающийся на служилое дворянство против как вельмож, так и против непонятных автору проекта зачатков народного представительства – вот становой хребет нарождающейся тоталитарной структуры. Для начала осуществления этого процесса И. Пересветов предлагает создать из холопов-прислужников «царёв полк», что Иван Грозный и сделал, сформировав опричнину. Любопытен в этом контексте и способ набора кадров, данный Ивану Грозному главой совета монахов монастыря Вассиана Топоркова: «Не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя»³⁶.

Однако проводить подобные социальные эксперименты можно на худой конец в островном государстве. Русский народ ответил на царёвы дела бегством на окраины, городское население Москвы сократилось в три раза. Шла Ливонская война, а с юга всё время нападали татары. В 1571 году во время набега на Москву опричное войско, после первого посылы татарских стрел крымской ордой, разбежалась, дав врагу возможность разграбить столицу. После этого события опричное войско было распущено, но социальные и управленческие чудеса продолжались, с подачи царя. В октябре Иван Грозный организовал очередную комедию своего ухода от престола, передав последний – в виде «земщины» крещёному слугилому татарскому князю Семеону Бекбулатовичу. Своему «дуумвиру» царь писал «челобитные», подписываясь «Иванец Московский». Послу английской королевы Елизаветы Иван IV объяснял суть своих управленческих и социальных экспериментов причиной того, что «...преступным и злокозненным поведением

---

³⁶ Геллер, М. Я. История Российской империи / М.Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 226.

наших подданных, которые ропщут и противятся нам; вместо верноподданнического повиновения они составляют заговоры против нашей особы»³⁷.

В 1583 году Ливонская война была проиграна. Царь Иван IV подписал унизительные договоры с Речью Посполитой (объединённым польско-литовским государством, возникшим в 1569 году) и со Швецией. Иван Грозный умер в марте 1584 года. По народной легенде, москвичи, узнав о смерти своего властителя, не таясь «христосовались» на улицах, не дожидаясь наступления праздника Светлой Пасхи. Социальный излом XVI века, когда были фактически ликвидированы попытки создать основы гражданского общества в виде сословного представительства на Земских Соборах, прошла дикая полоса опричного террора, способствовал росту недовольства системой власти вообще в Московском государстве. Ничем не ограниченная возможность творить зло сформировала определённый социально-психологический фон для знаменитого русского бунта, когда идёт разгром ради разгрома и население не видит возможностей для социального компромисса. Из двух тенденций в социально-политическом развитии государства – земской и восточно-деспотической, восторжествовала вторая. Деспотическое государство раздавило общество.

СОЦИАЛЬНЫЙ БУНТ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Так называемое Смутное время начала XVII века оставило в сердцах и исторической памяти русского народа столь глубокий след, что отголоски его слышны и спустя 400 лет³⁸. В многочисленных трудах отечественных историков разного политического направления Смутное время выступает как эпоха борьбы русского народа с иноземными захватчиками. Социальная же составляющая этого времени, требования различных слоёв общества к самой центральной власти российской державы (к тому времени, к началу

---

³⁷ Геллер, М. Я. История Российской империи / М.Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 226.

³⁸ Например, государственный праздник 4 ноября, названный днём народного единения», связанный с датой занятия войсками второго ополчения кремля в 1612 году. – Прим. автора.

XVII века страна всё чаще называется уже не Московией, а Россией) либо игнорируются большинством исследователей, либо считаются второстепенным вопросом. Только историки-марксисты, выдвигая классовый подход к изучению истории, периодически выводят проблемы социальных требований масс в эпоху Смутного времени на один уровень с проблемой иностранного нашествия, но при этом само социальное движение, очень многообразное в тот период, сводят только к борьбе крестьянства против крепостничества. Даже беглый взгляд на хронологию событий в Смутное время указывает на то, что официально польский король Сигизмунд III выступил против России только в 1609 году (шведы, игравшие второстепенную роль в иностранной интервенции, вначале вообще выступали как союзные России наёмные войска и начали интервенцию только тогда, когда им не заплатил жалованье царь Василий Шуйский). Что же подвигло самое восточное европейское государство того времени на путь социальной и политической катастрофы, поставив самое себя на грань исторического уничтожения?

Конец XVI века в России впервые вывел на повестку дня подведение некоторых исторических итогов развития страны. Решение основной политической задачи – ликвидация ига Золотой Орды и постепенное завоевание Москвой её государственных осколков (причём с молчаливого согласия московских властей кочевым народам Восточной Европы и Западной Азии Московское царство преподносилось как один из государственных осколков самой Орды, претендующий на объединение всех остальных) поставило перед элитой образовавшейся России новую задачу – куда идти дальше как во внешней, так и во внутренней политике. Проигрыш Ливонской войны, лишь слегка сдобренный завоеванием Сибири отрядом Ермака, привёл к неутешительным выводам. Стало ясно, пожалуй впервые, что для успешного сопротивления европейским армиям да и все ещё сильной орде Крымского хана нужно иметь более дееспособное государство и более сильную военную машину. Первым это понял талантливый администратор Борис Годунов, которого посещавшие Россию на рубеже XVI–XVII вв. англичане называли «лорд-канцлер». Эта «ришельевская» должность выпала на долю самого Бориса Годунова в результате борьбы в так

называемом «опекунском совете», который образовался после смерти Ивана Грозного из знатных бояр и члены которого уничтожили друг друга в междоусобной борьбе. Российский «лорд-канцлер» происходил из рода крещёных татар. Его семья была в родственных отношениях с дядей царя Фёдора Ивановича Никитой Романовичем Юрьевым. Сестра Бориса Годунова – Ирина была замужем за царевичем Фёдором, ещё когда тот был только младшим сыном Ивана Грозного. Сам Борис Годунов был женат на сестре известного опричного палача Малюты Скуратова и быстро сделал придворную карьеру. Появление Годунова на небосклоне российской политики было делом достаточно случайным, но именно необходимость наличия в управлении страной просто грамотного человека, с достаточно большим интеллектуальным кругозором стало необходимым для самого хода времени. Действительно, при «премьер-министерстве» Годунова сам царь Фёдор слабый, запуганный отцовским террором человек, главным занятием которого были беседы с монахами и чтение священных книг, политика Московского двора стала хотя бы слегка напоминать модернизацию. Появились печатные книги, также в Москве были созданы прототипы мануфактур – Литейный и Пушечные дворы, давшие российской истории такие шедевры ремесленного искусства, как Царь-пушка и Царь-колокол. Также в Москве узнали в 1584 году, что открыта Америка и что можно ездить учиться за границу (при Борисе Годунове были отправлены на учёбу за рубеж 11 первых русских студентов, из которых на родину вернулись двое). Необходимо отметить, что сам Борис Годунов оказался достаточно толковым правителем, при котором к России окончательно была присоединена Западная Сибирь и разбит сибирский хан Кучум, удалось отвоевать у Швеции несколько городов в Прибалтике, появилась первая русская географическая карта, в 1589 году в России было введено патриаршество. Но сам Борис Годунов не захотел оставаться «лорд-канцлером». Европейская историческая традиция знает много случаев успешного сотрудничества слабого монарха и сильного первого министра. Первая половина XVII века дала такие примеры, в первую очередь в лице знаменитого кардинал Ришелье во Франции, и мене знаменитых – премьер-министра Оливареса в Испании и канцлера Оксеншерны в Швеции. Но московская политическая

традиция того не знала. Перспектива быть дядей-министром у царя-племянника, буде тот родится от монаха – монарха Фёдора (последнего силой приходилось вводить в опочивальню к супруге и царь Фёдор всю ночь молился на икону, дабы не соблазнится законной женой), явно не прельстила прошедшего опричную школу государственного выживания Бориса Годунова. После смерти 7 января 1598 года царя Фёдора, по истечении 40-дневного траура наступила пора избирать нового царя, поскольку у Фёдора не было наследников. Здесь впервые столкнулись две социальных линии в российской истории: Боярская дума требовала избрания царя из рода рюриковичей (потомков Владимира Мономаха или Всеволода Большое Гнездо), широкие слои дворянства и посадского населения городов впервые открыто заявили о необходимости выборности царя из числа дворянских кандидатов. Третьей суд патриарха автокефальной русской православной церкви решил с этой целью собрать в Москве Земский собор. Депутаты-дворяне на соборе и примкнувшие к ним другие социальные группы российского населения (городские посадские люди, черносошные крестьяне) организовали во главе с патриархом шествие к вдовствующей царице Ирине (постриглась в монахини под именем Александра), с просьбой, назвать имя нового царя. Царская вдова произнесла имя своего брата – Бориса Годунова. Боярская «фракция» не сумела организовать достойную массовую оппозицию да и между собой не сошлась на кандидатуре единого кандидата. Сам Борис Годунов, удалившийся в Новодевичьев монастырь, «выдержал» в нём многомесячные «уговоры» принять царствование и 3 сентября 1598 года короновался в Успенском Соборе в Москве. Надо отметить, что в данном случае были соблюдены все процедурные нормы того времени и выбор царя, хоть и «безродного», являлся абсолютно законным актом. После коронации служилое дворянство за свою верность получило царскую милость – тройное годовое жалованье. Кое-что перепало и городскому посадскому населению. Таким образом, впервые в российской истории случилось общедемократическая процедура выбора высшего должностного лица Российского государства.

Правление Бориса Годунова (1598–1605), уже единоличное, ознаменовалось рядом централизаторских актов, направленных на

укрепление государства. Многие иностранцы, прибывавшие в Москву, говорили о политической устойчивости режима. Так, французский наёмник, Жан Маржерет, потерявший после окончания религиозных войн во Франции работу и отправившийся искать счастье ландскнехта в далёкую Россию, в своих «записках о Московии» (кстати первый из иностранцев, назвавший московское царство империей) писал, что Московия при Борисе Годунове жила как нельзя лучше³⁹. Какие же причины побудили страну к такому явлению, как Смутное время?

В первую очередь, на взгляд автора этих строк, следует к причинам, скажем так, являющимся общим фоном для создания настроений, направленных к социальным беспорядкам, отнести общее морально-психологическое настроение в российском обществе, недавно находящемся ещё в состоянии тяжкого удара после опричного террора. Далее следуют уже причины социально-экономического порядка.

Главной политической силой, поддержавшей Бориса Годунова, было русское дворянство. Его экономическое благосостояние зависело от количества прикрепленных к их землям крестьян. Уже после Ливонской войны, с самого начала административной деятельности Бориса Годунова, правительственные инстанции Российского государства начали процесс переписи населения страны для обеспечения корректировки налоговой политики. Временной промежуток, когда проводились эти действия центральной администрации, были объявлены в России «заповедными годами», то есть запрещался переход крестьян к другому помещику в Юрьев день. Хотя сам юридический приказ об объявлении крепостничества и не был издан, именно эти времена стали для отечественной историографии периодом окончательного наступления крепостничества в социальных отношениях государства с русским крестьянством. Крестьяне ответили массовым бегством. Тем более что с открывшимися для этого движения просторами Среднего и Нижнего Поволжья, а затем и Западной Сибири у крестьян появились масса

---

³⁹ См.: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 268.

перспектив для бегства от помещиков. Сами же владельцы поместий самостоятельно увеличивали размер крестьянских податей и повинностей. Но из-за бегства земледельческого населения в центральных уездах Московского царства стало не хватать рабочих рук. Обострилось экономическое положение.

Помимо психологического фона лицемерия бесконечных убийств и казней, опричнина как политическое явление расшатала старые московские устои государственной жизни и не дала позитивных образцов нового государственного устройства. В борьбе с нарождающимся в России гражданским обществом Иван Грозный опирался на маргинальные элементы, включая их в опричное войско. В массе своей этот человеческий материал не был способен к созидательной работе.

Также следует отметить и моральную деградацию самого русского общества. В период опричнины утвердилась возможность безнаказанно не уважать ни жизнь, ни честь, ни имущество государственных подданных. Православная церковь лишилась авторитетных и благочестивых пастырей, таких как Филипп Колычев. В самом православном клире укрепились угодники и карьеристы, меньше всего думавшие об укреплении народной нравственности. Кризис социальный дополнился, таким образом, кризисом религиозным. Также следует отметить сам факт пресечения династии Ивана Калиты, по мнению народной молвы явившейся божьей карой. Царская власть в значительной степени утрачивала в глазах населения страны ореол святости и богоизбранности.

Последняя причина, по мнению зарубежных исследователей истории России, является основной. Английский исследователь истории России Джеффри Хоскинг писал по поводу причин Смутного времени: «Царь являлся «помазанником Божьим», государство было тесно связано с личностью правителя. Этот укоренившийся в сознании населения принцип, а также отсутствие промежуточных институтов власти и корпоративных организаций приводили к тому, что оппозиция могла утвердиться лишь за счёт дискредитации личности монарха. Вот почему она подчёркивала, что на троне царь «незаконный», «ненастоящий», и его должен заменить восстановленный в правах «истинный царь». Борис в данной ситуации находился в особенно невыгодном и крайне уязвимом положении»

⁴⁰. Здесь следует отметить именно отсутствие в России на рубеже XVI–XVII вв. каких-либо действительно промежуточных социальных слоёв и систем, типа провинциальных парламентов, городского самоуправления, форм самоорганизации элиты. Этот факт российской социальной истории отмечает и ряд отечественных историков, обращая внимание на то, что азиатский способ производства (как утвердившийся в России по марксистской терминологии – Д.К.) характерен тем, что «...в нём власть стремится опереться непосредственно на силу локальных миров (в данном случае крестьянские общины – Д.К.), где средний слой (дворянство – Д.К.) некоторая система технической связи верха и низа, а не самоценность»⁴¹.

Оппозиция режиму Бориса Годунова созрела в боярских верхах. Опричнина ослабила, но не покончила с политическим влиянием княжеской знати. Конфликт нового царя с боярами Шуйскими (рюриковичами, а значит, «природными» претендентами на царский престол), с одной стороны, и боярами Романовыми, новыми родственниками царской династии и дальними родственниками самого царя Бориса, с другой стороны – породил своеобразную боярскую «фронду» против Годунова. Неясные до настоящего времени обстоятельства убийства младшего сына Ивана Грозного – царевича Дмитрия в 1591 году в городе Угличе способствовали (через боярскую агентуру в народных низах) разного рода сплетням и слухам о чудесном спасении царевича Дмитрия, который вскоре придёт добывать себе престол предков. К довершению всего в 1601–1602 гг. страну постиг страшный неурожай, приведший к голоду и появлению на дорогах шаек многочисленных разбойников. В народных массах всё это представлялось наказанием за грехи, за избрание «ненастоящего царя». Необходимо отметить, что в этом случае чувство политического благоразумия явно изменило царю Борису. Он окружил себя шпионами, поощрял добровольное доноительство. По воспоминаниям современников «...доносили друг на друга попы. Чернецы, пономари, просвирни; жёны доносили на

---

⁴⁰ Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 164.

⁴¹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. I. – Новосибирск, 1997. – С. 129.

мужей, дети на отцов; от такого ужаса мужья от жён таились, многие от пытки померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали со всеми домами разорили»⁴². При этом властями собственно прямо не объявлялось чего же, собственно, нужно бояться из-за расширения слухов о спасшемся царевиче Дмитрие. Только хватали и допрашивали. Все эти меры не принесли ожидаемых результатов и только способствовали подрыву престижа новой династии. Здесь уместно привести слова классика французской литературы Проспера Мериме, который написал книгу о воцарении Лжедмитрия I, о состоянии умов в России накануне прихода самозванца: «Революции, как болезни, возвещают о себе неясным плохим самочувствием, значение которого становится понятным только позже»⁴³.

В этой нервной обстановке в 1603 году в православных землях Литовского княжества, во владениях православного князя А. Вишневецкого, появляется беглец из России, выдавший себя за царевича Дмитрия. Польский король Сигизмунд III не обратил на это явление никакого внимания – мало ли бродяг приходят из Москвы. Не прельстилась и возможностью новой авантюры против православия и сама католическая церковь. Папа римский Климент VIII, после получения донесения о московском самозванце, написал на его полях: «Португальские штучки»⁴⁴. Папа имел в виду распространившихся в Европе после гибели португальского короля Себастьяна в 1578 году массы его «потомков» – претендентов на корону Португалии. Однако в дело вмешалась организация, про которую в Европе сложилось мнение, что они хотят быть большими католиками, чем папа римский – Орден Иезуитов. Эти «слуги христовы» пригрели самозванца, и его политические акции стали подниматься. Сама личность человека, вошедшего в историю под именем Лжедмитрий I, известна под именем беглого монаха Чудовского монастыря Григория Отрепьева. Этот бывший инок некото-

---

⁴² Цит. по: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 270.

⁴³ Merime Prosper. LesFauxDemetrius. EpisuaaddulistoirdRussie. – Paris, 1923. – P. 34.

⁴⁴ См.: Широкоград, А. Б. Давний спор славян. Россия, Польша, Литва / А. Б. Широкоград. – М., 2008. – С. 181.

рое время служил в канцелярии патриарха московской православной церкви Иова, а после обретался на подворье у бояр Романовых, у которых служил ранее в Костроме, до того, как стал монахом.

В Речи Посполитой среди политической элиты не было единого мнения относительно нарождавшейся авантюры с московским самозванцем. Реалистически мыслящие политики, в виде крупного магната Яна Замоиского считали вопрос о возможном претенденте на трон Московского царя внутренним делом «москалей». Однако победили интриги иезуитов, а у Григория Отрепьева появился новый покровитель в лице Киевского воеводы Юрия Мнишека. Род Мнишеков не был этнически польским, они были по происхождению чехи и среди польской знати не пользовались авторитетом. Зато были близки с иезуитами. В ходе времяпровождения в замке Мнишеков будущий Лжедмитрий I тайно женился на дочери своего хозяина – Марине. По настоянию иезуитов польский король Сигизмунд III всё же дал аудиенцию московскому самозванцу. В ходе нескольких дней переговоров будущий Лжедмитрий I дал обещание королю, в случае успеха своего предприятия, отдать Речи Посполитой Смоленск и Северские земли. Однако польский король не дал самозванцу никаких материальных форм поддержки. Польские историки характеризуют поведение своего монарха следующим образом: «Весьма вероятно, что этот необычайный договор, тотчас же спрятанный королём в шкатулку, ключ от которого хранился у него, был в глазах Сигизмунда только залогом, бумажкой, которую можно будет использовать впоследствии, как средство прижать».⁴⁵

В 1604 году самозванец получил денежные средства от иезуитов – через своего тестя и начал собирать армию. Российский историк С.М. Соловьёв писал по этому поводу: «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях»⁴⁶. В октябре 1604 года Лжедмитрий I перешёл русскую границу, и началось само Смутное время. Боевые действия развернулись в Юго-Западной части московского государства и носили переменный характер. Военное счастье склонялось то на одну, то на

⁴⁵ Валишевский, К. Смутное время / К. Валишевский. – М., 1993. – С. 104.

⁴⁶ Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён // Сочинения. Кн. 1 – 8. – М., 1989. – С. 410.

другую сторону. У самозванца было подвижное конное войско, что позволяло быстро маневрировать, правительственные же войска брали численностью и мощной артиллерией. Но на сторону Лжедмитрия I стали переходить различные социальные слои русского населения: жители северских городов, торговавшие с Украиной и наблюдавшие там формы городского самоуправления, на основе Магдебургского права, и хотели получить такое же; служилое сословие в пограничных городах было недовольно тяжёлой службой и малым жалованьем и польстилось на «прелестные письма» самозванца, обещавшего деньги; крепостное крестьянство надеялось, что «законный» государь дарует ему свободу от крепостной зависимости; мелкопоместное дворянство, наоборот, хотело поучить побольше крепостных и усилить свою политическую роль в государстве; наконец, самозванца поддержали донские казаки, недовольные присылкой Борисом Годуновым воевод к себе в Войско Донское и вмешательством царского правительства в свои внутренние дела. Поэтому после смерти царя Бориса Годунова весной 1605 года Лжедмитрий I сравнительно легко переманил на свою сторону большую часть российской элиты, торжественно въехал в Москву в июне 1605 года и в быстром темпе был венчан на царство.

11 месяцев (1605–1606 гг.) правления Лжедмитрия I оставили неоднозначное впечатление. Широко описано в литературе пренебрежение нового царя патриархальными московскими обычаями. Новый царь брил бороду, пил вино, не спал после обеда, носил иноземное платье, танцевал на балах с женой («Аки горный козёл пляшет перед своей бабой»), шептались по кулуарам московские бояре) и, о ужас, делал совсем не царское дело – читал книги. Но ведь менее чем через сто лет именно так начинал в России процесс европеизации великий реформатор Пётр I. Для бояр, недовольных централизаторской политикой прошлого царя, поведение нового государя явилось неприятным сюрпризом. Лжедмитрий I показал себя весьма энергичным правителем. В отношениях с другими странами он принял титул императора, строил планы дипломатического оформления военной европейской коалиции против Османской империи. Сохранил хорошие отношения с Сигизмундом III и папой римским, но не спешил выполнять данные им обещания о введении католицизма в России, да и вопрос о территориальных уступках

Речи Посполитой не поднимался. Во внутренней политике Лжедмитрий I попытался опереться на земские круги и с этой целью инициировал созыв Земского собора на май–июнь 1606 года, формально для обсуждения будущей войны с крымским ханством и Османской империей. С целью сблизить московский царский двор с Европой новый царь стал именовать Боярскую Думу сенатом, убеждал дворян ехать учиться в европейские университеты, намеревался открыть учебные заведения в Москве. Но все эти благие намерения были сведены на нет высокомерием по отношению к москвичам и русским обычаям прибывших с Мариной Мнишек большим числом польских шляхтичей и боярскими интригами. Интриги начались, как только стало ясно, что Лжедмитрий, нужный боярам как символ, вокруг которого можно было объединить народные массы для свержения Бориса Годунова, отказывается быть марионеткой в руках бояр.

Сначала возник заговор под руководством Василия Шуйского ещё в 1605 году против нового царя, но Лжедмитрий пощадил заговорщиков и только отправил их в ссылку. Ночью 17 мая 1606 года, когда в Москву уже стали съезжаться делегаты будущего Земского собора, заговорщики ворвались в царские палаты. Сам Лжедмитрий I оказал сопротивление, положил секирой трёх заговорщиков, выпрыгнул в окно, но неудачно, сломал ногу и был убит. Его труп, согласно легенде, выставили на всеобщее обозрение, а потом сожгли, смешали пепел с порохом и выстрелили им из пушки в сторону, откуда он пришёл.

Со смертью самозванца – Лжедмитрия I закончился первый период Смуты в России. Главными действующими лицами этой интриги были социальные верхи Московского государства, желавшие поставить на престоле своего, боярского царя. Основные массы населения страны большей частью были наблюдателями всех политических событий. После смерти самозванца боярство, казалось, могло праздновать победу своей политической линии. Однако запущенный механизм гражданской войны – Смуты начал действовать.

Новым царём на Руси был «выкрикнут» (именно криком толпы на Красной площади, без соблюдения традиционных для того вре-

мени процедур) руководитель боярского заговора и потомок суздальских князей Василий Шуйский, прозванный современниками «Васька-поганец». Период его царствования – 1606–1610 гг., это время сползания страны к социальной катастрофе. Сначала, правда, Василий Шуйский тут же на месте избрания произвёл акт целования креста, в истории называемый «крестоцеловальной грамотой». В ней боярский царь обещал править, советуясь с Боярской Думой, и не забирать у бояр имущества их имений и творить справедливый суд. Эта декларация о благих намерениях не была никогда исполнена и появилась не как результат работы сословно-представительского органа – Земского Собора, а как акт сиюминутного действия, под влиянием настроения толпы. Собственно, и в будущем эта «крестоцеловальная грамота» не стала какой-либо опорой в создании элементов правового сознания для граждан страны. Нет ни одного юридического акта, который бы опирался на содержания этого «демократического документа» в российском судопроизводстве.

Но не все социальные слои Российского государства встали на сторону «законного рюриковича». О непризнании Василия Шуйского объявила часть провинциального дворянства, основу которого составляло рязанское дворянство во главе с талантливым авантюристом Прокопием Ляпуновым. Сбежавшие на Юго-Запад страны воеводы Лжедмитрия I объявили о непризнании ими «боярского царя». Впервые вышли на арену внутривполитической борьбы в России поволжские народы – мордва и черемисы, потребовавшие своего участия в управлении страной. Но наиболее мощная оппозиционная сила новому московскому режиму выросла в северских землях.

Сторонники бывшего царя Лжедмитрия I, воеводы Г. Шаховской, А. Теляветский, искали «народного вождя», чтобы поднять на борьбу с Василием Шуйским широкие народные массы. Воеводы-бояре особого доверия у крестьян, казаков и особенно у дворянских отрядов не вызывали. Лидером социальных низов России стал бывший боевой холоп князя Теляветского Иван Исаевич Болотников. До этого сам Болотников провёл бурную жизнь – бежал со службы на Дон, попал в плен к туркам и несколько лет был гребцом на галерах. Затем прослужил некоторое время в вооружённых

силах Венеции, воевавшей с турками. Прослышав о беспорядках в России, вернулся туда через Польшу, познакомившись там со сторонниками Лжедмитрия I. Болотников объявился в городе Путивле, у воеводы Шаховского, сторонника свергнутого самозванца. Последний дал Болотникову отряд воинов. Вокруг нового политического вождя быстро стали собираться сторонники. В своих воззваниях от имени «царя Дмитрия» Болотников обращался в основном к социальным низам русского общества, призывая их к истреблению знатных и богатых, обещал всем прощения и льготы в рамках старой социальной программы Лжедмитрия I. Агитация имела успех. К Болотникову стали стекаться многочисленные отряды казаков, его бывших боевых коллег, группы крестьян, мстившие своим угнетателям, а также разные деклассированные элементы, уже вкусившие прелести вольной военной жизни. Одержав ряд побед над царскими войсками, инсургенты пошли на Москву. К войскам Ивана Болотникова присоединились дворянские отряды П. Ляпунова и И. Пашкова. Этот факт говорит о том, что движение социальных масс против правительства Василия Шуйского было более пёстрым, никак не связанным с крестьянской войной в её марксистском понимании. Вряд ли Иван Болотников, будучи крестьянским вождём, стал бы раздавать своим приближённым имения от имени царя Дмитрия. Отряды войска Болотникова объявили себя противниками сложившихся в стране социальных порядков, но какой-либо социальной программы не выдвинули. Только дворянские отряды декларировали свою цель – потеснить у власти боярскую верхушку и предоставить дворянам равный голос при решении государственных дел. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация – полностью дискредитировавшая себя центральная власть в Москве объединила против себя социальные низы – крестьян и холопов, но также и дворян, то есть антагонистические по своему содержанию социальные группы. Как говорится, это надо было суметь сделать. Однако рязанские дворяне, вступившие в конфликт с желающими занять их место взбунтовавшимися массами боевых холопов и требовавшими ликвидации крепостничества крестьянами, отложились от Болотникова и покинули осаждаемую инсургентами Москву. Составлявшие костяк боевых сил Ивана Болотникова социальные маргиналы и крестьяне не смогли

силой взять столицу. Зарубежные историки так описывают конец и последствия этого практически первого на Руси анархического бунта против власти: «Шуйскому удалось собрать достаточно сильную армию, способную не только противостоять отрядам Ивана, но и нанести им поражение. Затем Шуйский установил в государстве полицейский режим, ещё более жёсткий и строгий, чем при Годунове. Этот режим вернул хозяевам многих беглых крестьян. А ещё Василий начал регистрацию крепостных и наказывал землевладельцев, укрывавших беглецов»⁴⁷.

Такие формы реализации «крестоцеловальной грамоты» царём Василием Шуйским вызвали новый всплеск социального недовольства. В стране появилось множество самозванцев разного разлива. Ещё к Ивану Болотникову примкнул некий «царевич Пётр», приведший с собой отряд терских казаков. Впоследствии выяснилось, что это был житель Мурома Илья, бывший бурлак на Волге, незаконный сын «посадской жёнки». Одновременно с ним появились: «царевич Август» в Астрахани и 8 «сыновей» убитого в 16-летнем возрасте сына Бориса Годунова, царя Фёдора в окраинных городах. Можно сказать, что российская провинция поднималась против центра, против центральной власти, не выполнявшей своих социальных обязательств и обещаний. Обилие самозванцев являлось просто формой поиска «избавителя», как считают некоторые отечественные историки⁴⁸. Именно таким «избавителем» предстал вскоре Лжедмитрий II, очередной самозванец, по имени Богданка, бывший учитель из местечка Шклов в православных землях Литвы, крещёный еврей.

Здесь надо отметить, что настоящее происхождение нового политического проходимца мало интересовало современников. Одних – потому что он был независимо от имени их непримиримым врагом, других – потому, что им было в принципе всё равно, под чьим именем продолжать в стране социальные беспорядки. К Лжедмитрию II присоединились не только сторонники свергнутого

---

⁴⁷ Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 166.

⁴⁸ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 301.

предшественника: польские шляхтичи – наёмники, отряды «разбойных» казаков, в массе своей состоявшие из бывших боевых холопов – социальная группа, ставшая главным очагом вооружённой смуты в государстве; персонально Марина Мнишек, после получасовой беседы «тет-а-тет» признавшая в Лжедмитрии II своего мужа. Все, кто был недоволен центральной властью, в лице боярского царя «Васьки-поганца» – присоединились к новому самозванцу. Любопытно, что в его лагерь под Москвой, в деревню Тушино, куда прибыли войска Лжедмитрия II после первых успехов над правительственными войсками, начали массой стекаться бояре. Некоторые из бояр по восемь раз перебежали от «Тушинского вора» и обратно в Москву, кляпча новых привилегий и вотчин у противоборствующих сторон. Особый интерес вызывает факт присутствия в Тушинском лагере бывшего боярина Фёдора Романова, который был насильно пострижен в монахи при Борисе Годунове и стал потом митрополитом Ростовским. «Тушинский вор» пожаловал отцу будущего царя и покровителю первого самозванца титул патриарха под именем Филарета.

Правительство Василия Шуйского не могло своими силами разбить отряды самозванца и обратилось за помощью к Швеции. В феврале 1609 года племянник царя М.В. Скопин-Шуйский заключил с шведским королём Карлом IX договор на следующих условиях: король позволяет нанять в Швеции московскому правительству 3 тысячи конных и 3 тысячи пеших воинов на полном московском содержании. За это российское правительство уступает Швеции город Корелу с уездом и заключает военный союз против Польши. Действительно, летом 1609 правительственные войска России под командованием М.В. Скопин-Шуйского совместно со шведскими войсками (в состав которых входили также немцы, французы, шотландцы) разбили войска тушинцев и торжественно вступили в Москву. Однако скоро сказались те свойства социально-психологических основ личности Василия Шуйского, которые послужили основой для его народного прозвища – «Васька-поганец». Боясь того, что племянник М.В. Скопин-Шуйский может теоретически претендовать на власть, как заслуживший славу удачливого полководца, царь Василий Шуйский способствовал отравлению своего молодого родственника. Одновременно Василий

Шуйский, в традициях определённой московской «честности», сохранившейся, кстати, до сих пор, не заплатил жалованья победоносным иностранным наёмникам. Ландскнехты, будучи профессиональными воинами, не растерялись и под командой француза на шведской службе Деллагарди пошли на север и взяли Новгород. Одновременно с этими событиями, воспользовавшись вмешательством в русские дела Швеции, с которой Речь Посполитая находилась в состоянии войны, к открытой интервенции против России перешёл польский король Сигизмунд III. В сентябре 1609 года королевские войска осадили Смоленск и взяли его после длительной осады в 1611 году. Открытая именно с этого периода (с 1609 года) польская интервенция в Россию вызвала отлив польских боевых отрядов из стана Лжедмитрия II. Покинутый своими сторонниками, он был убит в Калуге наёмными татарами в 1610 году. Его официальная жена Марина Мнишек в том же году родила сына, претендента на русский престол, вошедшего в историю под именем «ворёнок»⁴⁹.

Власть Василия Шуйского потеряла какой-либо авторитет в русском обществе. В июле 1610 года он был свергнут в результате заговора одновременно бояр и дворян, которыми руководил энергичный предводитель рязанского дворянства Прокопий Ляпунов. После того, как Василия Шуйского постригли в монахи и отправили в православный монастырь в Литву, где он и умер, всеми забытый, начался новый этап социальной драмы на Руси. Боярство, никак не желающее делить власть с дворянами, обратилось за помощью уже к самому королю Сигизмунду III. Объединившись с остатками тушинского боярства (князя Салтыковы, Мосальские и Хворостины), московские бояре создали свой орган управления, так называемую «Семибоярщину», открыли ворота Москвы польским войскам и начали переговоры о занятии вакантного московского престола. Претендентом на него должен был стать сын польского короля Владислав. Любопытны условия, на которых это новое боярское правительство соглашалось провозгласить московским ца-

---

⁴⁹ Злые языки утверждали, что отцом «ворёнка» был казачий атаман Заруцкий – Прим. автора.

рём католического принца. Зарубежные исследователи исторического процесса в России видят в этих условиях «Семибоярщины» несостоявшуюся возможность социального переустройства системы управления России, характеризуя этот процесс следующим образом: «Условия, выдвинутые боярами, представляют особый интерес, так как они отражали стремление к определённой корпорации и защите их прав, что могло привести к становлению на Руси подлинной аристократии. Они были готовы на коронацию Владислава, если бы тот согласился поддерживать православную церковь (по более поздней версии, он должен был сам принять православие) и гарантировал права держателям частных поместий на честный суд и невозможность лишения их статуса без веской причины. Верховная власть делилась бы между Боярской Думой и Земским собором, образовавшими один институт (дума бояр и всей земли). Именно к этому институту власти переходило бы право устанавливать налоги и уровень оплаты служилым людям, а также решение вопроса о предоставлении вотчин и поместий. Принятие подобного документа могло бы заложить базу для конституционной монархии в России»⁵⁰. Отечественные исследователи подкрепляют анализ попыток соглашения «Семибоярщины» с польской королевской династией указанием на то, что Владислав не имел права изменять русских обычаев, держать при себе советников из числа русских, не имел права строить в Москве костёлы и «совращать в католицизм русских», не пускать в Москву евреев. Предложение королевича о разрешении русским людям выезда за границу на учёбу по настоянию бояр было вычеркнуто из соглашения⁵¹.

Анализируя содержание условий, которые предъявили деятели «Семибоярщины» для возведения на российский престол, можно сделать следующие выводы. Во-первых, несомненно, что в данном случае боярские верхи вели себя непатриотично. Правда, содержание условий, выдвинутых ими польским интервентам, позволяют судить, что «Семибоярщина» видела себя по отношению к королю Речи Посполитой скорее равным политическим партнёром, чем

---

⁵⁰ Хоскинг Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. Кн. I. – М., 2003. – С. 167–168.

⁵¹ См.: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 307.

саттелитом. Само содержание «кондиций Семибоярщины» выдаёт стремление их авторов иметь в России правление аристократическое, но не общедворянское. Дворянские массы, не говоря уже о городских и крестьянских слоях, исключаются из принятия решений в будущей модели русского государства. Именно аспект боярской узости, нежелания расширить социальный круг участников «докончания с ляхами» не позволил государственной идеи «Семибоярщины» воплотиться в жизнь.

Первым бунтарём против бояр-изменников стал отнюдь не ярый патриот, а просто талантливый авантюрист, активный участник свержения Василия Шуйского, лидер дворянского ополчения Рязани, а по сути, лидер всего узкодворянского движения России того времени Прокопий Ляпунов. Уже в январе 1611 года он начал собирать ополчение в Рязани. После смерти Лжедмитрия II к нему подошли отряды «тушинских казаков» под командой атамана Заруцкого и князя Д.Т. Трубецкого. Последний был «рюрикович», прямой потомок князя-мученика Михаила Черниговского (отказался поклониться татарским божкам и был растерзан в Орде), то есть реальный претендент на российский престол. Многотысячное войско весной 1611 года подошло к Москве. Таким образом, так называемое первое ополчение состояло в основном из бывшего войска самозванца и дворянских отрядов, со времён выступления Ивана Болотникова вооружённым путём борющихся за продвижение своей социальной программы. После долгих боёв с переменным успехом с польским гарнизоном столицы отряды ополчения расположились на Юго-Востоке от Москвы.

Хотя в составе первого ополчения были представлены все слои тогдашнего российского общества, вплоть до высокородных бояр, основной стержень его составляли дворянские и казачьи отряды. Причём в последних доминирующую роль играли бывшие боевые холопы и беглые крестьяне, объявившие себя казаками и рассчитывающие остаться в этом звании и впредь. Дворянские же отряды поднимали как один из важнейших вопросов в будущем устройстве страны – возврат беглых холопов. Поэтому этот дворянско-казачий союз с самого начала разрывался острыми социальными противоречиями.

Создав лагерь под Москвой, первое ополчение выбрало себе руководителей. Создался «триумvirат»: князь Д.Т. Трубецкой, П. Ляпунов и И. Заруцкий. Но «триумвиры» не были бесконтрольны: ополчение имело свою думу и свой совет, а фактически прообраз Земского Собора. Осада Кремля затягивалась (значительная часть Москвы сгорела в ходе боёв). В ходе этих событий обострялись противоречия внутри ополчения: П. Ляпунов старался усилить позиции дворянства, И Заруцкий – казачества, а высокородному «рюриковичу» Д. Трубецкому было от двух первых «мало чести». В конце концов на 29–30 июня 1611 года решено было провести «собр» всего войска, чтобы разрешить все конфликты.

Приговор этого явочного Земского Собора от 30 июня 1611 года даёт яркий образец социального мышления общественных сил России того времени. В этом приговоре в первой части рассматриваются вопросы походного порядка: войсковой совет имеет приоритет как законодательный орган. Воеводы ополчения получали большие полномочия. Они должны были «строить землю и всяким и ратным делом промышлять», но только в качестве исполнительного органа власти. «Земля» могла назначать и смещать воевод по своему усмотрению.

Вторая часть этого своеобразного войскового наказа была посвящена государственному устройству(временному): были созданы большой разряд, Поместный приказ, отвечавшие за порядок прохождения службы и раздачу поместий, Большой приход (финансовый орган), Разбойный и Земские управы (уголовные дела и суд). Третья часть регулировала очень важный для всех вопрос владения поместьями, поскольку в Смутное время многие дворяне вообще лишились поместий, а другие всеми правдами и неправдами захватили новые. С целью наведения порядка решено было отобрать землю у помещиков, не служащих в войске ополчения, а также «лишние» земли сверх поместного оклада. Из создаваемого таким образом земельного фонда выделялись поместья не только разорённым войной служилым людям, но и новообразовавшимся казакам. Здесь налицо ситуация, отдалённо напоминающая действия императора Запада Карла Великого, когда он награждал земельными наделами отличившихся воинов своей армии. Если бы эта ситуация, фактически создавшая из штаба Первого ополчения

временное правительство России, получила бы дальнейшее политическое развитие, тогда российская государственность пошла бы по пути развития большинства европейских стран.

Однако на первый план во внутренних раздорах среди ополченцев вышли вопросы о беглых крестьянах. Казаки, в массе которых преобладали (организационно) бывшие боевые холопы, не очень удовлетворились разрешением иметь свои поместья. Было декларировано по войску ополчения решение – беглых крестьян и холопов, приписавшихся к казакам, возвращать, по мере возможности, прошлым владельцам. Это решение послужило причиной распада первого ополчения. Примерно через месяц, после появления своеобразной социальной программы первого ополчения, Прокопия Ляпунова вызвали для объяснений на казачий круг, обвинили во враждебных замыслах и изрубили саблями. Оставшись без вождя, дворянские отряды стали постепенно расходиться по домам, а казаки самостоятельно не могли справиться с польскими войсками, стоявшими в Москве.

Первому ополчению не удалось справиться со стоящими перед ним задачами. Анализ действия руководства ополчения и младших командиров его позволяет сделать вывод о том, что социальные вопросы, которые хотели решить «ополченцы», как минимум стояли вровень с военными и политическими. Это явление очень ярко характеризует основную причину Смутного времени – нерешённость в России вопросов социального устройства и управления социальными процессами. Ведь боярство не только не хотело заниматься проблемами крестьян и горожан, но и наотрез отказывало дворянам в усилении их социальной роли и политического статуса в государстве. Иностранная интервенция и пресловутая «польская интрига», не говоря уже о кознях Папы римского, явились только следствием ослабления внешнеполитического положения Московского государства. Первое ополчение пришло под Москву с целью решить в первую очередь вопросы социального устройства страны, причём русское дворянство фактически впервые выступило со своей отдельной социально-политической программой. Изгнание интервентов из Москвы стояло вторым вопросом по очерёдности, и уж только третьим избрание нового царя.

В это время в России, ставшей по образному выражению В.О. Ключевского «мятущейся федерацией», начали формироваться горизонтальные связи, вместо прежних вертикальных. «Государство, лишённое центра, начало воссоздаваться, заменив вертикальную связь горизонтальной. Города стали сноситься с собой, минуя Москву»⁵². Центром собирания второго, земского уже по большей части и характеру основных участников, стал город Нижний Новгород. Причины, почему именно этот город стал лидером Второго ополчения, очень хорошо определяет английский историк России Джефффри Хоскинг: «Названный в честь ведущего торгового центра старой Руси, он стал своеобразным складом, куда стекались богатства северных лесов, озёр и рек, а затем расходились по Волге и другим коммерческим артериям по всему государству. Тут сфокусировались как товары со всей Руси, так и вся её система сообщений. К тому же здесь сохранялось самоуправление, а острый социальный конфликт, раздиравший в годы Смуты центр Страны, практически отсутствовал»⁵³. Таким образом, именно наличие торговой предприимчивости, умение идти на разумный риск и брать на себя ответственность составили тот социально-психологический фон, на котором происходил процесс формирования второго ополчения.

Земским вождем второго ополчения стал староста Кузьма Минин – Сухорук. Военным вождем был приглашён князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Последний был из «худородных рюриковичей», то есть вёл свой род по женской линии от одной из дочерей князя Всеволода Большое гнездо. Сам Пожарский отличился в боях за Москву в рядах первого ополчения весной 1611 года под Москвой, где был ранен. Любопытно, что Минин и Пожарский были, как бы теперь выразились, «партнёры по бизнесу» – вместе торговали солью.

Для начала военной кампании нужны были деньги. Нижегородцы на народном собрании решили отдать треть своего имуще-

---

⁵² Геллер, М. Я. История Российской империи / М.Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 315.

⁵³ Хоскинг, Джефффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 169–170.

ства. Если кто пытался утаить, с тех брали силой. Кроме того, требовались военные-профессионалы. Здесь помогли обстоятельства. Король Сигизмунд III, захватив смоленские земли, выгнал оттуда русских дворян. По распоряжению Василия Шуйского таким дворянам были отведены земли в Арзамасском уезде, но местные жители не пустили их на свои земли. Все эти дворяне были приняты в боевые отряды ополчения.

После смотра боевых отрядов 8 марта 1612 года Второе ополчение двинулось на город Ярославль, который заняло в начале апреля. Здесь ополчение простояло до июля. Необходимо было вооружить и обмундировать войско, провести переговоры со шведскими вооружёнными отрядами об их нейтралитете в готовившемся противостоянии ополчения с поляками и «Семиборщиной», организовать управление территорией, признавшей власть ополчения. С этой целью в Ярославле был создан так называемый «Совет всея земли», то есть фактически Земский собор из представителей служилого, духовного, городского и крестьянского сословий, платящих налоги. Исполнительная власть по административной, военной и дипломатической части была в руках князя Д. Пожарского, финансами и хозяйственной частью ведал К. Минин.

В июле 1612 года Второе ополчение двинулось к Москве. Стоявшие там с 1611 года казачьи отряды разделились: часть вместе с атаманом И. Заруцким и Мариной Мнишек с малолетним «ворёнком» ушли в Калугу, другая часть во главе с князем Трубецким присоединилась ко второму ополчению. В ходе продолжительных боёв в августе 1612 года с пришедшими на выручку польскому гарнизону войсками польского гетмана Ходкевича частям Второго ополчения удалось блокировать польский гарнизон и представителей «Семибоярщины» в кремле, а части Ходкевича отбросить от Москвы. 22 октября 1612 года ополченцами и казаками был взят Китай-город, а затем сдался польский гарнизон Кремля.

Далее начинается история, вызывающая удивление у историографов-государственников, с одной стороны и задающая массу вопросов у исследователей иных направлений. Как был избран на престол 15-летний подросток Михаил Романов, ничем ни выдающийся и всю свою недолгую жизнь проведший на попечении матери, тётки и многочисленной женской прислуги? Этот вопрос не

интересует историков различных официальных российских государственных направлений и служит предметом для исследования непризнанных авторов.⁵⁴

В самом деле, зимой 1612–1613 гг. в Москве разыгралась историческая драма. После победы над поляками по распоряжению военных руководителей объединённого ополчения Пожарского и Трубецкого стал созываться Земский собор для выборов нового царя и создания государственного устройства. Заседавший в Москве в январе–феврале 1613 года Земский собор был наиболее представительным за всю историю. На нём присутствовали делегаты от всех слоёв населения, кроме холопов и владельческих крестьян. Претендентов на трон было множество, в том числе и из иностранцев. Сам Д. Пожарский, обеспокоенный перспективой новых боевых столкновений с поляками, предлагал купить нейтралитет шведов и заодно попросить у них пушек, ценой выдвижения на российский престол кандидатуры шведского принца Карла-Филиппа, брата шведского короля⁵⁵.

Такой же точки зрения придерживались часть бояр и до известной степени К. Минин, желавший знать, какие вольности в этом случае получат русские города в рамках самоуправления. Эти группы русской элиты «...предпочитали пригласить на русский трон члена иностранной королевской семьи, предполагая, что человек со стороны скорее обеспечит связь между боярскими родами, чем «свой», один из них... Самым предпочтительным кандидатом стал Карл-Филипп...

Одно из приглашений, адресованное ему, гласило, что, «имея его как правителя, русское государство, как раньше, пребудет в здравии и спокойствии, а кровопролитие прекратится». Некоторые бояре, поддерживавшие Карла, выдвигали условием восхождения короля на русский трон его обязательное крещение по православ-

---

⁵⁴ Широкопад, А. Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова / А. Б. Широкопад. – М., 2005.

⁵⁵ См.: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 315.

ному обряду. Другие даже не настаивали на этом, так как антипротестантские настроения на Руси намного уступали по своей остроте антикатолическим»⁵⁶.

Однако большинство делегатов Земского собора, распропагандированные представителями православного духовенства, отказались от идеи видеть на российском престоле иностранного принца. Большинство сошлись на кандидатуре Михаила Фёдоровича Романова. Крестьянские делегаты проголосовали так, потому что им сказали попы об этом, бояре, потому что он представитель знатного рода, породнившегося с Иваном Грозным; казаки согласились, потому что его отец, митрополит Филарет, затем назначенный Лжедмитрием II патриархом, исполнял обязанности главы православной церкви в «воровском лагере»⁵⁷. 7 февраля 1613 года Земский собор утвердил кандидатуру Михаила Романова на российском престоле.

После всех кровавых событий Смутного времени создаётся впечатление от решений Земского собора 1613 года, что «гора родила мышь». Дело даже не в личных качествах подростка, возведённого на престол, и того факта, что бояре Романовы всё же достигли своей цели, ради которой они прикармливали на своём подворье Григория Отрепьева (Лжедмитрия I). Страна снова стала жить по старине, не решив ни одной из стоящих перед ней социальных проблем. Загнанные внутрь, они дали о себе знать через 300 лет, во время новой Смуты, именуемой революцией.

---

⁵⁶ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 170.

⁵⁷ Злые языки утверждали впоследствии, что за это решение казаки получили от неизвестных дарителей две бочки водки. – Прим. автора.

СОСЛОВНО-ЗЕМСКАЯ МОНАРХИЯ: УПУЩЕННЫЙ ШАНС СОЦИАЛЬНОГО СИМБИОЗА. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XVII ВЕКЕ

После Смутного времени в России наступила пора относительно мирного переходного периода, когда государство и общество заживляли раны, нанесённые лихолетьем, гражданской войной и иностранными вторжениями. Этот исторический период связан с правлением первого представителя династии Романовых – Михаила Фёдоровича (1613–1645 гг.). Никаких особенных аспектов во внешней политике в этот временной промежуток царская администрация не предпринимала: была в целом неудачная попытка отвоевать у Речи Посполитой Смоленск (1632–1634 гг.), уступленный полякам по результатам Смутного времени. Строились засечные черты укреплений на юге страны, чтобы препятствовать набегам крымских татар. Правительство Михаила Романова не оказало никакой помощи донским казакам, когда последние захватили турецкую крепость Азов и несколько раз отбивали штурмы турок (1637–1641 гг., так называемое «Азовское сидение»). Отказ был обусловлен общей слабостью российской державы и отсутствием средств, необходимых для длительной войны с турками. Всё это вместо взятого говорило о сохранении внутреннего напряжения в России, нерешённости социальных проблем, что не позволяло вести активную внешнюю политику.

Саморазрушение страны в Смутное время даже у самых кондовыих радетелей старины вызвало стремление создать такие формы социального партнёрства, естественно в рамках старший партнёр – младший, где обществу отводилась роль младшего партнёра, – в которых можно было установить относительно мирное сосуществование всех социальных слоёв русского общества. Возможность социального партнёрства новая правящая династия и её только формирующаяся администрация видела в деятельности Земских соборов. В царствование Михаила Фёдоровича их было созвано семь составов в период 1613–1642гг. Значение Земских соборов как консультативного органа русские историки-государственники

определяли следующим образом: «Не принимая непосредственного участия в самом управлении, соборы, близким знакомством с положением дел в стране, своей осведомлённостью о её нуждах и наличных средствах, служили царю на первых порах его деятельности незаменимыми советниками и руководителями»⁵⁸. Мнение о том, что соборы должны быть только совещательными органами, информационными, в какой-то мере прообразом того, что в XX веке назовут «мозговым штурмом», разделяли представители российской общественности, в первую очередь духовенство, единственное на тот период сословие, владевшее грамотой. Келарь Троице-Сергиевой лавры Авраам Палицын видел спасение православного мира и защиту его в союзе царя, царского «синклита», всего воинства с Земским собором. Дьяк Иван Тимофеев стремился объединить все системы городских советов в совет «всей земли» в виде Земского собора. Сам по себе Земский собор в его социальной сущности представлялся как особая промежуточная структура, служащая предметом коммуникации между правящей элитой и населением⁵⁹.

Несомненно, что государь Земли русской мог и не слушать советов выборных «всех чинов», и не один из процедурных протоколов этих Земских соборов не зафиксировал обязанность царя выслушивать мнение общественных представителей. Но в период первой половины XVII века российская монархия была очень слаба во всех отношениях, и сам царь Михаил Фёдорович, и вернувшийся из польского плена его отец, патриарх Филарет, в запутанных ситуациях считали нужным дополнительно опереться на народное мнение и тем самым как бы представить перед обществом факт совместной ответственности самого русского общества с государством. Здесь следует отметить, что сам социальный состав Земских соборов был чаще всего представлен как совместное совещание Бо-

---

⁵⁸ Шмурло, Е. Ф. Мир русской истории. IX–XX вв. / Е. Ф. Шмурло. – М., 2009. – С. 131.

⁵⁹ См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 132–133.

ярской думы, «Освященного собора» (высшее духовенство с митрополитом), представителей служилых корпораций (в первую очередь дворян) и посадских общин, с периодическим вкраплением черносошного крестьянства. Российские историки, как в царский период (правда, не все), так и в советский видели в Земских соборах аналог западноевропейских парламентов, кортесов, Генеральных штатов. Европейские и американские исследователи чаще всего в своих трудах отводят Земским соборам место придатка центральной администрации. Несомненно, что эти собрания российской общности не напоминают парламента, так как в них отсутствует регламентация работы и нет процедурных норм. Также они не напоминают и французские Генеральные Штаты, при отсутствии в российской действительности «трёх сословий» в их европейском смысле, то есть юридически признанных корпораций с определёнными правами и привилегиями. В данном случае следует иметь в виду саму неоднозначность термина – Земский собор. Это специфически русское явление, когда ещё дух европейской цивилизации, лежащей в основе происхождения русского этноса жив, но социально и юридически не может себя проявить, находясь под гнётом восточно-деспотической традиции, занесённой на Русь монголо-татарским завоеванием. Сама московская государственность в тяжёлые для себя времена вынуждена советоваться с обществом, находить в нём исполнительские кадры для приведения в порядок всех форм повседневной жизни.

Сложившуюся таким образом в первой половине XVII века политическую систему, в которой самодержавный государь правит, опираясь на доверие общества, приглашая его представителей к разработке вопросов государственного управления, при этом не наделяя органы народного представительства законодательными функциями, – такую систему российские историки называют земской монархией. Подобная политическая модель является типично российским социально-политическим явлением. В ней существуют отличия как от европейских образцов – отсутствие законодательных функций, неучастие в формировании государственного бюджета и многое другое, так и она отличается от восточных деспотических режимов, в которых отсутствует практика существования народных собраний общегосударственного масштаба.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что постепенное развитие в социальной практике управления Россией соборного начала могло привести в исторической перспективе к началу процесса формирования в стране правового государства. С течением времени полномочия Земского собора могли бы увеличиться, он приобрёл бы более чётко выраженный политический и юридический статус, аналогичный с Генеральными Штатами во Франции. Однако в России эта возможность оказалась нереализованной. Причины этого кроются не только в отсутствии влияния на российскую действительность общеевропейских традиций перехода от сословной монархии к абсолютной. Дело в первую очередь связано с процессом постепенного усиления бюрократического начала в управлении государством в России. Этот процесс бюрократизации, который в Европе носил технический характер, в России приобрёл системное значение. Бюрократический аппарат Российского государства постепенно начинает играть роль самостоятельного игрока, в рамках как политического развития страны, так и в вопросах решения социальных задач повседневной реальности. Бюрократам не нужны советчики, которые критикуют формы и методы их управления. Земские соборы в этом плане становятся неудобными для царской администрации, по мере того как события и последствия Смутного времени отходят в историю. Как отмечают отечественные историки-государственники, «...советы земских соборов являлись также и критикой существующего порядка, указанием на допущенные ошибки, и критика принималась уже не с прежнем благодушием; резче стал обозначаться антагонизм высших и низших классов»⁶⁰. Поместное русское дворянство получило от соборов максимум возможного, и с тех пор больше не фрондировало и повсеместно поддерживало центральное правительство.

Поражение земской линии в рамках развития в России социально-политической жизни было связано со слабостью посадского населения и с неразвитостью социальных институтов городской жизни – носителей идей буржуазной демократии, с одной стороны, и преобладанием в политических структурах страны социального

---

⁶⁰ Шмурло, Е. Ф. Мир русской истории. IX–XX вв. / Е. Ф. Шмурло. – М., 2009. – С. 133.

слоя военно-служилого элемента, с другой. Только военная служба в России открывала в какой-то мере канал социальной вертикальной мобильности, только через военную службу простой крестьянин или горожанин мог поверстаться в стрельцы, а уже из стрельцов мог быть записан в дети боярские и подняться вверх по социальной лестнице. Хотя в XVII веке по социальной лестнице простолюдинам высоко забираться не позволяли, всё-таки сам переход в служилые люди «по отечеству» открывал определённые перспективы для потомков. Поэтому всё, что было в Московском государстве толкового, честолюбивого и перспективного, спешило на военную службу. Однако этот путь был очень долг для попыток роста социального статуса. Воин в Московском государстве не был аналогом европейского рыцаря, он был только служилым боевым материалом, боевым холопом по преимуществу. Очень был развит в Московском государстве принцип местничества, службы «по отечеству», и в военной сфере. «Рыцарская честь строго охраняет неприкосновенность личности. Честь рыцаря лежала в идее собственного достоинства. Честь русской личности лежала в идее достоинства рода или отечества»⁶¹.

Также следует отметить, что собственно вооружённые силы по самой природе своей не могут быть школой народного представительства. В данном случае требуется не парламентская форма правления государством, а строгий, но мудрый государь, вовремя раздающий поместья и регулярно повышающий в чинах. Именно такой порядок является социальной прерогативой для служилого человека. Поэтому служилый элемент русского общества в Московском государстве, преимущественно дворянского состава, использовали институт Земских соборов как инструмент давления на царское правительство, с целью закрепления за ними крестьян. В 1649 году, когда Земский собор того года в своих решениях эту цель дворян закрепил законодательно, тогда дворяне и дети боярские потеряли всякий интерес к выборным общероссийским организациям. В дальнейшем Земские соборы сменились проводимыми время от времени совещаниями со служилыми людьми. Мнение о том, что

---

⁶¹ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 344.

Земские соборы были только формой общественной дискуссии между царской администрацией и российской общественностью, своего рода общественными палатами, придерживаются и европейские исследователи истории России. «...Между правительством и местными общинами существовал своего рода обмен мнениями. Он проходил в форме собраний представителей «земли», которым историки дали название Земского собора. Этот собор едва ли можно считать зародышем парламента, так как он не имел единого статуса, а его участники не избирались привычным образом... Земские соборы являлись, по крайней мере, рудиментарной формой общественной обратной связи и следили за тем, чтобы назначенные лица не злоупотребляли властью. Соборы представляли своего рода арену, где традиционные, определённые Богом границы монархической власти становились ощутимыми и чётко очерченными. Когда же созыв земского собора прекратился, «земля» постепенно лишилась возможности участвовать в решении государственных дел, а гражданская база русской государственности не получила своего развития»⁶².

В контексте постепенного ухода из социально-политической жизни России Земских соборов следует отметить малоизвестный в российской историографии Земский собор 1650 г. Он был созван как бы в рамках государственной импровизации. Поводом для него послужили городские восстания в Сибири – в Томске в 1648–1649 гг. и в северных русских городах – Пскове и примыкающих к нему городках. Причины восстаний были социальные и по своим требованиям схожие с социальными волнениями в средневековых европейских городских коммунах. В Сибири, в Томске, горожане вместе с представителями сибирских аборигенов отстранили весной 1648 года от власти местного воеводу О.И. Щербатова, обвинив его в многочисленных злоупотреблениях: утайка части жалованья, эксплуатация населения в личных целях, разного рода притеснения и публичной попыткой ассоциировать свою персону с царской властью – «я-де здесь не Москва ли?» – вопрошал воевода с победоносным видом перед недовольными горожанами и крестьянами. В

---

⁶² Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 189–190.

отправленной в Москву к царю челобитной восставшие горожане всячески подчёркивали свою законопослушность и лояльность к царской власти, утверждая, что восставшие против воеводского произвола горожане не бунтовщики, а блюстители государственного интереса, воспользовавшиеся своим традиционным правом мирского челобитья на плохого воеводу. Красной нитью проходит в жалобах челобитчиков мысль о недопустимости и гибельности для государства воеводского самоуправства и звучит надежда на то, что сам царь придерживается аналогичного мнения. В условиях наличия в Москве последствий соляного бунта, вызванного повышением цен на соль и проведением в тот период Земского собора 1649 года, можно констатировать исключительный случай, когда требования «бунтовщиков» были в основном удовлетворены. Зарвавшийся в административном восторге воевода г. Томска был отстранён от должности.

В Пскове же восстание горожан приобрело характер вооружённой борьбы с царским войсками. Поводом послужило обязательство России поставлять некоторое количество хлеба в Швецию по условиям Столбовского мира 1617 года. В урожайные годы это не вызывало у населения особого протеста, но в случае неурожая хлеб поднимался в цене, и угроза бунта становилась реальной, что и случилось в Пскове летом 1650 года. Власть в городе перешла в руки земских старост, создавших ополчение для противостояния царским войскам. Псковичи потребовали созыва Земского собора, что было сделано явочным порядком царской властью. К восставшим послали делегацию из церковников, и бунт прекратился. Однако требования псковичей о расширении городского самоуправления не были удовлетворены. Эти события стали последними выступлениями городского населения в России, и его социальный голос надолго замолк.

В качестве любопытного факта автор этих строк хотел бы обратить внимание на следующее. В различных исторических работах справедливо указывается на то, что Москва и последующие ей подвластные территории не знали в системе городского управления норм права, аналогичных так называемому «Магдебургскому праву». Информация о европейском социальном устройстве, де-

скасть, была не доступна московскому обществу: ни верхам, ни низам. Тем не менее ещё в Смутное время города Северной Руси требовали от центральной власти в Москве широкого самоуправления «как у ляхов». Центральная царская администрация уже при царе Алексее Михайловиче (1645–1676 гг.) прекрасно разбиралась в особенностях европейской социальной политики. Примером этого служит событие, наступившее вскоре после городских восстаний 1650 года, – война с Речью Посполитой 1654–1667 гг. После занятия русскими войсками части белорусских городов российская власть в лице самого царя Алексея Михайловича, находившегося при войсках в качестве своего рода начальника штаба, предоставила обывателям белорусских городов возможность продолжать жить по нормам Магдебургского права. В частности, на обращение жителей города Могилёва была наложена следующая резолюция: «Государь исполнил челобитье могилевцев, чтобы жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими»⁶³. Этот случай как бы предвосхитил всю последующую политику Российского государства на столетия вперёд: предоставлять вновь завоеванным территориям большую социальную свободу, чем исконно русским областям. Кстати, информация о социальном устройстве соседей и их особенностях всегда была у высшей российской власти. Но на исконно русские территории эта информация не распространялась, и каких-либо социальных льгот население их не получало.

К середине XVII века окончательно сложился социальный строй России эпохи Московского государства. Все жители делились на социальные группы по форме своих отношений к государству: служилые, тяглые, церковные, крепостные, холопы и так называемые гулящие люди.

---

⁶³ Широкоград, А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А. Б. Широкоград. – М., 2008. – С. 354.

Служилые люди подразделялись на служилых «по отечеству» (то есть традиционное боярство с вотчинами) и служилых «по прибору» (то есть за жалованье, например стрельцы). Служилые «по отечеству» составляли верхушку московского общества. К ним относились думные бояре, окольничие (помогают царю в охоте), вообще титулованная знать (бояре и князья). Опричный террор и Смутное время ослабили влияние этой группы, и постепенно родовая аристократия начинает уступать представителям служебной иерархии. В последнюю входят боковые ветви различных родов, новые родственники царей (по линии жён). Вся эта элита владела обширными вотчинными землями и заседала в Боярской думе.

Далее следовали думные дворяне и думные дьяки. Они не имели крупных земельных владений, но вели всю думскую документацию, готовили проекты государственных постановлений – в целом это был прообраз будущей министерской и канцелярской высшей бюрократии.

За ними следовали средние служилые слои «по отечеству». К ним относились так называемые «чины московские», которых ещё называли «стольниками». Первоначально их служебной обязанностью было обслуживание царского стола, но с XVII века стольники стали выполнять обязанности послов или были помощниками послов, становились воеводами, участвовали в работах приказов.

Затем следовали стряпчие: их служебные обязанности в московском царстве расходятся с их европейскими аналогами. Это были люди «на посылках», которым поручались разовые дела. Они сопровождали царя при посещении им церкви, в военных походах. В этой среде высоко котирировалась должность «постельничьего», заведовавшего царской опочивальней.

Нижнюю часть служилых «по отечеству» составляли городовые дворяне и дети боярские. Этот контингент составлял ударную силу русской армии – поместную конницу. Часть представителей этой социальной группы владела поместьями и вотчинами, часть служила за «государево жалованье». Провинциальные группы дворян назывались «выбранными», поскольку их вызывали(выбирали) для службы в Москву. Городовые дворяне, как говорили в то время, «служили с городом» и имели некоторые права самоуправления. Наиболее социально запутанным было положение так называемых

«детей боярских»: происхождение этого термина до сих пор недостаточно ясно. К его этнониму относят лиц из обедневших боярских родов. Но в эту же категорию, имевшую 5 градационных статей, заносили отличившихся на войне боевых холопов. Таким образом, эта группа представляла собой нечто вроде социального лифта в Московском государстве. Из этой группы сформировался многочисленный слой беспоместных и малопоместных детей боярских, которые постепенно превратились в так называемых «однодворцев», сходных по своим материальным положениям с польской мелкой шляхтой, но без социальных прав последней.

В целом следует отметить, что отличительными признаками всей этой многоступенчатой корпорации служилых «по отечеству» было право владения землёй и крепостными крестьянами. Именно из-за последнего обстоятельства эту группу в социальной структуре Московского государства принято отождествлять с западноевропейскими феодалами. Однако это сравнение не совсем корректно. Феодалы в Западной Европе были лично свободны и служили королю из-за денег или карьеры, и их нельзя было выпороть или бить батогами. Сходство многочисленного московского служилого ряда «по отечеству» с западноевропейскими феодалами было больше функциональным, чем социальным. Московские бояре и окольные владели своими вотчинами с правом свободного распоряжения ими, а вот дворяне и дети боярские владели поместьями, получаемыми для обеспечения службы. Причём и те и другие не могли не прийти на службу по тем или иным причинам, поскольку за подобный проступок строго наказывались.

Социальная категория лиц «служилых по прибору» занимала в социальной лестнице Московского государства промежуточное положение между служилыми «по отечеству» и тягловым населением (то есть платящим налоги). С первыми их роднит освобождение от налогов и характер службы, со вторыми – социальное происхождение и род хозяйственных занятий (земледелие, торговля, промыслы). Служилые «по прибору» имели право владения землёй, но чаще всего совместно, так сказать, «общинной». Свои земельные наделы они обрабатывали своим трудом. Из наиболее отличившихся по службе людей из служащих «по прибору» пополнялись группы «детей боярских».

Большая часть служилых «по прибору» составляли стрельцы, которых насчитывалось примерно 20 полков по тысяче человек в каждом. Стрельцы были московские и в провинциальных, и пограничных городах. В мирное время стрельцы служили за государево жалованье, жили в специальных стрельцких слободках, подрабатывали торговлей, ремёслами, иногда земледелием. Рекрутировались они из низших слоёв населения. Кроме стрельцов в состав этой социальной группы входили пушкари, различные группы, выполнявшие инженерные обязанности в крепостях, казённые кузнецы, переводчики и прочее. Во второй половине XVII века конкуренцию этой социальной группе стали составлять полки иноземного строя – воинские контингенты, обученные иностранными офицерами.

После разного рода служилых людей в социальной лестнице России эпохи Московского государства находились так называемые представители тяглого населения – платящие различные налоги и повинности. Верхушку этой группы населения составляли купцы. Положение представителей торгового капитала в России в XVII веке было весьма специфичным. Государство и юридически, и фактически было монополистом во всех областях торговли, кроме самых мелких. Купцов, самых крупных по владению капиталом, государственные чиновники записывали в своеобразную корпорацию под именем «гости». Представители этой торговой группы торговали казёнными товарами, в первую очередь пушной и солью и нередко служили первопроходцами в освоении новых территорий (например, Сибири). За это «гостям» разрешалось торговать своими товарами с льготной скидкой, заниматься винокурением (изготовлением алкоголя и его продажей), а также приобретать земельные владения. Весьма своеобразно осуществлялся процесс пополнения этой социальной группы. Как только царское правительство узнавало, что в той или иной местности появился делец, оперировавший в своих торговых предприятиях многими тысячами рублей, его тут же записывали в корпорацию «гостей», часто против воли самого предпринимателя, забирая при этом часть его состояния в казну в качестве страхового капитала. Именно поэтому русское купечество постоянно отказывалось от

каких-либо активных торговых предприятий, вызывая впоследствии и у Петра I, и у отечественной экономической публицистики нарекания в отсутствии предприимчивости. Следует отметить, что подневольный характер государственной службы корпорации «гостей» всё же сопровождался рядом привилегий, чего нельзя сказать об остальном русском купечестве, члены которого, помимо государственного тягла, по очереди выбирались для царской службы в таможне, промыслах, обслуживании кабаков. При несении этой службы торговец был сопряжён с личной ответственностью. Если царские чиновники могли доказать, а в большинстве случаев при отсутствии независимого суда это было легко, что прибыли было собрано меньше, чем в прошлом году, то купец должен был выплачивать разницу.

Из особенностей осуществления торговой деятельности в России эпохи Московского царства видно, что хотя по своим профессиональным функциям русское купечество в XVII веке и было сопоставимо со своими западноевропейскими коллегами, их социальное положение отличалось от буржуазии Западной Европы. Русские частные предприниматели являлись, в сущности, крепостными Московского государства, обязанными уплачивать в царскую казну ренту – налог(тягло) и отрабатывать барщину в таможнях и кабаках.

Городское «тяглое» население называлось в России «посадским». В XVII веке оно делилось на «чернослободчиков» – свободных от личной зависимости ремесленников и «белослободчиков» – ремесленников-холопов во дворах частных лиц и монастырей, освобождённых от государственных налогов. Данное социальное положение городского населения приводило к тому, что массы городских жителей перетекали из «чёрных слобод в белые», а разницу за беглецов выплачивала община «чёрных слобод». Это добровольное стремление к рабству, только бы не платить налоги, прервало Уложение 1649 года, когда были ликвидированы «белые слободы». Взамен всех налоговых льгот «крепостным» слободчикам, «вольным» из «чёрных слобод» было запрещено покидать их (практически крепостное право), но только тем, кто платил налоги,

т.е. бывшим «чёрнослободчикам» разрешено было заниматься ремеслом и промыслами. Так что государство ещё больше запутало социальную чресполосицу городских жителей.

Ремесленное мелкотоварное производство всегда в истории России тяготело к крупным городским центрам, в первую очередь к Москве. Значительную прослойку квалифицированных ремесленников составляли кузнецы, пицальники и другие группы оружейников, работавшие на оборонную отрасль. Далее шли различные обработчики металлических изделий – замочники, игольщики, котельщики. Широко было представлено кожевенное производство, изготовление одежды, посуды, обработка дерева. Специфика городского ремесленного производства в России в XVII веке состояла в том, что при крайне редкой сети городских поселений ремесленные центры располагались не только в городе, но и в деревне, где они теснейшим образом перемешивались с земледелием. Расположенные в деревне ремесленники-земледельцы свою продукцию продавали проезжим купцам, причём как ремесленную, так и земледельческую. Предметы крестьянской ремесленной промышленности стоили на рынке весьма дёшево и длительное время конкурировали с продукцией возникших к тому времени железноделательных мануфактур (гвозди, молотки и прочее).

К середине XVII века в России стали возникать первые мануфактуры. Их учредителями и владельцами были иностранцы, причём инициатором этого процесса выступало Российское государство. В большинстве случаев эти предприятия обслуживали производство оружия и предметов роскоши.

На низшей социальной ступени в Московском государстве находились крестьяне, имевшие несколько градаций владельческой принадлежности. Наиболее предпочтительным в социальном плане было положение так называемых «черносошных» (государственных) крестьян. Представители этой группы крестьян признавались субъектами уголовного права, сохраняли самоуправление в волостных и деревенских общинах. Несмотря на то что верховным собственником земли считался царь, «черносошные» крестьяне всё же могли продавать свои участки, закладывать их, дарить, завещать целиком или по частям. В данном случае наблюдается ещё один

социальный феномен в российской истории, когда царь, государство, крестьянский «мир» и отдельно взятая крестьянская семья владеют разделенной собственностью и каждый получает свою ренту. Вместе с тем «черносошные» крестьяне в той или иной форме были прикреплены к земле: никто не мог покинуть земельные наделы, не оставив после себя лица, исполняющего «тягло». За подобный проступок полагалось телесное наказание. Помимо уплаты государственных податей, черносошные крестьяне привлекались к общественным работам по устройству и починке крепостей, дорог, содержали почтовые станции. В период военных действий «черносошные» крестьяне обязаны были предоставлять помещения для постоя войск. Также на эту категорию крестьян распространялась обязанность выставить, в случае военных действий, определённое число ратников. Все эти повинности в сочетании позволяют сделать вывод о наличии определенной разновидности крепостного права в государственном варианте по отношению к «черносошным» крестьянам.

Следующая социальная категория крестьян по степени зависимости была представлена так называемыми «дворцовыми крестьянами». Эта группа крестьянства занимала промежуточное положение между государственными «черносошными» крестьянами и частновладельческими, крепостными. «Дворцовые» крестьяне обслуживали нужды дворца и царской семьи, проживая на землях дворцовых царских волостей. Они поставляли ко дворцу мясо, растительное и животное масло, молоко, сметану, были заготовителями дров, мельниками, рыбаками. Управлялись «дворцовые» крестьяне дворцовыми приказчиками, но сохраняли определённую самостоятельность, имея выборных старост и самоуправление.

В наиболее приниженном социальном положении находились крепостные крестьяне: монастырские, вотчинные и помещичьи. Эта группа населения страны практически не имела каких-либо социальных прав. Степень эксплуатации крепостных зависела от их принадлежности: в крупных вотчинных имениях она была ниже, чем в небольших поместьях. При этом следует заметить, что главная социальная проблема крепостничества в России была в неопределённости в отношениях между господами и крестьянами. При

наделении дворянина поместьем прикрепленным к нему крестьянам выдавалась грамота о том, что они должны слушаться своего помещика во всём. В чём же конкретно юридически это заключалось, не знали не только крестьяне, но и часто сами помещики. Причём последние заваливали царское правительство челобитными о необходимости юридически точно определить формы крепостной зависимости крестьян, ибо им, дворянам, «всякие службы будет служить не мочно».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ РУССКОГО ЭТНОСА

В настоящий период развития исторической науки во всей остроте встал вопрос об историческом происхождении казачества, о его этнической сущности и социальной принадлежности. Из многочисленных точек зрения на происхождение казачества сформировалось по крайней мере три направления.

Сторонники первого направления, продолжая традиции дореволюционных «государственников» и разделяя взгляды большинства советских исследователей, усматривают в казачестве военно-служилое сословие. Сторонниками второго направления являются по большей части сами казаки, имеющие отношение к научной и краеведческой деятельности. В этой среде довольно широко распространена концепция о казаках как об особом восточнославянском народе, наряду с русскими, украинцами, белорусами. В крайнем варианте этой доктрины казаки вообще рассматриваются как народность, образовавшаяся в начале новой эры, как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа Кос-Сака (или Ка-Сака) и Приазовских славян Меото-Кайсаров с некоторой примесью Асов-Аланов или Танаитов (Донцов).

Третьего направления придерживались большинство дореволюционных исследователей казачьего быта. Его сторонники есть и среди современных казачеведов. Они полагают, что казаки – органическая составная часть русского народа, обладающая, безусловно, заметными специфическими чертами (военизированный

быт, например). Но ведь и поморы отличаются от жителей Поволжья, и русские в Петербурге не во всем похожи на русских старожилов Сибири.

Русский этнос, как и всякий другой, есть сложная органическая динамически развивающаяся система, обладающая определенной структурой, включающей в себя в качестве компонентов и элементов субэтноты, конвексии и консорции (если использовать терминологию Л.Н. Гумилева), между которыми существует тесная взаимосвязь, субординированность и координированность функций. Необходимо особо подчеркнуть, что все эти субэтнические формирования абсолютно равноценны, как равноценны различные части одного и того же организма, а при ликвидации одного из компонентов возникает угроза распада системы в целом. Разумеется, между ними существуют различия, что не может не налагать своего отпечатка на образ жизни, культурно-бытовые традиции, менталитет и проч., но всё это – различия внутри системы. Они служат только ее укреплению и формированию неповторимого качества (интегративных свойств). С этой точки зрения российское казачество, безусловно, является субэтнотом русского народа, на долю которого в нашей истории выпали почетные, но и в высшей степени сложные функции пионеров колонизации и пограничных стражей. Расселившись по границам государства, казачество стало своего рода «озоновым слоем» российской цивилизации, воспринимая социокультурный опыт сопредельных народов и сохраняя одновременно славяно-христианский культурно-исторический тип.

Здесь также следует отметить, что наличие свободно поселившихся групп вооруженного населения, исповедовавшего в своём социальном устройстве принцип «военной демократии», свойственно не только сугубо российской истории. Ещё в Византийской империи существовали так называемые «фемы» – военные поселения на границах империи со своей системой самоуправления. В Средние века короли Венгрии поселили в Трансильвании группы так называемых «секеев, секлеров», которые должны были защищать королевство от набегов татар. Эта группа населения имела

свою социальную организацию, делилась на полки, самостоятельно выбирала должностных лиц для самоуправления⁶⁴. В Новом Свете, в Канаде, во французских колониях, существовали группы потомков французских переселенцев – «вояжеров», которые слились в социальном устройстве с индейцами. Они составляли ударную силу французской армии и успешно долгое время сопротивлялись более многочисленным английским войскам. Наконец, уже под российским влиянием императоры Австрии в XVII–XVIII веках создали поселения «граничаров», защищавших границы империи от нападений подвижных турецких отрядов.

В силу вышесказанного объектом нашего внимания будет являться население российского фронта, а его предметом российское казачество XV – первой половины XIX в., понимаемое как субэтнос русского народа. На формирование российского казачества оказали существенное влияние два фактора: распад Золотой (затем Большой) Орды в конце XIV – начале XVI в. и становление Русского централизованного государства («Московского царства»). Первый фактор сделал принципиально возможным колонизацию «Дикого поля» русским народом, второй – стимулировал этот процесс, причём в двояком смысле. С одной стороны, государство стремилось к расширению своих владений и закреплению новых территорий с помощью строительства оборонительных пунктов и сооружений «засечных черт». С другой стороны, централизация «по-московски» нравилась далеко не всем. Процесс объединения русских земель под политическим прикрытием «собирания Руси» нередко носил характер завоевания сопредельных княжеств. В покорённых землях ликвидировались традиционные формы народного представительства. Один за другим смолкали вечевые колокола в Новгороде, Вятке, Пскове. Недовольные новыми порядками должны были искать себе политическое убежище за пределами власти московских государей.

Можно было, конечно, бежать в Литву или другие страны Европы, но этот путь не всегда был доступен. Далеко не всех устраи-

---

⁶⁴ См.: Колесник, В. И. История западноевропейского средневековья: учебное пособие / В. И. Колесник. – Ростов н/Д., 2012. – С. 213.

вала жизнь в иноэтничной и иноконфессиональной среде на положении беженцев. Однако было и другое направление миграции, проторенное ещё новгородскими и вятскими ушкуйниками. Этот путь по Волге и Каспию на Северный Кавказ или с переходом на Дон открывал реальную возможность сохранения личной свободы и национальной идентичности, хотя и представлял немалые трудности.

Население южного Дона вполне возможно формировалось на основе синтеза пришлых новгородцев, вятичей и жителей бывшего Тмутараканского княжества, в значительной мере славянского происхождения, но имевших также особые этнографические характеристики. Кроме того, в состав низовых казаков вошли частично перешедшие с Днепра черкасы (украинские казаки) и белгородцы. Вполне вероятно, что именно новгородцы принесли с собой идеи вечевого устройства, легшие в основу казачьего круга.

Не последнюю роль в образовании казачества сыграли татарские ордынские и азовские казаки. В татарских ханствах «казаки» были низшим разрядом людей в военно-служилой иерархии. Если под началом мурз выходили тысячные рати, уланы командовали сотнями слуг и рабов, то казак располагал только своими силами. Это был степной аналог западноевропейскому рыцарю – «однощитнику». Терять такому воину кроме коня с вооружением и собственной головы было нечего, но война сулила богатую добычу и надежду на лучшее будущее. Поэтому казаки были отчаянные рубаки. С распадом Золотой Орды они оказались предоставленными сами себе и стали искать средства к существованию, опираясь только на собственные силы. Именно они сохранили принцип войсковой организации, усвоенный в дальнейшем (в сочетании с традициями новгородского веча) казачьими войсками России.

Становление российского казачества было тесно связано также с присоединением в 1521 г. Рязанского княжества к Москве. Далеко не все рязанские пассионарии, сохраняя в значительной степени древнерусский дружинный принцип, хотели становиться холопами московского государя. Для несогласных оставался один путь – путь ухода в «Дикое поле». Пристально следивший за развитием событий в Рязанском княжестве Иван III ещё в 1502 г. настоятельно ре-

комендовал своей сестре, вдовствующей рязанской княгине казнить тех, кто «пойдет самодурью на Дон в молодичество». Но даже самыми строгими указами остановить вольную колонизацию было невозможно. Выходцы из Рязанского княжества осваивали территорию Верхнего Дона, Северного Донца, Хопра и Медведицы. Они в дальнейшем составили ядро верховых казаков.

Поначалу, вероятно, это были временные экспедиции добровольцев, уходивших для звериного и рыбного промысла, но также и за военной добычей. Уже во второй четверти XVI в. возникли временные поселения – зимовища, состоящие в основном из шалашей и землянок, а к середине XVI в. по р. Аксай появились и первые городки. Городки чаще всего обносились двойным плетнём или бревенчатыми стенами, пространство между которыми плотно забивалось землёй. Наружные стены увешивались шипами акации, а на самих стенах устанавливались «пушчонки».

Поначалу казачьи общины (станицы) действовали независимо друг от друга, однако опасности степной жизни способствовали их консолидации. Формой политического объединения казаков, сложившейся на Дону к середине XVI в., стало «войско». Высшим органом власти в войске был «круг» – одновременно аналог и синтез древнерусского (новгородского) веча, рязанских дружинных порядков и восточного «курултая». В идеале это собрание казаков всей реки или «валовой круг», но собраться всем казакам в одно время и в одном месте было практически невозможно, да в этом чаще всего и не было необходимости. Хотя «валовой круг» теоретически признавался высшей инстанцией, фактически все дела решались войсковым кругом – собранием казаков главного городка («главного войска») с приглашением выборных от других станиц. В работе круга мог участвовать также любой казак, оказавшийся по каким-либо причинам в столице «казачьего присуда». В компетенцию круга входили вопросы войны и мира, дипломатических отношений, суда и расправы по наиболее важным делам, решение территориальных споров между станицами и городками, а также выборы высших должностных лиц.

Исполнительную власть представлял войсковой атаман, избираемый, как правило, ежегодно. В помощь ему выбирали двух есау-

лов. По мере активизации внешнеполитической деятельности казачества и усложнения социальной жизни на Дону стали выбирать войскового дьяка – начальника канцелярии, хранителя войсковой казны, войсковой печати и войсковых регалий. В случае боевых действий избирались походный атаман и его товарищ (заместитель). Этимология термина «атаман» имеет ярко выраженные тюркские корни («ата» – отец, «мэн» – я), хотя исследователи казачьей истории западной ориентации выводят его происхождение от германского «Wachtmann» – муж (в смысле начальник) стражи (die Wacht – стража, караул, der Mann – муж, мужчина, человек). «Есаул» – также слово тюркского происхождения, обозначавшее наименование одного из придворных чинов.

Низовой организацией войска являлась станица. Первоначально это было объединение казаков численностью около (или несколько более) ста человек. В последующем под этим термином стали понимать один из типов казачьего поселения. Станица была автономной самоуправляемой организацией, со своим кругом, выборным атаманом и есаулом с полной самостоятельностью в решении внутренних дел. Станица подчинялась войску только в вопросах, затрагивавших интересы всего «казачьего присуда». В случае неподчинения постановлениям войскового круга войско могло применить репрессивные меры, вплоть до разгрома станичного городка.

Население Дона имело, конечно, представление о территории «казачьего присуда», которая включала бассейны рек Дона (кроме верховьев), Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца. Однако оно отличалось размытостью и неопределённостью, что было следствием стихийной казачьей колонизации Подонья и одновременно характерным признаком догосударственной стадии развития. Сохранилось предание о том, что эти земли со всеми «реками и потеклинками» были отданы казакам (за оказанную помощь при взятии Казани в 1552 г.) грамотой Ивана IV. Документ был будто бы утерян при Петре I, но вряд ли он существовал на самом деле. Своё право на жизнь казаки завоевали в жестоких схватках с «кочевыми дикими ордами» и не нуждались в чьих бы то ни было дополнительных одобрительных санкциях. В то же время легенда о жалованной грамоте указывает на то, что среди казачества вырабатывалось

представление о необходимости легитимации права на занимаемую территорию.

До конца XV в. сведения о взаимоотношениях казаков и Московского государства носят отрывочный характер. Первое достоверное упоминание о казаках относится к 1444 году. В этом году рязанские казаки, пришедшие на лыжах «с сулицами, с дубьём и вместе с мордвою», оказали помощь Василию II во время нападения царевича Мустафы. В 1468 г. какие-то казаки обнаруживаются в Москве. В это время они не обязательно были представителями восточного славянства. В 1474 г. впервые упомянуты крымские казаки, в 1491 – казанские, в 1502 г. – астраханские и т.д.

В отношении Москвы все они вели себя по-разному. Рязанских казаков нередко нанимали для сопровождения послов в Азов, а казанские казаки, Калимет, Урак, Садрь, Агиш, в 1496 г. «учинили измену» ставленнику Москвы казанскому хану Мухаммед-Эминю. Татарские казаки – мещерские и городецкие (касимовские) в конце XV в. служили Москве верой и правдой, в то время как ордынские казаки доставляли немало неприятностей. Они нападали на пограничные села и угоняли в плен население, грабили московских послов. Известный описатель «Сарматии» Матвей Михов (Миховский), каноник из Кракова, свидетельствовал в начале XVI в., что «Дикое поле» только иногда пересекают казаки, ищущие «кого поглотити», поскольку «живут они грабежом, никому не подвластные и пробегают обширнейшие степи, объединяясь в шайки».

Распад Золотой, а затем и Большой Орды не означал установления «тишины и спокойствия» на степной границе. Прямой угрозы существованию «Московского царства», конечно, не было, однако временами татарские чамбулы (легкие отряды) то тут, то там пересекали границу и вторгались вглубь территории страны. Иногда крымчакам (набеги 1521 и 1571 гг.) удавалось дойти и до стен Кремля. В любом случае, после удачного набега сотни и тысячи русских людей уводили в плен, обращали в рабство и выставляли на продажу в Кафе (Феодосии). В этих условиях следовало крепко подумать о способах охраны границ.

Главным средством пограничной безопасности традиционно считалась «береговая служба». Первоначально пограничной линией был берег Оки. Ежегодно с весны до глубокой осени здесь

несли службу тысячи московских ратников, «пока распутица не являлась им на смену посторожить Московское государство от внешних врагов»⁶⁵. С присоединением в начале XVI в. Чернигово-Северской земли конфигурация границ изменилась, а с середины этого века начинается продвижение рубежей к югу от Оки в сторону «Дикого поля». Устроенный здесь ряд укрепленных городков образовал Тульскую оборонительную линию («черту»), идущую от Путивля и Рыльска, через Брянск и Тулу до рязанского пограничья. Во второй половине XVI в. продвижение к югу продолжалось. Возникла Белгородская «засечная черта»: «Орел – Курск – Воронеж – Ливны – Елец – Белгород – Оскол – Валуйки». Между городами возводились укрепления-остроги. Они ограждались «тыном» из вкопанных в землю плотно прилегающих друг к другу и заостренных вверху бревен, сшитых по периметру для устойчивости плахами или жердями. Со временем города обносились рублеными стенами. В ряде случаев, по недостатку поблизости строевого леса, обходились двойным тыном, с заполненным землей внутренним пространством. При необходимости насыпали земляные валы со рвами. На опасных направлениях устраивали «засеки» из срубленных и поваленных деревьев.

Остроги заселялись приборными служилыми людьми, в том числе а нередко и главным образом городовыми казаками. Первое упоминание о них относится к 1502 г., когда Иван III предписал Рязанской великой княгине Агрипине: «Твоим служилым людям и городовым казакам быть всем на моей службе». Впрочем, сказать что-либо определенное о статусе этих казаков затруднительно. В XVII в. они были одним из разрядов служилых людей «по прибору», наряду со стрельцами, пушкарями и проч. В начале XVI в. под ними могли понимать всех тех «гулящих людей», которые (временно или постоянно) селились в пограничных городах и поступали на государственную службу. Со второй половины XVI в. на государеву службу переходили (чаще всего временно, так сказать, по вольному найму) и отряды донских, волжских и других казаков. Между этими разрядами имелись определенные различия.

---

⁶⁵ Ключевский, В. О. Сочинения в девяти томах / В. О. Ключевский. – Т. III. – М., 1988. – С. 173.

Городовыми казаками, например, «ведали» головы и сотники, утверждаемые в этих должностях стрелецким приказом, вольные казаки управлялись выборными атаманами. Однако не следует преувеличивать степень этих различий. Головы утверждались приказом чаще всего формально, «с приговора», т.е. по выбору казаков, а находившиеся на службе вольные казаки «в гарнизонном порядке» подчинялись воеводам. Хотя служба городских казаков считалась постоянной и обязательной, при желании и они могли уйти казаковать «в поле».

Главной обязанностью городских казаков была пограничная служба. Для сбора сведений и наблюдения за неприятелем «по степным сакмам» (следы на траве, особенно заметные по свежей росе и инею) регулярно высылались станицы (предположительно от санскритского *sthā* – стоять, т.е. стоянка, место пребывания). При получении неблагоприятных известий гарнизон города поднимался по тревоге и, смотря по обстоятельствам, либо выходил навстречу непрошенным гостям, либо начинал преследование чамбулов. Другим способом охраны была дозорная (сторожевая) служба. В дозор обычно направлялись несколько казаков. Добравшись до указанных мест (перелазов), казаки дежурили по очереди, заняв выгодную наблюдательную позицию (дерево, холм и др.). Увидев или определив по приметам приближение неприятеля, дежурный подавал знак товарищам и те, вскочив на коней, мчались во весь опор в свой город для предупреждения о возможном нарушении границы.

Длительное время командование гарнизонов в отправлении службы руководствовалось только опытом и здравым смыслом, но в 1571 г. воевода «польской украины» князь М.И. Воротынский составил обстоятельный устав сторожевой и станичной службы. Устав закрепил разделение казаков на городских (полковых), станичных и сторожевых. В городские казаки «верстались», как правило, безконные и «худоконные», в станичные и сторожевые зачисляли более смелых, ловких, физически сильных и «доброконных», а значит, и более материально обеспеченных. Наиболее отличившиеся из них назначались «станичными вожами» (предводителями или проводниками казачьих разъездов). Остальные назывались ездоками.

За свою службу полковые казаки получали «корм» или денежное, хлебное и (не всегда) соляное жалованье. Нередко их наделяли землей, но не в индивидуальном порядке, а «вповал», т.е. выделяли определённую территорию под пашни и покосы на весь полк. Станичные казаки либо получали большее жалованье, либо наделялись поместьями, либо имели и то, и другое. В дальнейшем определённая их часть влилась в состав дворянства, а большинство составило особую группу «однодворцев».

Общее руководство городскими казаками осуществлял Стрелецкий приказ. Он набирал казаков на службу и отставлял от неё (точнее, утверждал соответствующее решение воеводы), выплачивал жалованье и регулировал численность гарнизонов, отправлял в походы и являлся вышней судебной инстанцией. На местах деятельностью городских казаков руководили воеводы или осадные головы под наблюдением Стрелецкого приказа. Непосредственное управление осуществлялось выборными атаманами (для вольных казаков) или головами (для полковых казаков). Голова утверждал в должности Стрелецкий приказ. Казачий «прибор» (полк) обычно насчитывал 500 человек и делился на сотни во главе с сотниками, полусотни с пятидесятниками и десятки с десятниками.

Формирование российского казачества шло сложными и не до конца понятными путями. Неоднократно говорилось о степных предшественниках казаков. Потомки «черных клобуков» и бродников, хазар и половцев, аланских племен и жителей Тмутаракани, «ордынские казаки» и славянские данники крови – все они представляли тот этнографический материал, из которого благодаря интегрирующему началу новгородской и рязанской колонизации выросло русское казачество. Сведения о первых «зимовищах» и юртах по р. Аксай относятся ко второй четверти XVI в., о первых городках – к его середине. Зимовище – есть нечто иное, как временное поселение, состоявшее преимущественно из шалашей и «турлучных» полуземлянок и просто землянок. Жить в них можно было, только опираясь на материальную базу либо пограничных русских территорий, либо на стационарные поселения в низовьях Дона, существовавшие здесь с давних времён. Недаром же низовские казаки отличались домовитостью и зажиточностью. Даже за

несколько поколений имущественное расслоение в условиях господства натурального хозяйства не могло зайти слишком далеко. Не объяснить этого неравенства между низовскими и верховыми казаками и непостоянной военной удачей. Дело, скорее всего, в более ранних сроках колонизации нижнего Дона.

Сопоставляя факты реальной истории с казачьими легендами и преданиями, можно прийти к следующему выводу. К середине XVI в. российское казачество в общем и целом завершило процесс становления. Конечно, оно будет и в дальнейшем пополняться выходцами с Руси и Украины, представителями тюркских и иных народов, вплоть до «казака Иоганна» (возможно, из немцев), имя которого упоминается во время «азовского сидения». Об этом же напоминают фамилии Грековых, Грузиновых, Жидковых, Татарниковых и другие, нередко встречавшиеся в казачьей среде.

Обосновавшись в Подонье, казаки стали грозной силой, с которой должны были считаться не только «дикие кочевые орды», но и Блистательная Порта с «Московией». Национальные корни и религиозная общность способствовали сближению с последней, но политические порядки Московского царства заставляли соблюдать определённую дистанцию. В свою очередь Москва, озабоченная расширением территории и охраной рубежей, была заинтересована в союзе с казачеством и до поры до времени вынужденно мирилась с политической самостоятельностью Дона.

В 1552 г. казаки приняли активное участие в Казанском походе и оказали царю Ивану большие услуги при штурме города. Правда, неясно, были ли это донские или какие-то другие казаки, но с этого времени они принимают активное участие во всех внешнеполитических акциях Московского государства. В 1556 г. казаки фактически обеспечили бескровное подчинение Астрахани, а в 1558–1582 гг. сыграли не последнюю роль в Ливонской войне.

Отношения Дона с Москвой впервые были закреплены грамотой Ивана Грозного от 3 января 1570 г. Именно этот факт послужил основанием для установления старшинства Донского войска, но, как это нередко случалось в нашей истории, сам по себе повод был незначителен. В 1570 г. государев посол и боярин Иван Новосильцев прибыл на Дон с царской грамотой, в которой атаману Михаилу Черкашенину предлагалось оказывать содействие при проезде

через Дон и Азов в Константинополь. При этом подчеркивалось, что «тем бы вы нам послужили..., а мы вас, за вашу службу жаловать хотим». Хотя, повторим, повод был незначителен, но обе стороны истолковали его как своеобразный союзный договор, закреплявший статус донских казаков в качестве «федератов» (при всём том, что «Казачий присуд» не рассматривался как территория государства) Московского царства. Москва брала на себя обязательство оказывать донцам материальную и военную помощь, а казаки должны были охранять рубежи и сдерживать экспансию отнюдь не дружелюбных соседей (Крыма и Османской империи), что они, вообще-то говоря, объективно делали и без этого договора.

«Договор» был выгоден обеим сторонам. Москва получала сравнительно недорогой способ охраны южных границ, и даже возможность вмешательства во внутренние дела Блистательной Порты и Крыма (закрывая глаза на казачьи набеги), не говоря уже о сдерживании воинственных кочевников. Казаки получали надежный тыл и свободу действий против «басурман». Весьма кстати пришлось и царское жалованье, пусть оно было нерегулярным, не слишком большим. Ещё большее значение имела открывшаяся возможность беспрепятственного обмена излишков своего хозяйства в «украинных» (и не только) городах. Конечно, как бывает везде и всегда, условия договора нередко не соблюдались. Казаки не смогли да, судя по всему, и не старались помешать набегу на Москву Девлет-Гирея в 1571 г. и далеко не всегда прислушивались к внешнеполитическим рекомендациям Москвы. Правительство в свой черёд нередко «открещивалось» от «воровства» донцов (т.е. военных действий против «басурман») и не всегда выполняло взятые на себя материальные обязательства. Но в целом выгода была обоюдной. Так, в относительном мире и согласии Москвы и Дона прошло царствование Ивана Грозного.

Однако рано или поздно ситуация должна была измениться. Москве с самого начала не импонировал принцип: «С Дону выдачи нет!», а усилившееся «нестроение» государства (Ливонская война, опричнина, крепостническое законодательство конца XVI в.) сильно стимулировало бегство крестьян на окраины страны. С другой стороны, расширение территории Московского царства приво-

дило к попыткам включить в его состав и земли «Казачьего при-суда», что не могло быть воспринято казаками с благодарностью.

Отношения донцов с Москвой испортились при Федоре Иоан-новиче, точнее сказать, при правителе (с 1598 г. – царе) Борисе Го-дунове. В конце XVI в. в непосредственной близости от казачьих земель возникла Белгородская «засечная черта» (Орел, Курск, Во-ронезж, Ливны, Елец, Белгород, Оскол, Валуйки). Особую тревогу казаков вызвало строительство в 1600 г. Царева-Борисова. Официа-льно это объяснялось (и вполне справедливо) необходимостью модернизации оборонительной линии, но казаки держались на этот счет (и тоже вполне справедливо) другого мнения. Как иначе, кроме как посягательство на их территорию, могли они истолко-вать тот факт, что в это же время воеводы Бельский и Алферов по-требовали у верховых казаков отчёта о казачьих юртах «и кто в ко-тором юрте атаман, и сколько с которым атаманом казаков». Тем более что это была уже не первая попытка Москвы поставить дон-цов под жесткий контроль. В 1593 г. им было предписано подчи-ниться присланному из центра сыну боярскому Петру Хрущёву. Дело едва не приняло драматический оборот, но у казаков хватило и твердости, и юмора ответить центральной власти: «...прежде сево мы служили государю, а голов у нас не бывало, служивали своими головами; и ныне-де рады служить государю своими голо-вами, а не с Петром...».

В ответ на изъявление непокорности казакам было запрещено не только торговать, но даже появляться в русских городах. Нару-шивших «заповедь» бросали в темницы. Даже русским купцам было «заказано» появляться на Дону с «заповедными» товарами (боеприпасы, вино и проч.). Стоит ли удивляться, что казаки под-держали первого самозванца? В ходе Смутного времени казаки по-разному реагировали на политические изменения внутри страны. Охотники за добычей чаще всего шли в отряды самозван-цев. Более организованные казачьи отряды поддержали первое и второе ополчения, правда, с оговорками. Казаки стремились сохра-нить свои особые формы управления и самостоятельность, в том числе и во внешнеполитических вопросах. Главным источником казачьего материального благополучия были так называемые по-ходы «за зипунами». Донские казаки подолгу жили в Запорожье,

как и запорожцы на Дону, совместно участвовали в сухопутных и морских походах на владения Османской и Персидских государств. Одним из таких совместных походов стало знаменитое Азовское сидение 1637–1641 годов, когда казачьи отряды донцов и запорожцев сумели взять турецкую крепость Азов и стойко выдерживали турецкую осаду. Царское правительство отказалось дать помощь казакам, и они покинули крепость, но затаили обиду.

Главным социальным вопросом во взаимоотношениях казачества с царским правительством стала проблема бегства крепостных на Дон. Для казаков это был не только вопрос своей особой социальной идентификации (казачий закон «С Дону выдачи нет»), но и форма людского пополнения своих рядов, поскольку женское население было слабо представлено в казачьих станицах и самим казакам приходилось часто красть невест у соседних народов. К тому же после религиозных реформ патриарха Никона на Дон потянулась масса старообрядцев.

Война с Польшей 1654–1667 гг. несколько отдалила ситуацию социального взрыва на Дону. При этом следует отметить, что уже в среде самого казачества постепенно шло социальное расслоение. Начались выделяться так называемые «домовитые» или низовские, жившие по нижнему течению Дона казаки, владевшие многочисленными табунами коней и сотнями голов скота, на которых работали пленники – рабы («ясырь») и иногородние работники, из числа вновь прибывших. Другую часть казачества составляли «голытьба», так называемое «голутвенное казачество», в основном сосредоточившееся в верховьях Дона.

В 1667 году вождём «голытьбы» стал смелый и решительный человек из низовских казаков Степан Тимофеевич Разин. В период 1667–1669 гг. он собрал до трёх тысяч казаков и совершил поход «за зипунами» на Персию. Хронологически этот поход совпадает с пиратской экспедицией Генри Моргана на Панаму. По своему характеру в тот период казаки ничем ни отличались от «берегового братства», а по размаху и международному резонансу явно превзошли своих коллег с Карибского моря. Степан Разин и его соратники сумели не только ограбить всё побережье Каспийского моря, но и в ходе ожесточённого морского сражения разбили персидский

флот в 70 судов под командой Мамед-хана. В плен попала, согласно преданию, персидская княжна – дочь побеждённого флотоводца. Персидский поход принёс Степану Разину славу удачливого и щедрого атамана, тем более что на обратном пути он раздал немало взяток царским воеводам, за что последние пропустили его отряд домой на Дон. По неписаным казачьим законам Степан Разин должен был по окончании похода сложить с себя атаманские обязанности, а его отряд разойтись.

Однако после зимовки 1670 года отряд разинцев сохранил свою военную организацию и пополнился новыми членами. Степан Разин в 1670 году выступил уже на Волгу в поход против бояр и приказных людей. Этот период деятельности казаков-разинцев уже принял характер социального движения. Инсургенты повсюду рассылали «прелестные письма», предлагая «кабальным и опальным» людям устроить жизнь по казачьему образцу, без бояр и помещиков, без повинностей и податей с войсковым кругом и станичным управлением, со старой верой. «Воровские речи» оказывали гипнотическое воздействие на население. К движению присоединялись крестьяне, низы посада, стрельцы, народы Поволжья. В короткий срок численность армии Степана Разина дошла до 15 тысяч человек. С мая по октябрь 1670 года Разин занял Царицын, Астрахань, Саратов, Самару. Царским войскам удалось разбить Степана Разина только под Симбирском. В 1671 году Степан Разин был схвачен на Дону по приказу донского атамана, доставлен в Москву, где был четвертован на лобном месте.

Движение Степана Разина было ответом социальных низов России на формирование политической системы абсолютизма. Восставшие пытались противопоставить ей казачью «волю» и казачье самоуправление без бояр, воевод и приказных людей. В этом смысле социальный феномен казачества в русской жизни стал определённой формой социальной альтернативы общественному устройству Московского царства. Казачество вплоть до конца XVIII века было главным оплотом социального сопротивления низов в Российском государстве.

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Эпоха социальной модернизации России в первую очередь связана с личностью Петра I. Однако при всей важности субъективного фактора в развитии исторического процесса, причём в России этот фактор становится часто самодовлеющим, нельзя не учитывать, что задачи модернизации России носили объективный характер. Считая необходимым тот постулат, что войны являются одним из главных двигателей истории, наличие первоклассной армии и эффективного государственного аппарата является залогом для успеха во внешней политике для любого государства. Россия, весь XVII век противостоящая своим соседям, постоянно вынуждена была напрягать все силы в этой борьбе. Уже события Смутного времени показали слабую эффективность старой военной и административной машины Московского государства. При царях Михаиле Фёдоровиче и особенно Алексее Михайловиче в русской армии появились полки иноземного строя, делались попытки создать военно-морской флот. Но все эти нововведения носили подражательный характер. Механическое перенесение европейских образцов жизни на русскую почву без соответствующих изменений в социальном менталитете народа и подготовки соответствующих кадров не могли быть успешны. Историки Западной Европы, описывая начавшийся процесс модернизационных реформ в России, отмечали их подражательность европейским образцам, констатируя, что «...были переняты европейские административные модели, в особенности прусские и шведские. Как и Россия, Швеция и Пруссия в своё время столкнулись с проблемой создания мощных вооружённых сил, обладая при этом ограниченными ресурсами. Однако реформы в этих странах проводились в совершенно иной ситуации. В первую очередь необходимо отметить эффективное функционирование их государственных институтов, вызванное во многом тем, что служившие там люди были исполнены духом пietetизма (набожности) и нестоицизма. Эти веяния способствовали формированию рациональной системы управления, а также чувства самоотречения у чиновников, воспринимавших своё служение в интересах коллектива как религиозный долг. Следует принять во

внимание и то, что в Пруссии и Швеции административная реформа органично сочеталась с реформами в области культуры и образования. Русское государство, стремясь мобилизовать скудные ресурсы и не обладая при этом религиозным менталитетом, вынуждено было прибегать к принудительным мерам»⁶⁶. Здесь также следует отметить отдалённость России от европейских культурных и экономических центров. Как отмечал в своих работах известный французский историк Фернан Бродель, Россия долгое время была особым «миром-экономикой», имеющим тенденцию «организовываться в стороне от Европы», и только с Петра I ускорился процесс её сближения с последней⁶⁷.

Сам ход социальных реформ, который начался с правления Петра I, не связан с каким-либо конкретным планом преобразований. В осмыслении тех социальных преобразований, которые наступили в истории России с XVIII века, очень уместна оценка их со стороны известного российского историка В.О. Ключевского. Оценивая роль Петра Великого в истории России, учёный писал: «Пётр Великий и его реформа – наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Петр I и родился с мыслью о реформе, считал её своим провиденциальным призванием, своим историческим назначением. Между тем у самого Петра долго не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит править государством, никуда не годным, подлежащим полному преобразованию... Игра в солдаты и корабли была его детским спортом, внушённым толками окружающих. Но у него рано пробудилось какое-то предчувствие, что, когда он вырастет и начнёт царствовать на самом деле, ему прежде всего понадобятся армия и флот, но на что именно понадобятся, он, кажется, не спешил отдать себе ясный отчёт в этом... Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдалёнными планами, и всё, что он делал,

---

⁶⁶ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские. – Кн. 1. – М., 2003. – С. 214–215.

⁶⁷ Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986. Т. 2. Игры обмена. – М., 1988.

он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой: он и сам не замечал, как этими текущими делами он всё изменял вокруг себя – и людей, и порядки. Даже из первой заграничной поездки он вёз в Москву не преобразовательные планы, а культурные впечатления с мечтой всё виденное за границей завести у себя дома и с мыслью о море, т.е. о войне с Швецией, отнявшей море у его деда. Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни, когда деятельность его уже достаточно себя показала, у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности»⁶⁸. В данной характеристике царя-преобразователя видится полный перечень условий, в которых проходила деятельность Петра Великого. Имея только неясные очертания необходимых действий внешнеполитического характера, с юных лет царевич столкнулся с неприглядными образцами отечественной действительности. Здесь было и потрясшее 10-летнего ребёнка убийство его учителя, боярина Матвеева в 1682 году стрельцами, и борьба с сестрой Софьей, и подростковая запущенность в фактически ссылке в подмосковных сёлах. Знакомство юного Петра с европейской бытовой культурой в подмосковной слободе Кукуй, построенной для иностранных специалистов в столице России, дало первые образцы того мира и поведения, который он, ещё юноша, хотел противопоставить своим недругам. Великое посольство в Европу в 1697–1698 годах, дало Петру возможность наблюдать не только культурный пласт жизни европейцев, но и познакомило его с тем, как ведутся дела в Европе и как там устроена техническая часть жизни. По возвращении в Москву молодой царь не только жестоко казнил восставших стрельцов, но и начал авторитарно вводить европейский стиль жизни. Всем дворянам и боярам в 1699 году предписано было ходить в заграничных платьях (включая женщин), а созданные гвардейские полки – Преображенский и Семёновский, целый год по утрам выборочно ходили по боярским

---

⁶⁸ Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. IV. – М., 1989. – С 189.

дворам с проверкой, пьют ли по утрам их обитатели чай и кофе согласно царскому указу.

Только начавшаяся Северная война 1700–1721 гг. со Швецией, начавшаяся неудачно, с поражения в 1700 году под Нарвой 45 тысячной русской армии от 12-тысячной шведской армии под командованием 18-летнего шведского короля Карла XII, потребовала срочных реформ и изменений в управлении страной. Пётр I начал с социальных изменений, с преобразования привилегированных слоёв – дворянства и боярства. Все представители дворянства должны были учиться. «Пётр удержал прежний служебный возраст дворянина – с 15 лет; но теперь обязательная служба осложнена была новой подготовительной повинностью – учебной, состоявшей в обязательном начальном обучении»⁶⁹. Любопытно, что лица, не прошедшие обучения и не сдавшие экзамен по математике, по приказу царя лишались возможности жениться. Всё дворянское сословие обязано было служить «покуда в силах». Служба была в основном военная и частично, кто грамотен «шибко», – чиновничья. В отношении собственности дворянства и боярства – владения ими поместьями и вотчиной – в 1714 году был введён так называемый указ о единонаследии (майорате), по которому только один человек из семьи мог владеть землёй и крепостными, остальные сыновья должны были службой добывать себе положение. Этими мерами Пётр I фактически слил воедино боярство и дворянство, стёр какие-либо промежуточные различия между ними и ликвидировал существовавшие до него определённые промежуточные социальные группы в служилом классе. По мнению современных российских учёных, Пётр I «...в своей социальной политике...руководствовался, прежде всего, представлением о том, что каждый житель страны, независимо от своего социального статуса, должен приносить государству пользу, должен быть эффективным элементом единого государственного механизма...Пётр не стремился кардинально изменить традиционный для России характер социальных отношений, основывающийся на крепостной, по сути, взаимозависимости социальных страт друг от друга и государства. Напротив, в крепостничестве царь видел действенное орудие принуждения

---

⁶⁹ Там же. С. 72.

подданных к исполнению долга перед отечеством. Крепостничество, по мысли царя, было той необходимой формой насилия, без которой невозможно было принудить народ к навязываемому ему властью «учения»⁷⁰. Таким образом, налицо ещё один социальный феномен российской истории – социальное подчинение всех сословий государству, царской власти. Причём первым по мерам государственного принуждения идёт вроде бы главное привилегированное сословие – дворянство. На него обрушивается вся тяжесть «преобразовательских» мер государства – и новая мода, и новые напитки, и обязанность курить табак, и обучение, и служба до самой смерти. Система служебной зависимости дворянства автоматически, независимо от внешнего вида и диплома об окончании учебного заведения, перекочевала из московского княжества в императорскую Россию. Как отмечали современные исследователи социальной истории России, «...если в Западной Европе социальный статус вассала определялся размерами земельной собственности, которой он владел, то в России статус слуги определялся его положением на княжеской, затем – на царской службе»⁷¹. Слив все слои привилегированных групп – боярства, дворянства, примыкавших к ним различных служилых элементов в один плавильный социальный котёл – дворянство или, как его ещё называли в XVIII веке на польский манер – шляхетство, царь Петр I попытался этим своим действием создать социальный материал для осуществления процесса модернизации страны, своего рода социальную матрицу для подготовки кадров в военной и административной системе Российской империи. Именно с этой целью им в 1722 году был создан «Табель о рангах», административная система, представлявшая собой закон о выслуги чина по старшинству. Этот «Табель...» делился на 14 рангов и подразделялся на военные, административные и придворные должности. Здесь следует отметить, что появление подобного регулятора продвижения по социальной лестнице в Российском государстве имело важное значение для низших слоёв.

---

⁷⁰ Каменский, А. Б. Россия в XVIII веке / А. Б. Каменский. – М., 2006. – С. 47–48.

⁷¹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 164.

Появлялась возможность для делания карьеры не только у художественных дворян, которых не пускали на верх социальной лестницы государства кичившиеся своей родословной представители боярских родов. Служебную карьеру при Петре I делали и люди так называемого «подлого рода», выходцы из самых низов, в том числе и из крепостных. Этот шаг Петра Великого способствовал созданию вокруг личности царя своеобразного «гнезда сынов Петровых» и оставил о самом Петре I положительную историческую память в русском народе.

Когда исследователи рассматривают эпоху правления Петра Великого, то многие делают акцент на тот факт, что царь-реформатор первый из российских властителей стал заботиться о русском купечестве и стремился создать чётко функционирующую систему торговли. Действительно, Петр I был знаком с теорией меркантилизма, господствующей тогда в экономических реалиях Европы, и стремился внедрить её в повседневную экономическую практику России посредством различных протекционистских мер. Однако российское купечество, привыкшее к различным фискальным мерам со стороны государства по контролированию купеческих капиталов, не спешило вкладывать свои капиталы в царские «кумпанства» и различные экономические предприятия. Тогда царь-реформатор силой стал заставлять купцов участвовать в своих реформах российской экономики. В.О. Ключевский характеризует эти реформаторские действия следующим образом: «...в 1712 году велено было завести казной суконные фабрики и отдать торговым людям, собрав компанию, «а буде волею не похотят, хоть в неволю, а за завод деньги брать погодно с лёгкостью, дабы ласково им в том деле промышлять было». Так заведение фабрики или образование компании становилось службой по наряду, своего рода повинностью, а фабрика и компания получали характер государственного учреждения... Капитал, воздерживающийся от своего права нарастить оборотом, тогда почитался тунеядцем, лишавший казну её законной прибыли, десятой деньги, 5% сбора с оборота. И преследовался как контрабанда, подлежащая полицейской выемке. В первые годы Северной войны был издан указ: кто станет деньги в землю хоронить, а кто про то доведёт и деньги вытянет, доносчику

из тех денег треть, а остальное на государя»⁷². Торговое сословие силой обязывалось участвовать в экономических предприятиях государства, а купцы города Архангельска силой были перевезены в строившийся Санкт-Петербург. Подобные формы и методы реформирования торговой деятельности, при полном отсутствии банковского дела и кредитных операций, не могли способствовать широкому развитию коммерции и торговли. Только по окончании Северной войны, в период 1722–1724 годов, когда более-менее наладилась международная торговля на Балтийском море, стали приносить постоянный доход балтийские порты.

Если где и произошёл толчок как к экономическому, так и социальному развитию в рамках реформ Петра Великого, так это в деле создания в России промышленной буржуазии. Сам царь всячески следил за созданием предприятий чугунолитейной и железоделательной промышленности, в первую очередь обеспечивающих военные заказы. Тем, кто занимался этим делом, предоставлялась масса льгот и привилегий, в том числе награды и прямой доступ к царю. Именно в процессе создания предприятий такого типа в России появились не только первые отечественные промышленники, но и первые русские миллионеры – семья Демидовых, отец и сын, Никита и Акинфий. Они на своих заводах в Туле и на Урале сумели отлить до 12 000 орудий, а в 1720-х годах начали экспорт железа за границу, в Англию.

Однако промышленная модернизация России при Петре I породила новый социальный феномен России – крепостных рабочих. В Западной Европе мануфактурное производство пришло на смену ремесленной мастерской в силу естественного пути развития. Европейский предприниматель организовывал производство на свой страх и риск. Он сам определял направление деятельности своего предприятия, отыскивал рынки сырья, рабочей силы и сбыта готовой продукции, сам богател или же разорялся. В России же, особенно при Петре I, когда правительству был нужен сиюминутный результат, диктуемый условиями ведущейся много лет войнами со

---

⁷² Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. IV. – М., 1989. – С 108–109.

Швецией, Турцией, Персией, некогда было искать свободную рабочую силу и создавать или искать условия конъюнктуры рынка. Рабочая сила была нужна сейчас и немедленно, поэтому к заводам, в том числе и к частным, наподобие предприятий, принадлежавших семье Демидовых, приписывались целые деревни крепостных, так называемые «посессионные крестьяне». Они часть времени проводили на своих приусадебных участках, занимаясь обеспечением своих семей продовольствием, а большую часть времени проводили на заводских работах, являясь собственностью владельцев заводов.

Пересаженные на русскую почву в готовом виде технологического процесса промышленные мануфактуры с технической стороны ничем не отличались от своих европейских аналогов. С их помощью Россия при Петре Великом относительно быстро смогла сократить свое военно-техническое отставание от передовых государств. Однако у подобных «крепостных» предприятий имелся один существенный недостаток. Они не обладали способностью к саморазвитию, как мул, будучи вполне работоспособным животным, не оставляет после себя потомства. Во главе такой мануфактуры в России стоит не столько предприниматель в европейском смысле этого слова, сколько своеобразный «командир производства», обязанный поставить столько-о пушек за год по указанной ему цене. Ему не приходилось беспокоиться о рынках сырья (их государство отводило по челобитью), о рынке рабочей силы (приписных крестьян поставляло само государство) и о рынке сбыта продукции (почти все закупала казна). Этот оранжерейный режим при отсутствии конкуренции приводил к воспроизводству одного и того же промышленного качества, в то время как в Европе постепенно осуществлялся переход на машинное производство (особенно в Англии). Если у Российского государства по какой-либо причине пропадал интерес к подобным предприятиям, то они немедленно приходили в упадок. Процесс кризиса крепостных мануфактур начался происходить в России в конце XVIII века и растянулся почти на весь XIX век.

Крестьянство России эпохи преобразований Петра I подверглось различным формам эксплуатации, начиная с «налога кровью» в виде рекрутских наборов в армию, посылок на различного рода

строительные работы, в первую очередь на укладку новой столицы – Санкт-Петербурга, и заканчивая усилением налоговых сборов. Произошла социальная унификация крестьянства, когда были ликвидированы многочисленные полузависимые крестьянские группы, и остались только государственные и помещичьи крестьяне (при незначительном наличии монастырских крестьян). Систему социальной унификации крестьян лучше всего иллюстрирует принятая в 1724 году так называемая подушная подать, в основу которой была положена одна душа мужского пола, которую российские чиновники называли ревизской душой. Цель реформы – упрощение налогообложения. Как замечал по этому поводу В.О. Ключевский, «Петр видел в податном вопросе только два предмета: солдата, которого надо содержать, и крестьянина, который должен содержать солдата... У Петра был под руками готовый образец для обложения по рабочим силам: это – остзейское крестьянское тягло, или гак, в котором считалось 10 работников от 15 до 60 лет. Петр думал не о рациональном обложении, а о бездомном поступлении...при невозможности мудреной регистрации производительных сил оставался простой арифметический подсчет живой наличности мужского пола, не обходя и вчера родившихся младенцев»⁷³. Подушная подать была распространена и на посадское население: городские «тяглые» платили 1 рубль 20 копеек с «ревизской» души, крестьянская «ревизская» душа платила 74 копейки. Этим актом царь-реформатор просто свел все зависимые группы населения в одну социальную страту – «тяглое население», превратив почти всех в той или иной степени крепостное население, но не по отношению к частным владельцам, а к самому государству.

Таким образом, резюмируя итог реформ Петра I в их социальном измерении, можно констатировать возросшую зависимость всех слоев общества, а не одного крепостного крестьянства от нового модернизированного государства – Российской империи. При Петре I Россия выиграла долгую и кровавую войну со Швецией – 1700–1721 гг. Именно война послужила причиной реформирования

---

⁷³ Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. IV. – М., 1989. – С. 125–126.

страны и ее модернизации, а не внутренние социальные причины. Петр Великий был заложником войны, которая «...привела его и до конца жизни толкала к реформам... При нем война является обстановкой реформы, даже более – имела органическую связь с его преобразовательной деятельностью, вызвала и направляла ее»⁷⁴. Именно ответ на внешний вызов породил Петра Великого как социальное явление, вынудил само русское государство искать и находить те или иные формы развития, заимствовать их из-за рубежа. Сам процесс реформ в России походил на «импульсивные ответы высшей власти на выявившуюся внутреннюю неспособность отвечать на вызов истории»⁷⁵. Ближней цели – победы в войне и создания сильных армии и флота реформа достигла. Однако плата за победу – окончательное организационное оформление служилого государства военно-чиновничьего образца – оказалась весьма высокой. Социальное развитие страны затормозилось примерно на столетие, поскольку какого-либо идеологического обоснования реформа не имела (оно появилось позже в трудах историков), а светское образование и культура в России стали развиваться по заимствованным европейским образцам.

Реформы Петра Великого сделали из России первоклассную международную державу, унифицировав при этом внутреннюю социальную структуру страны. Все жители Российской империи (название появилось с 1721 года) находились под неусыпным надзором государства. Говоря об изменениях в социальной системе Российского государства, современные российские историки отмечают, что «...в ходе реформ все население страны было разделено на две части – привилегированную неподатную (дворянство, духовенство, некоторые категории государственных служащих, в т.ч. военные) и податную (все остальные категории населения). Поскольку государство стремилось к максимальному увеличению числа налогоплательщиков, в ходе реформы социальная структура общества была несколько упорядочена за счет уничтожения отдельных маргинальных групп, например холопства и «гулящих лю-

---

⁷⁴ Там же. – С. 190.

⁷⁵ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 167.

дей», а также создания новых крупных социальных страт, в частности, государственных крестьян, куда были включены и так называемые однодворцы – потомки приборных служилых людей Юга России, владевшие небольшими имениями и ограниченным числом крепостных душ. Для того чтобы внесенный в ревизскую сказку человек не мог уклониться от уплаты подушины, в ходе податной реформы была введена система паспортов, выдававшихся представителям податного населения при отлучке с места постоянного проживания. Всякий человек с просроченным паспортом считался беглым и подлежал поимке и суровому наказанию»⁷⁶. Со стороны социальных низов российского общества подобная политика государства вызвала различные формы социального протеста, в первую очередь классические русские – бегство на окраины и в сопредельные страны. Например, в период 1730–1740 гг. из России в Сибирь, а также в Литву и Польшу бежало до 250 тысяч человек⁷⁷. Таким образом, низшие слои российского общества могли выражать свои социальные требования только радикальным способом, что впоследствии вылилось в Пугачевский бунт, и малые восстания местного характера.

Возможность социального развития легальным способом в Российской империи была только у дворянства (с известными оговорками). Поскольку русская светская политическая и культурная мысль была уничтожена с ликвидацией средневековой городской культуры Новгорода, а русское «протестанство» в виде старообрядцев-раскольников замкнулось на соблюдении лишь только религиозных обычаев, социальные идеи русского дворянства стали развиваться на базе европейской бытовой и образовательной культуры. Сначала русский дворянин смотрел на процесс получения образования как на неприятную обязанность, даже просто царскую прихоть. Однако постепенно русские дворянские недоросли стали все больше и больше ездить получать образование в европейские

---

⁷⁶ Каменский, А. Б. Россия в XVIII веке / А. Б. Каменский. – М., 2006. – С. 49.

⁷⁷ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 170–171.

высшие учебные заведения. При Петре Великом это были в основном посылки на обучения военным, морским, инженерным, медицинским профессиям. Во второй половине XVIII века русская дворянская молодежь все больше стала учиться в европейских университетах. Сначала на русских дворян смотрели в Европе как на диво, да они сами больше глазели и удивлялись. В.О. Ключевский это новое для русского дворянства «служебное задание» охарактеризовал следующим образом: «Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общежития, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов. Один, например, важный московский князь, оставшийся неизвестным, подробно описывает свой амстердамский ужин в каком-то доме, с раздетой дочиста женской прислугой, а увидев храм св. Петра в Риме, не придумал ничего лучшего для его изучения, как вымерить шагами его длину и ширину, а внутри описать обои, которыми были увешаны стены храма»⁷⁸. Именно с таких дворян писал свои типажи В. Фонвизин, а М.Е. Салтыков-Щедрин уже в XIX веке высказал мысль о том, что Франция дала миру две вещи – свободу мысли и канкан, из которых второе (канкан) наиболее по нраву нашим Митрофанушкам. Очевидно, что вышеописанный процесс восприятия европейской культуры долго удерживался в сознании большей части русского дворянства.

Однако и среди плевел встречаются зрелые злаки. Русский аристократ Д.М. Голицын, из Рюриковичей, посланный за границу на учебу уже в зрелом возрасте, будучи семейным, привез в Россию большую библиотеку. Медленно поднимаясь по служебной лестнице, он все же после смерти Петра I сумел попасть в высший орган управления Российской империи – Сенат. В период конца 1720-х гг. князь Д.М. Голицын разработал проект по ограничению власти российских самодержцев в пользу так называемого Верховного тайного совета, состоящего из членов Сената и представителей высших аристократических родов России. По своему содержанию

---

⁷⁸ Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. IV. – М., 1989. – С. 217.

этот проект, вошедший в историю под названием «кондиции», вводил в России правление, наподобие английской палаты лордов. Само появление такого проекта можно считать переходным этапом от пожеланий Боярской думы советоваться с ней к европейским формам правового ограничения власти монарха. Съехавшиеся в январе–феврале 1730 года представители российского дворянства на свадьбу царя-подростка Петра II (внука Петра Великого) и попавшие на похороны и выборы нового самодержца были слабо информированы о содержании и смысле проекта князя – рюриковича. Дворянскую массу не интересовали высшие материи, а в первую очередь мучила идея, как бы облегчить свои служебные обязанности. Поэтому дворяне не поддержали затеи «верховников» и через гвардейских офицеров выразили претенденту на престол, племяннице императора Петра I–Анне свое пожелание, чтобы она царствовала самодержавно, что новоиспеченная императрица и сделала, публично порвав «кондиции». Неудачливого князя-реформатора Д.М. Голицына сослали в Сибирь, а дворянская масса получила осуществление своих примитивных социальных потребностей. «В 1736 г. срок службы дворян был ограничен 25 годами, а возраст поступления на службу определен в 20 лет. До этого дворянин был обязан получать домашнее или казенное образование, для чего была создана система строгого контроля в виде дворянских смотров, на которые должны были являться юноши, начиная с 13 лет»⁷⁹. По поводу произошедших в 1730 году событий русский философ Г.П. Федотов высказался следующим образом: «Анализ событий 1730 г. показывает, во-первых, что большинство столичного дворянства желало ограничения самодержавия, во-вторых, что оно недостаточно этого желало, чтобы преодолеть свою собственную неорганизованность и рознь. В итоге предпочли привилегиям верховников общее равенство бесправия. Шляхетство того времени, в сущности, разделяет крестьянскую подозрительность к свободе господ. Вместо того чтобы утверждать ее для немногих (для вельмож) и потом бороться за ее расширение на все сословия, в пределе – на всю нацию – единственно возможный исторический

---

⁷⁹ Каменский, А. Б. Россия в XVIII веке / А. Б. Каменский. – М., 2006. – С. 76.

путь, предпочитают рабство для всех. Так велика власть Москвы в сознании культурных или полукультурных потомков опричного дворянства»⁸⁰.

В середине XVIII века российское дворянство стало главным политическим регулятором российской власти. В период с 1725 по 1762 г. произошло как минимум 7 дворцовых переворотов, целью которых являлась персональная смена лиц, находящихся у власти. По правилам прохождения службы дворянские юноши должны были постигать азы военного дела в гвардейских полках. В значительной мере этот процесс свелся к формированию особой военизированной офицерской гвардейской субкультуры, главным стимулом которой было получение чинов путем придворных интриг, участия в заговорах, быстрого продвижения по службе (что, однако, не отменяло участия в военных действиях, периодически возникавших в ходе перипетий международной политики). Эти процессы выработали своеобразный социальный алгоритм поведения и идей, в ходе которого у российского дворянства (в виде его авангарда – гвардейского офицерства) стало возникать ощущение того, что именно они, дворяне-гвардейцы, являются хозяевами земли русской. Достаточная легкость осуществления государственных переворотов в России в то время вызывала удивление у иностранных наблюдателей и создала впечатление о полном отсутствии в России института права. Иностранцы отмечали, что «...все русские признают, что можно делать что угодно, имея в своем распоряжении известное количество гренадеров, погреб с водкой и несколько мешков с золотом»⁸¹. Именно поэтому императрица Екатерина II, придя к власти в результате одного из таких переворотов, решила покончить с подобной социальной практикой и ввести в России начала законности и порядка.

Эпоха правления Екатерины II (1762–1796 гг.) практически единодушно считается среди как российских, так и зарубежных историков периодом расцвета Российской империи. Этот «имперский блеск» был обусловлен в первую очередь военно-политическими

---

⁸⁰ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – В 2 т. Т. I. – СПб., 1991. – С. 291.

⁸¹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. I. – Новосибирск, 1991. – С. 171.

успехами. Победы в войнах с Турцией 1768–1774 гг., 1787–1791 гг.), три раздела Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг., включившие в состав Российской империи бывшие западные земли Киевской Руси, успехи в конфликтах с Швецией, Персией, инициатива в деле провозглашения политики «вооруженного нейтралитета» в годы войны за независимость США (в 1780 году). Все эти крупные международные успехи царствования Екатерины II суммировал в своем высказывании канцлер Российской империи князь Безбородко, говоривший новым русским чиновникам после смерти императрицы: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела»⁸².

Все эти достижения являли собой не только просто возросшую военную мощь Российской империи. Косвенно подобные результаты стали возможны в ходе проникновения вглубь российского дворянства – главного поставщика кадров для осуществления имперской политики, основ европейской культуры. Как известно, эффект культуры – эффект отложенный. В 1699 году царь Петр I издал указ о ношении европейского платья и питья чая и кофе, а затем указ об обязательном обучении дворянства, и только через 100 лет в 1799 году родился А.С. Пушкин, с именем которого связан процесс начала расцвета российской культуры. Однако уже в середине XVIII века начался процесс формирования европейских основ новой русской культуры. В 1755 году открыт московский университет, в 1756 году первый публичный театр, в 1757 году Академия художеств. Творит научные открытия М.В. Ломоносов, пишут свои первые стихи Сумароков и Тредиаковский. То есть создается новый, европейский образованный социальный слой русского дворянства, который дает не только великих полководцев и флотоводцев (П.Н. Румянцев, А.В. Суворов, Ф.М. Ушаков), но и кадры научные и культурные. В таких условиях новая российская самодержица, будучи сама этнической европейкой – немкой, ставит новую социальную задачу для своего царствования. Под это задачей Екатерина II подразумевала элементарную кодификацию законов в империи. Как отмечают современные историки, «...роль монарха она

---

⁸² Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. V. – М., 1989. – С. 312.

видела, прежде всего в создании «фундаментальных», т.е. постоянно действующих законов, охватывающих все важнейшие сферы жизни и обеспечивающих таким образом правовую защиту населения, определяющих статус, права и привилегии всех его групп. Важнейшей целью политики становилась выработка законодательства о статусе отдельных сословий и, собственно, конструирование на этой основе полноценной сословной структуры общества западноевропейского типа»⁸³.

Сразу после своего вступления на престол в 1762 году Екатерина II начала осуществлять свою социальную программу: были снижены цены на соль и издан указ «о лихоимстве» – коррупции. Министр иностранных дел Российской империи Никита Панин подал Екатерине II проект об учреждении в системе управления страной «Императорского Государственного совета». По мысли министра в управлении государством необходимо было произвести «разумные разделения власти законодательной между некоторыми малым числом избранных к тому времени персон (6–8 человек)»⁸⁴. В 1766 году в декабре императрица издала указ о созыве комиссии из «добрых и знающих людей» для кодификации законодательства страны.

Комиссию выбирали представители не всех социальных групп России: были выборщики от дворянства, городов, казаков, оседлых инородцев. Крестьяне, как крепостные, так и государственные и иных подгрупп, не были представлены, как и приходское духовенство. Социальное лицо комиссии по уложению российских законов, собравшейся на свои заседания в Грановитой палате Московского Кремля в конце июня 1767 года, выглядела следующим образом: правительственные учреждения – 5% депутатов, дворянство – 30%, городские жители – 39%, сельские обыватели(помещики) – 14%, казаки, инородцы – 12%⁸⁵. Из приведенных цифр

---

⁸³ Каменский, А. Б. Россия в XVIII веке / А. Б. Каменский. – М., 2006. – С. 99.

⁸⁴ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 169.

⁸⁵ Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. V. – М., 1989. – С. 79.

видно, что Комиссия составляла по социальному подбору депутатов слепок с европейских законодательных совещаний – шведского риксдага, собрание нотаблей во Франции. В этом случае чувствуется влияние протестантских государств Европы, выходцем из которых являлась сама Екатерина II – в российской Комиссии отсутствуют представители духовенства, которому сама императрица не доверяла политически. Смысл практического социального действия собранной по ее воли комиссии сама Екатерина II впоследствии объяснила в своем письме французскому философу Гримму: «Мое собрание депутатов было потому так удачно, что я им сказала: «Вот вам мои взгляды, а вы скажите мне свои жалобы: где башмак жмет вам ногу? Постараемся помочь делу; у меня нет никакой системы, я хочу только общего блага: оно составляет мое собственное»⁸⁶.

Депутаты прибыли в комиссию с наказами от своих избирателей. Однако их содержание отвечало только насущным нуждам тех территорий, откуда они прибыли. На этом фоне наказ самой Екатерины II, написанный на основе трудов Монтескье и итальянского юриста Беккариа, был просто интеллектуальным исполином среди посредственных требований от посредственных депутатов. Недаром впоследствии сама императрица жаловалась приближенным: «Тяжело наблюдать вялотекущие заседания нашей Комиссии, которые к вечеру плавно перетекают в пьянку»⁸⁷. В ходе работы Комиссии по уложению российских законов Екатерина II столкнулась с той формой российской социальной действительности, которая в значительной мере будет определять течение социально-политической жизни России до начала XX века. К такой форме можно отнести три течения: правительственное умеренно-либеральное, консервативное дворянское и нарождающееся либеральное движение образованного дворянства. Из содержания Наказа Екатерины II плавно вытекает тот постулат, который потом А.С. Пушкин озвучил фразой: «В России правительство – первый европеец». Но со-

---

⁸⁶ Цит. по: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 170.

⁸⁷ Эти российские не лучшие социальные традиции свято соблюдаются и поныне – Прим. автора.

циально консервативное большинство Комиссии, которое преподнесло Екатерине II приветственный адрес с титулом «Спасительница отечества», это же консервативное большинство утром следующего дня подбросило в спальню к царице с утренним кофе анонимку, содержание которой сводилось к следующему: будешь матушка-государыня чудить со своими наказаниями, вспомни, как взошла на престол – также и сойдешь. Намек был понят адресатом, тем более что меньшая, но активная часть Комиссии, вдохновленная императорским Наказом, начала развивать его социальную мысль. Некоторые депутаты из дворян начали в комитетах Комиссии развивать идею о необходимости не только иметь хорошие законы, но и критически отнестись к крепостническим порядкам в отечестве⁸⁸. В январе 1769 года Комиссия была закрыта из-за начавшейся войны с Турцией.

Тем не менее работа Комиссии по уложению российских законов открыла достаточно неприглядную картину социальной действительности в стране для российской самодержицы. В ее созидательной работе по созданию в России социальной структуры общества, аналогичной европейским странам, для самой Екатерины II стало ясно – в стране, ей подвластной, сословия сформированы внешне, а не внутренне, у них нет созидательных социальных задач, а существуют сиюминутные, насущные.

Начавшаяся одновременно с войной с Турцией череда социальных волнений в восточных, уральских губерниях Российской империи (волнения среди яицких (уральских) казаков в 1772 году, восстание Емельяна Пугачева в 1773–1775 годах) также остудила реформаторский пыл императрицы. Как социальное явление Пугачевский бунт был последним организованным ответом старой Московской Руси на создание европейского регулярного государства. Опять движущей силой этого движения было казачество, причем старообрядческое, смотревшее на присоединившихся к ним инородцев и крестьян как на вспомогательную боевую силу.

---

⁸⁸ Троицкий, Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты / Н. А. Троицкий. – М., 2002. – С.58.

Получив в ходе царствования обильный практический и теоретический материал, Екатерина II начала процесс постепенного социального освобождения и одновременного структурирования сословий или социальных групп в своей империи. В 1775 году была одновременно с губернской проведена городская реформа. В ней жители русских городов были разбиты на несколько социальных страт, по уровню дохода и степени материального достатка. Были предоставлены зачатки городского самоуправления. Таким образом, Екатерина II пыталась ускорить процессы создания в стране городской буржуазии.

Главным же социальным итогом ее царствования была Жалованная грамота дворянству в 1785 году. Этот документ наконец удовлетворил почти двухвековое ожидание русского дворянства. Жалованная грамота четко сформулировала сословные права дворянства (как служебные, так и личные), окончательно признала за дворянами право собственности на все свое имущество, с крестьянами включительно. Дворяне не платили налогов, судились себе равными, наказывались только по суду, освобождались от телесных наказаний, приговор по преступлению дворянина получал силу только после его утверждения высшей властью. Дворяне имели право на свои собрания, на которых они избирали губернского, уездного, городского предводителя дворянства. Таким образом, налицо создание в России первой четко структурированной социальной страты, со своими обязанностями и правами.

Подводя итог своей деятельности, законодательной и социальнообразующей, Екатерина II так писала философу Фридриху Гримму: «Губерний, учрежденных по новому уложению – 29; Построенных городов – 144; Заключенных договоров и трактатов – 30; Одержанных побед – 78; Указов о новых учреждениях – 88; Указов об облегчении участи народа – 123»⁸⁹. Деятельность продуктивная и результативная. Но после того, как человек решит насущные проблемы своего бытия, его начинают волновать более высокие материи. Русское дворянство, постепенно становясь материально и лично независимым от государства, начало формировать систему социальных требований о переустройстве государственного аппарата.

---

⁸⁹ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 158.

ТОЧКА НАЧАЛА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Исторически эпоха периода конца XVIII – начала XIX в. в истории России одна из самых богатых в событийном отношении. Для «певцов величия российского колосса» это тот период, когда можно во весь голос распевать кантату «Гром победы раздавайся, веселись великий росс». В самом деле, количество военных побед русской армии и русского военно-морского флота можно исчислять десятками. Успехи внешней политики неоспоримы – достаточно взглянуть на карту территориального роста Российской империи. Имена великих полководцев и флотоводцев уже в условиях современной России пополняют пантеон святых. Однако всё так ли однозначно и так ли всё блестяще? Не кроется ли в самой логике исторических событий обозначенного исторического периода зарождение тех проблем, которые через 100 лет после победоносного вступления русской армии в Париж привели к цивилизационному краху в начале уже XX века.

При начале анализа исторического развития России периода конца XVIII – начала XIX в. следует отметить две разновекторные тенденции исторического процесса в России. Первая социально-экономическая. Кризис эффективности крепостнической экономики царской России – в основном сельскохозяйственной несколько меньше промышленной – обозначился ещё в период правления царицы Елизаветы (1741–1761 гг.). Этот кризис был связан в первую очередь с низкой товарностью тогдашних сельскохозяйственных производителей. Однако успешные войны с Османской империей (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.) позволили присоединить к России плодородные равнины Северного причерноморья. Сельскохозяйственная деятельность в этих районах была очень продуктивна, велась в основном в рамках своеобразных «латифундий», называемых в то время «экономиями», и находилась в собственности у крупных вельмож Российской империи. Высокая эффективность урожайности зерновых в этих приобретённых районах позволили российской экономике не только покрыть внутренний дефицит зерновых, но и дали возможность России выступить главным экспортёром хлеба на мировом экономическом рынке. Вплоть

до начала 1820 г. российское зерно прочно удерживало первое место в экспортном соревновании с Францией и нарождающимся сельским хозяйством США. Такие экономические условия позволили Российской империи несколько снизить социальные проблемы внутри страны и более уверенно чувствовать себя в ходе многочисленных международных конфликтов.

Вторая тенденция – внешнеполитическая, постепенно превращавшаяся во внутривосточную и отчасти ставшая цивилизационной проблемой. Речь идёт о ликвидации польского государства (Речь Посполитая) и постепенном вхождении основных территорий этого государства в состав России. Польские историки в массе своей считают этот процесс подтверждением агрессивной и империалистической сущности Российского государства, причём им безразлично, какова властная структура России в тот или иной период истории. Большинство российских историков постоянно рассуждают о тех или иных сторонах польского национального характера (социальный гонор, отсутствие способности к социальной организации и склонность к анархии), подчинение интригам противников России в Европе. Тем не менее участие Российской империи в трёх разделах Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) прибавили России не только территорий, но и проблем, отголоски которых слышны и в XXI веке. Здесь следует отметить, что первый раздел Речи Посполитой действительно в большинстве случаев был определён как наведение элементарного социального порядка в польско-литовском государстве. Вооружённые толпы шляхтичей, придерживающихся различных политических ориентаций, отряды «степных пиратов – гайдамаков» вырезавшие целые города в Юго-восточной части Речи Посполитой, слабая королевская власть – всё это не могло не беспокоить соседние с Польшей государства. Красочные описания анархии в Речи Посполитой вроде дефилирования по Варшаве шляхтичей-дебоширов, которые подбивали свои плащи судебными бумагами об их аресте, – всё это прибавляло целесообразности для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой, что и привело к первому разделу Польши в 1772 году между Россией, Пруссией и Австрией.

Раздел потряс передовых людей Польши. Под воздействием идей французского Просвещения, имея в своём распоряжении несколько офицеров, сражавшихся за независимость США (Тадеуш Костюшко), с 1789 года находясь под влиянием Французской революции, передовая интеллигенция Польши в ходе многолетнего заседания сейма в 1791 году приняла программу социальных, политических и экономических преобразований в стране. В 1792 году именно Российская империя провела молниеносную военную операцию по ликвидации всех постановлений о реформах в Польше и сохранении власти короля Станислава Понятовского. Следует отметить, что неоценимую помощь российским войскам оказали польские аристократы, не желавшие создания в своей стране государства по буржуазно-демократическим образцам.

В 1794 году уже началось национально-демократическое восстание в Польше под руководством Тадеуша Костюшко, подавленное в ходе ожесточённой военной кампании русскими и частично прусскими войсками. Опять многие польские аристократы, смущённые лозунгами «универсалов» Костюшко о том, что кто из крепостных крестьян вступит в армию, то получит свободу, предпочли держаться нейтралитета и не поддерживать повстанцев. Разделы 1793 и 1795 годов ликвидировали политически польскую государственность.

Здесь следует отметить, что в состав Российской империи вошли в основном земли бывшей Киевской Руси, в которых, однако, культурно и экономически доминировали польские дворяне. В принципе последние если не были в восторге от ликвидации собственного государства, тем не менее отмечали, что исчезли угрозы набегов украинских казаков – гайдамаков с их постоянными физическими расправами над польским и еврейским населением. Тем польским дворянам, которые не участвовали в польском национальном движении, власти Российской империи сохранили их собственность, земельные владения с крепостными белорусскими и малорусскими (украинскими) крестьянами.

Во второй половине 1790-х гг. возникла так называемая «польская интрига», как называли действия националистически настроенных поляков русские публицисты. Польские аристократы, ведомые будущим личным другом царя Александра I князем Адамом

Чарторыйским, задумали создать некую монархическую федерацию России и Польши с присоединением к Российской империи этнической Польши, которая была под властью Пруссии и Австрии. Причём польские дворяне в Российской империи должны были по мысли князя Адама Чарторыйского занять то же положение, что и прибалтийские немецкие дворяне, то есть иметь права на национально-культурную автономию, автономное местное самоуправление.

В противовес аристократической партии польские национальные демократы создали в Северной Италии в 1796–1797 гг. Польские национальные легионы в составе армии молодого тогда Наполеона Бонапарта. Их политическая программа заключалась в словах боевого гимна польских легионов генерала Домбровского:

Ещё Польша не погибла,
Если мы живём!
Что враги у нас отняли,
Саблей отберём!
Марш, марш Домбровский!
С земли Итальянской к Польской!
За твоим предводительством, сплотимся с народом!

Вислу перейдём и Варгу,
Будем мы поляки!
Дал пример нам Бонапарт!
Как победу одержать!

В данных словах видны идеи о создании независимого польского государства в процессе военной конфронтации с теми странами, которые приняли участие в разделах Речи Посполитой. Таким образом, в создании польских легионов в составе войск революционной Франции, а затем в армии императора Наполеона Бонапарта зародились многие проблемы в будущей внешней и внутренней политике Российской империи.

В конце царствования Екатерины II произошли ещё два события, которые надолго определили как внешнюю, так и внутреннюю политику страны. Первое событие – Французская революция 1789 года. Как кровавые события самой революции, так и идеи, ею

провозглашённые, шли вразрез с той системой ценностей, на которой держалась самодержавная власть Российской империи. Сама российская императрица была не чужда некоторым прогрессивным идеям персонально и даже переписывалась с некоторыми французскими философами-просветителями (Вольтер, Дидро). Но революционные события и особенно войны резко настроили бывшую прогрессивную владычицу России на реакционный склад мышления. Однако, будучи очень умным человеком, Екатерина II не стала сама вмешиваться в военные действия против революционной Франции и ограничилась контрреволюционной пропагандой и предоставлением разнообразной помощи французским роялистским эмигрантам. Тем более что личные качества представителей свергнутых французских Бурбонов не располагали к стремлению рисковать военными действиями в их пользу. Ещё задолго до событий 1814 года, когда после свержения Наполеона про французских Бурбонов скажут фразу – «Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились», Екатерина II убедилась в мелочности французской королевской семьи. Русская императрица подарила графу д'Артуа, будущему королю Карлу X, шпагу с бриллиантом, на которой была выгравирована надпись на русском языке: «С богом за короля!». Впоследствии сиятельный граф заложил этот подарок русского монарха прусским ростовщикам, чтобы оплатить свои роскошные одежды. Разгневанная подобным поступком Екатерина II охарактеризовала королевскую французскую семью следующими словами: «Эти люди хотели, чтобы зажаренные жаворонки сами летели в рот... Они всё съели и ничего не сотворили»⁹⁰.

Второе событие вообще прошло мимо как современников, так и последующих исследователей-историков. Наследник российского престола Павел женился на немецкой принцессе. Будучи нелюбим матерью, Павел оказался фактически на положении ссыльного в своём дворце в Гатчине. Вокруг этого дворца сложился свой мир изгнанных французскими революционными войсками немецких князей, родственников жены, с их местечковыми интересами, про-

---

⁹⁰ Цит. по: Эйдельман, Н. Мгновенье славы настаёт... / Н. Эйдельман. – Л., 1989. – С. 119.

блемами германского мира того времени, вообще системой ценностей маленьких городов и государственных интересов Центральной Европы. Именно в это «интеллектуальную» среду окунался наследник, великий князь Александр, периодически наезжавший к отцу в его двор (воспитанием наследника с юных лет занималась венценосная бабушка). Тем более что самого будущего императора Александра I женили на южногерманской баденской принцессе. Так что с самых юных лет будущий российский самодержец был погружён в атмосферу германских политических дел, интриг, всевозможных дрызг и мелочных расчётов германских владетельных князей. В этой среде ему, будущему «Агамемнону» Европы, привили могучий пиетет перед австрийским Габсбургами, прусскими Гогенцоллернами, внушили приоритет в решении задач общегерманской политики. Таким образом, российская династия Романовых постепенно растворялась в династии немецких владетельных князей Голштейн-Готторпских.

Смерть Екатерины II привела на престол ею нелюбимого сына Павла I (1796–1801 гг.). Этот период исторического развития России вызывает споры среди отечественных историков до сих пор. Причины заключаются в неуравновешенном характере императора Павла, во вспышках гнева и принятии непродуманных, а подчас и абсурдных решений государственного характера. В международной политике это проявилось весьма красноречиво. Российский император увлёкся идеями рыцарства, в какой-то степени реанимировав Дон-Кихота. В 1798 году Павел I был избран гроссмейстером последнего в Европе Мальтийского рыцарского ордена. Как отмечали современники, главной политической мыслью российского императора Павла I стала «...идея рыцарства – в основном западного средневекового (и оттого претензия не только на российское – на вселенское звучание «нового слова»), рыцарства с его исторической репутацией благородства, бескорыстного служения, храбрости... Рыцарство против якобинства... то есть облагороженное неравенство против «злого равенства»⁹¹.

Летом 1798 года по пути в Египет молодой Наполеон Бонапарт захватил остров Мальту и ликвидировал находящийся там орден

---

⁹¹Суворов, А. В. Письма / А. В. Суворов. – М., 1986. – С. 311–312.

госпитальеров, в соответствии с французскими революционными республиканскими доктринами. Королевские дворы Англии и Австрии не преминули воспользоваться этим событием для вовлечения русского императора в войну против республиканской Франции, основываясь на патриархальных рыцарских идеалах. Официально российское самодержавие объявило свое идеологическое намерение вступить в войну против Франции следующим образом: «Действенными мерами положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие»⁹².

Блестящие успехи русского флота под командованием Фёдора Ушакова в Средиземном море и победы русской армии в Италии под командованием Александра Суворова хорошо описаны в исторической литературе. Однако российский император с удивлением наблюдал в ходе войны, что успехи русского оружия беспокоят его союзников больше, чем ожесточённое сопротивление французов. После неудач отдельных русских военных отрядов в Голландии и Швейцарии и сложной ситуации, в которой оказалась армия А. Суворова в швейцарских Альпах, Павел I прекратил военные операции против французских войск. Двуличная политика Англии, которая отказалась отдавать остров Мальту обратно мальтийскому рыцарскому ордену, гротсмейстером которого являлся сам российский император, привела Павла I к решению о прекращении войны с Францией. Здесь следует отметить, что для России война с Францией в 1799 г. стала первой из серии так называемых «войн роскоши», которые ведутся не во имя национальных интересов, а из-за прихоти самодержавных феодальных властителей.

Сам российский император не только был возмущён поведением союзников, но и начал задумываться об изменении внешнеполитического курса страны. Как отмечали французские дипломатические агенты, «Павел I никогда не простит двуличности вен-

---

⁹²История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году. – Т. 1. – СПб., 1852–1853. – С. 13.

скому кабинету ... Его самолюбие уязвлено тем, что он стал игрушкой австрийских интриг, что немислимо, чтобы он забыл обо всех этих недостойных вещах»⁹³.

В это время – в 1800 году пришедший к власти во Франции Наполеон Бонапарт, после победы над австрийцами при Маренго решил наладить отношения с Россией. В российской исторической науке только ее признанные мэтры Е.В. Тарле и А.З. Манфред осмеливались говорить о том, что Наполеон Бонапарт делал все возможное и невозможное, чтобы не вступать с Россией в вооруженный конфликт⁹⁴. Отношение к Наполеону у большинства российских историков рассматривается сквозь призму 1812 года. Но сам император французов, особенно в ранние годы, в период консульства не считал возможным вооруженное противостояние с Россией. Его рациональный латинский ум не видел объективных причин для этого. Имея представления об императоре России как о человеке с рыцарской идеологией, первый консул Французской республики отпустил в Россию всех русских пленных в новых мундирах, сшитых за счёт французской казны, с деньгами на дорогу и с любезным письмом к самому Павлу I. Всероссийский самодержец был в восторге от нового властителя Франции, которому ответил также любезным письмом. В частности, Павел I писал Наполеону: «Я не говорю и не хочу дискутировать о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства различных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие... Я готов слушать Вас и беседовать с Вами»⁹⁵.

Изменения во внешней политике России последовали с поражающей быстротой. Был не только заключён мир между Россией и Францией, но и начались поиски между главами обоих государств формулировок для заключения союза между Россией и Францией. Почвой для этого послужила судьба владений Османской империи (французские войска находились в Египте до сентября 1801 года).

---

⁹³ Соколов, О. В. Аустерлиц, Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 / О. В. Соколов. – 1999. – С. 43.

⁹⁴ См.: Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – М., 1957; Манфред, А. З. Наполеон Бонапарт / А. З. Манфред. – М., 1980.

⁹⁵ Там же.

Наполеон также разработал проект совместной русско-французской экспедиции в Индию. Надо сказать, что Павел I загорелся этой идеей и ранней весной 1801 года послал в поход или в разведку боем 8 казачьих полков под командованием атамана Платова. Здесь следует отметить, что не все отечественные историки вслед за европейскими коллегами относились к подобной идее скептически. В частности, известный советский историк С.Б. Окунь писал: «Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным... Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной»⁹⁶. Такого же мнения о возможном успехе подобного начинания придерживались и господа англичане в то время. При содействии английского посла Уитвора был организован заговор российской элиты против Павла I, и российский самодержец был убит в ночь на 12 марта 1801 года.

Здесь автор хотел бы обратить внимание на то различие, которое имеется между вроде бы схожими элементами дворцовых переворотов середины XVIII века в России и заговором и цареубийством Павла I в марте 1801 года. В случае с императором Павлом дело шло не о замене одной группы придворной камарильи другой или одного претендента на престол – другим. Заговорщики действовали в тесном контакте со старшим сыном царя – великим князем Александром. Целью заговорщиков было прекращение административного произвола Павла I по отношению к российскому дворянству, восстановление попранной Жалованной грамоты и освобождение массы арестованных офицеров и дворян. К тому же своими поступками, в частности выговором престарелому генералиссимусу Суворову А.В. за какой-то мелкий проступок по поводу нарушения воинского устава, Павел I начисто лишился какой-либо

---

⁹⁶Окунь, С. Б. История СССР. 1796–1825 / С. Б. Окунь. – Л., 1948. – С. 86–87.

массовой поддержки в русской армии. Российское дворянство требовало к себе уважения как к социальной группе, имело человеческое достоинство, не желало уже быть привилегированными холопами царской власти. Английские деньги лишь ускорили события. После убийства Павла I его преемник на престоле Александр I сразу же декларировал свой политический курс, заявив, что будет править по обычаям Екатерины II, и одним из первых указов его было торжественное подтверждение Жалованной грамоты дворянству. Высшая власть выполнила социальный заказ главной социальной группы в стране.

Особенности внутренней политики в царствование Александра I, прозванного в народе «Благословенный», историки определяют с фразы поэтов «дней александровых прекрасное начало». Связано это было не только с восстановлением Жалованной грамоты дворянству: была проведена реорганизация управления империей – созданы министерства, а в 1803 году был издан указ «О вольных хлебопашцах». Сущность последнего закона заключалась в возможности крепостным крестьянам выкупиться на волю по их личному соглашению с помещиком. В ходе действия этого закона при Александре I на волю выкупилось 47153 крестьянские семьи, при императоре Николае I – 67149 семей⁹⁷. Эти решения нового царя, направленные на социальное развитие российского крестьянства, были продиктованы логикой европейской истории, которую цесаревичу Александру преподавал швейцарский республиканец Лагарп (родственник известного французского революционера Марата), приглашенный в учителя к Александру лично Екатериной II. Действительно, большая часть европейских крепостных выкупилась сама, но в России этот социальный рецепт не сработал. Сам Александр I (1801–1825 гг.) являл собой начало того социального типа либерального реформатора в России, который был воспет классической русской литературой: смесь великолепной теоретической подготовки, мечтательности, нерешительности и незнания социальной действительности России. На личность Александра

---

⁹⁷ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 245.

наложила свой отпечаток нездоровая семейная обстановка. Как отмечал В.О. Ключевский, «...с обильным запасом величавых античных образов и самоновейших политических идей вступил Александр в действительную жизнь; ...он вынужден был вращаться между бабушкой и отцом, а это были не только два лица, а даже два особых мира...Александр должен был жить на два ума, держать два парадных обличая, кроме третьего – будничного. Двойной прибор манер, чувств и мыслей...Принужденный говорить, что нравится другим, он привык скрывать, что думал сам. Скрытность из необходимости превратилась в потребность»⁹⁸. Эти черты тем более стали проявляться в характере Александра I после того, как его реформаторские попытки нашли сопротивление в высших слоях бюрократического аппарата империи. После выхода в свет указа «О вольных хлебопашцах» в 1803 году Сенат Российской империи «...представил императору возражения о том, что изданный им указ нарушает права и вольности дворянства. Александр сделал Сенату выговор и разъяснил, что представления Сената не должны касаться вновь издаваемых императором законов»⁹⁹. В данном случае весьма ограниченные реформы царя наткнулись на явное сопротивление социального слоя консервативного дворянства. Многочисленность и влиятельность этой группы в дворянской среде следует отнести не только к социальной отсталости массы российского дворянства, но и к экономическим условиям страны. После успешных войн с Османской империей к России были присоединены многочисленные черноземные земли. Обозначившийся ко второй половине XVIII века кризис дворянского земледельческого хозяйства нечерноземных губерний оказался отложенным в исторической перспективе. Малые затраты и большие урожаи, спрос на зерно в ходе многочисленных войн в Европе позволили экономически продлить режим крепостничества в России минимум на 50 лет, что обусловило устойчивое влияние в империи консервативной части российского дворянства.

---

⁹⁸ Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. V. – М., 1989. – С. 190–191.

⁹⁹ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 35.

Обозначившееся сопротивление социально-консервативных слоев Александр I справедливо отнес к недостатку образования среди дворян. С целью преодоления этого были инициированы открытия в стране новых университетов – в Дерпте (Тарту), Харькове, в Казанской губернии; в 1803–1806 гг. состоялась первая русская кругосветная экспедиция.

Однако вся эта реформаторская и культуртрегерская деятельность вскоре наскучила Александру I. Его стала манить миссия нового «Агамемнона», царя царей, в современной его периоду Европе. Вступление на престол и правление императора Александра I (1801–1825 гг.) ознаменовалось чередой бесконечных войн, которые вела Российская империя. Можно сказать, что в количестве войн Россия соревновалась с наполеоновской Францией. Судите сами: война с Ираном (Персией) 1804–18013 гг., войны с Францией – 1805–1807 гг., 1812–1814 гг., война с Турцией 1806–1812 гг., война с Швецией – 1808–1809 гг., начало длительной Кавказской войны – 1817–1859 гг. Это ещё не считая мелких столкновений с Австрией в 1809г. и недоразумений на море с Англией в период 1807–1812гг. Автора в данном контексте наиболее интересует проблема затяжной конфронтации с Наполеоном. Война 1812 года является частью патриотического самосознания русского народа, поскольку Наполеон напал первым. Однако причины вступления России в ряды антифранцузской коалиции в начале XIX века до сих пор являются темой для дискуссий в среде российских историков.

При оценке целесообразности противостояния с Наполеоном отечественная историография исходила из следующих посылок. Первая – марксистско-ленинская, считавшая, что внутрiformационная борьба феодальных монархий против протии прогрессивного в начале XIX века буржуазного строя обязала самодержавно-крепостническую Россию выступить против Наполеона в рамках классовой солидарности¹⁰⁰. Современные российские историки-государственники, при всей возможной корректировке марксизма, в принципе, придерживаются этой же теории (при незначительной её переработке). В частности, известный специалист по наполео-

---

¹⁰⁰См. Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – М., 1938.

нике В.М. Безотосный высказал следующие характеристики мотивов внешнеполитического курса Александра I против наполеоновской Франции: «Что же могла предложить Франция на рубеже двух веков русскому императору феодальной России и в первую очередь российскому дворянству, благополучие которого во многом напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи о свободе, равенстве и братстве (очень актуальной для крепостников!), отрицание религии, лозунг «Смерть королям!» (читай и дворянам тоже) и впридачу французскую Гегемонию в Европе»¹⁰¹. Здесь автору этих строк представляется, что В.М. Безотосный перенёс нормы идеологического противостояния, присущие XX веку, на совсем другую эпоху – на начало XIX века. В этот исторический отрезок Великая французская революция 1789 года действительно начала процесс своего рода «идеологического экспорта» своих идей. Однако Наполеон Бонапарт к указанному времени уже прекратил революционную пропаганду, заявив сразу же после 18 брюмера 1799 года – «Революция окончилась!». К тому же по отношению к правящим кругам Императорской России первый консул Французской республики, а затем император проводил политику вовлечения России в союз с Францией, предлагая Александру I различные внешнеполитические союзы, типа раздела Османской империи. В последнее время в российской историографии появились условные сторонники Наполеона Бонапарта в лице О.В. Соколова, которые в своих работах красной нитью проводят идею о том, что Александр I просто был охвачен огромной личной завистью к Наполеону и поэтому стремился к его свержению, дабы стать «Агамемноном» Европы¹⁰². К уже сказанному следует добавить, что в условиях самодержавной монархии именно персона самого монарха в целом определяет направление внешней политики страны. Подданные монарха должны послушно умирать в битвах, которые затеял абсолютный властитель. В означенный исторический период экономические, идеологические мотивы играли под-

---

¹⁰¹Безотосный, В. М. Наполеоновские войны / В. М. Безотосный. – М., 2010. – С. 12.

¹⁰²См. Соколов, О. В. Аустерлиц, Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 / О. В. Соколов. – 1999.

чинённую роль в политике самодержавного государства. Тем более, когда весной 1804 года Александр I направил Наполеону Бонапарту протест, в связи с арестом герцога Энгиенского (впоследствии казнённого по приказу Наполеона) на территории одного из германских княжеств, то ответ французской стороны был ехиден и оскорбителен. Министр иностранных дел Франции Талейран писал в ответе русскому правительству, по личному распоряжению Наполеона: «Жалоба, которую она (Россия) предъявляет сегодня, заставляет спросить, если бы когда Англия замышляла убийство Павла I, удалось бы узнать, что заговорщики находятся в одном лье от границы, неужели не помешали бы их арестовать»¹⁰³. Это было публичное обвинение Александра I в участии убийства своего отца. Сам Александр не простил Наполеону этого шага до конца жизни. Ко всем этим личным и псевдоидеологическим мотивам для инициативы Александра I участвовать в европейских коалициях против наполеоновской Франции прибавился мотив германский. Российский самодержец постоянно участвовал в решении всех мелких германских дел (по мнению самих германских современников, погрузился в лабиринт бестолковых мелочей германской конституции), а также совместно с Наполеоном стал гарантом германского политического процесса индемнизации, то есть возмещения убытков мелким германским князьям за утерю последними своих феодальных владений на территориях Германии по левому берегу Рейна, отошедшему к Франции. Венцом германофильской политики Александра I стала пресловутая клятва в верности между ним и прусской королевской семье у гроба прусского короля Фридриха II, чтобы вовлечь Пруссию в войну с Наполеоном в 1805 году.

Война 3-тней антифранцузской коалиции против Наполеона в 1805 году и Аустерлицкий разгром русской армии достаточно хорошо описаны отечественными историками. В частности, дореволюционные российские историки (читай царские) не боялись в своих работах подвергать критике Александра I за авантюру 1805 года. «Он (Александр I) с юности мечтал о военных подвигах,

---

¹⁰³ Correspondance de Napoleon I. Paris, 1858–1870. Т. 9. №7745.

и ему хотелось, блестя полководческими решениями на полях сражений, превзойти убелённых сединами и доблестью старых генералов»¹⁰⁴.

Однако после возвращения с проигранной кампании Александр I вынужден был дать российскому обществу объяснение, с какими целями он начал кровопролитную войну с Наполеоном. В ходе длительного заседания Государственного совета, состоявшегося в Петербурге в начале января 1806 года, за основу идеологического обоснования деятельности III-ей антифранцузской коалиции была принята следующая идея социально-политического переустройства Франции – компромисс между старыми и новыми собственниками и, таким образом, политическое и юридическое признание произошедших в стране после Революции 1789 года социально-экономических изменений. Вся эта политическая конструкция должна была быть закреплена в режиме конституционной монархии во Франции¹⁰⁵. Этот проект почти полностью схож с проектом умеренных роялистов, которые во Франции представляли члены Орлеанского дома, дальние родственники Бурбонов, которые и пришли с этой программой к власти во Франции после революции 1830 года. Где же здесь верность идеалам феодально-монархической Европы и принципам монархической легитимности?

Любопытно, что на этом же заседании Государственного Совета с альтернативным докладом выступил известный в России дипломат князь Алексей Куракин. В его докладе предлагалось «совершенно неожиданное – нейтрализовать Наполеона «путём объятий» через заключение союза с Францией. Такой «союз» не должен быть направлен против третьих стран (Англии, Австрии или Пруссии) и должен носить исключительно двухсторонний характер на базе раздела «сфер влияния» в Европе и на Балканах»¹⁰⁶. После недолго размышления Александр I предпочёл к рассмотрению проект о создании военного союза с Пруссией и продолжения войны с Наполеоном. Однако в ходе новых ожесточённых битв в 1807 году, уже в ходе новой, Польской кампании Наполеона, Александр I вынужден

---

¹⁰⁴Кизиветтер, А. А. Исторические очерки / А. А. Кизиветтер. – М., 1912. С. 305.

¹⁰⁵ Сироткин, В. Г. Наполеон и Россия / В. Г. Сироткин. – М., 2000.

¹⁰⁶ Там же. С. 53.

был дополнить свою «либеральную» программу против «корсиканского чудовища» следующими положениями: «полное забвение прошлого и всеобщую амнистию для всех, кто был замешан в ужасах революции; подтверждение прав за лицами, приобретшими национальное имущество: сохранение всех должностей: гражданских, военных и судебных; отмену воинской повинности»¹⁰⁷ [11, с. 98]. Тем не менее надобность в различных идеологических построениях, в оправдание проливаемой русской крови отпала. 14 июня 1807 года под Фридландом, в Восточной Пруссии, русская армия была разбита Наполеоном. Как отмечают российские историки, «...Александр I сам хотел командовать и дипломатией, и армией и не справился ни с тем, ни с другим»¹⁰⁸.

Тильзитский мир 1807 г. ярким образом показал провал всей внешней политики Александра I. Тем не менее в отечественной историографии именно Тильзит считается началом дипломатических триумфов русского царя. В преддверии юбилейных событий 2012 года современная российская историография, в лице В.М. Безотосного, характеризовала Тильзитский мир следующим образом: «Тильзит рассматривался русским монархом как крайне необходимый для России тайм-аут, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение драгоценного времени наши средства и силы»¹⁰⁹. Далее всё тот же автор в каком-то гносеологическом восторге восклицает: «Да, Наполеона обставили, если хотите прямо – обманули!»¹¹⁰.

В принципе, как говорят на Востоке, «Обман врага – это доблесть». Однако применительно к международным отношениям подобная практика чревата осложнениями. Ведь искренне было возмущение российской общественности тем, что союзники России Англия и Австрия обманули российского императора Павла I. Выходит, «что положено Юпитеру – не положено быку», как гласит древнеримская пословица.

---

¹⁰⁷ Там же. С. 98.

¹⁰⁸ Там же. С. 65.

¹⁰⁹ Безотосный, В. М. Наполеоновские войны / В. М. Безотосный. – М., 2010. – С. 140.

¹¹⁰ Там же.

Война России с Наполеоном в 1812 году является одной из священных исторических реликвий русского национального сознания. Хотя в среде российских историков были и имеются исследователи, которые стремились доказать с предоставлением широкой публике исторических документов, что Александр I в том или ином виде являлся провокатором войны 1812 г.¹¹¹. Насколько «виноваты» друг перед другом обе стороны конфликта 1812 года, ещё, как говорится, считать и считать, но отечественная историография устами всё того же В.М. Безотосного уже вынесла свой вердикт: «Своих надо защищать и после произошедших событий»¹¹².

Описание событий войны 1812 года не входит в задачу данного исследования, следует только отметить, что эта война стала отечественной не только из-за конкретных событий военного характера. Русское общество понимало эту войну как своё национальное дело и не считало необходимым, образно говоря, таскать каштаны из огня для других наций. Наиболее красноречиво характеризуют данную тенденцию слова М.И. Кутузова, сказанные фельдмаршалом в адрес английского советника при русской армии генерала Роберта Вильсона. Когда последний стал высказывать русскому полководцу свои возражения по поводу того, как действует русская армия против Наполеона, Кутузов ответил англичанину: «Меня не интересуют ваши возражения... Кроме того, повторю ещё раз: я не уверен, что полное уничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займёт не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таком случае владычество её будет нетерпимо»¹¹³.

Однако после войны 1812 года русская армия по приказу Александра I отправилась в заграничные походы. Погибли сотни тысяч русских воинов. Во имя чего? Во имя торжества легитимных монархов? Идеологическое содержание личности Александра I лучше

---

111 Соколов, О. В. Аустерлиц, Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 / О. В. Соколов. – 1999.

112 Безотосный, В. М. Наполеоновские войны / В. М. Безотосный. – М., 2010. – С. 100.

113 Вильсон, Р. Т. Дневник и письма 1812–1813 гг. / Р. Т. Вильсон. – СПб., 1995. – С. 273–274.

всего охарактеризовал русский эмигрантский историк Н.И. Ульянов: «...Александр меньше всех походил на борца с революционной заразой. Он ещё до вступления на престол поражал иностранцев негодующими речами против «деспотизма» и преклонением перед идеями свободы, закона и справедливости. Конечно, цена его либерализма известна, и вряд ли приходится возражать тем историкам, которые считают его маской, но такая маска годится для чего угодно, только не для борьбы с революцией. Гораздо вернее, что у него не было никаких принципов и убеждений»¹¹⁴.

Нельзя не отметить того, что в русском обществе в 1812–1813 гг. существовали силы и идеи, которые понимали, что дальнейшая война с Наполеоном будет иметь своим результатом не свержение «корсиканского чудовища», а торжество английской буржуазии. Всё тот же М.И. Кутузов прямо говорил английским представителям в русской армии (всё тому же генералу Вильсону Роджеру): «Мы никогда, голубчик мой, с тобой не согласимся; ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдёт на дно моря, я не охну»¹¹⁵. Великому русскому полководцу вторили другие высокопоставленные лица. Будущий министр иностранных дел Нессельроде писал в докладной царю Александру I: «Война, возникшая между нами и Францией, не может быть рассматриваемая как предприятие, начатая нами с намерением освободить Европу. Верно понятые интересы России, очевидно, требуют мира прочного и крепкого, после того как успехи её против французских армий упрочили её жизнь и независимость»¹¹⁶. Сущность заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. как форму обеспечения в стратегической перспективе интересов Англии определяли и дореволюционные историки России. Так, историк Доминик Ливен писал, что «...избавившись от врага на западе Европы, Великобритания на весь XIX век развязала себе руки для борьбы с российской экспансией на Балканах и

---

¹¹⁴ Ульянов, Н. И. Александр I – император, актёр, человек / Н. И. Ульянов // Родина. – 1992. – №6–7. – С. 144.

¹¹⁵ Троицкий, Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты / Н. А. Троицкий. – М., 2002. – С. 278.

¹¹⁶ Безотосный, В. М. Наполеоновские войны / В. М. Безотосный. – М., 2010. – С. 440.

в Азии... России несомненно было бы удобнее использовать наполеоновскую Францию в качестве противовеса Великобритании»¹¹⁷.

Но император Александр I упрямо шёл на Париж. Его основная цель – победить Наполеона – была достигнута. Но что дальше и ради чего были принесены все жертвы Россией? Несомненные военные успехи русской армии и гибель сотен тысяч русских солдат были принесены в жертву личным амбициям всероссийского самодержца. Как отмечали российские историки, особенности заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. – «Освобождение Европы велось в интересах ее одной, без внимания интересов России»¹¹⁸. Оценка же роли и места России в этих событиях хорошо иллюстрирует личное поведение всероссийского самодержца Александра I в Европе в 1813–1815 гг. – «После битвы при Ватерлоо просвещенный европеец Александр I передал населению города 2 млн франков, не проявив подобной щедрости к крестьянам села Бородино. В царском манифесте по случаю окончания войны говорилось: «Крестьяне, верный наш народ, да получит мзду от Бога»¹¹⁹ [9, с. 107].

После окончания наполеоновских войн все свои силы император Александр I начал тратить на деятельность так называемого «Священного Союза». Ветераны русской армии и нарождающаяся российская общественность высказывали упрёки «в адрес императора в том, что после 1815 г. он больше занимался общеевропейскими делами (причём исходя из абстрактных идей о спасении человечества, общего блага государств и народов), чем российскими проблемами»¹²⁰.

---

¹¹⁷ Ливен, Д. Россия и разгром Наполеона / Д. Ливен // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 166. Т. IV. – М., 2007. – С. 55–56.

¹¹⁸ Шмурло, Е. Ф. Мир русской истории. IX–XX вв. / Е. Ф. Шмурло. – М., 2009. – С. 273.

¹¹⁹ Майоров, М. К. Историческое прошлое и внешняя политика России / М. К. Майоров // Новая и Новейшая История. – 2012. – №2. – С. 107.

¹²⁰ Безотосный, В. М. Наполеоновские войны / В. М. Безотосный. – М., 2010. – С. 440.

НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Война с Наполеоном 1812–1814 гг., помимо военно-политических результатов, принесла сильные социальные изменения в среде российского дворянства. События 1812–1814 гг. всколыхнули русское общество, способствовали росту в нем чувства патриотизма, национальной гордости, склонности к проявлению инициативы в решении судьбы своей страны. Опыт защиты отечества пробудил в первую очередь в русской офицерской среде чувства гражданской общности, солидарности между всеми русскими людьми, без различия их сословного происхождения. Как отмечал будущий декабрист князь Сергей Трубецкой, «связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одиноких трудов и опасностей, бывают, особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее и живее»¹²¹. Следует также признать, что заграничные походы русской армии в 1813–1814 гг. много дали русскому обществу и в плане наглядной агитации. «Кроме войск регулярных за границей были также большие массы ополчения; эти ополченцы всех рангов, переходя русскую границу, возвращались по домам и рассказывали о том, что видели в Европе. Сами события говорили громче всякого человеческого голоса. Это была настоящая пропаганда»¹²². Просветительская роль заграничных походов русской армии сказалась в том, что европеизированные культурно русские дворяне встретились с настоящей реальной Европой. Эта встреча произвела впечатление как на самих дворян, так и на их подчиненных. «Во время расквартирования русского экспедиционного корпуса во Франции часть русских солдат сбежала со службы и скрылась во французских семьях, где остро ощущалась нужда в рабочих руках»¹²³. Этот наглядный агитационный процесс пребывания русских войск за

---

¹²¹ Цит. по: Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – В 2 кн. Кн. I. – М., 2003. – С. 323.

¹²² Корнилов, А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А. А. Корнилов. – СПб., 1905. – С. 13.

¹²³ Русский консерватизм XIX столетия / под ред. В.Я. Гросула. – М., 2000. – С. 79.

границей, вместе с общим патриотическим подъемом, охватившим все русское общество, привел именно в дворянской среде к появлению большого социального среза в этом сословии – патриотического либерального дворянства. «Военный опыт и знакомство с Западной Европой возбудили чувство патриотизма, расширив его содержание: русские должны стать нацией свободных граждан, способных через выборных представителей создавать законы, по которым они сами будут жить»¹²⁴.

После прибытия русских войск из Европы наиболее прогрессивная часть русского офицерства была поражена укреплению во внутренней и внешней политике страны реакционного курса. Во внешней политике это было создание Александром I так называемого Священного союза, целью которого была борьба с любыми проявлениями в европейских странах идей демократии и прогресса. Во внутренней политике усилились различные формы подавления естественнонаучного прогресса в университетских кругах, где возросла роль религиозного мировоззрения, а в армии были введены военные поселения. Будущий декабрист Александр Муравьев по этому поводу писал: «Польша получила конституцию, а Россия в награду за свои героические усилия в 1812 году получила – военные поселения!»¹²⁵. Вернувшиеся из заграничных походов русские офицеры, стремящиеся к социально-политическим переменам в России, стали по примеру Западной Европы создавать тайные общества. В то время модным в интеллектуальном течении европейской мысли были не только масонские организации, но и тайные республиканские и национальные союзы: общество республиканцев во Франции – филателисты, карбонарии в Италии, Союз немецкой молодежи – Тугенбунд. Аналогичные процессы шли и в русской, по преимуществу офицерской среде, в которой в 1816 году возникло первое тайное общество – Союз спасения. Как отмечают зарубежные исследователи истории России, «первоначальной целью Союза спасения было «противостояние немцам в

---

¹²⁴ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – В 2 кн. Кн. I. – М., 2003. – С. 325.

¹²⁵ Цит. по: Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – В 2 кн. Кн. I. – М., 2003. – С. 324.

российской государственной службе». Однако вскоре задачи общества расширились и сосредоточились на «улучшении благосостояния России». Общество вынашивало планы регулирования крепостничества или возможной его отмены, а также замены единоличной власти на конституционную монархию»¹²⁶. Данная характеристика будущих декабристов, представленная английским историком, весьма любопытна с точки зрения расстановки приоритетов в социальном движении русских либеральных дворян периода начала XIX века. Российские историки в большинстве своем относят появление национального вопроса в Российской империи к более позднему историческому времени. Однако очень символично, что именно декабристы первыми подняли своеобразно звучащую в Российской империи национальную тему.

Собственно, в тот период в России русскими принято было называть тех, кто живет в России и говорит по-русски. Именно русские офицеры первыми после наполеоновских войн поставили проблему в новом ракурсе – а является ли Российская империя государством русских? Присоединенные в ходе Северной войны 1700–1721 гг. прибалтийские губернии – Лифляндская и Эстляндская, с их особым национальным колоритом – эстонское и латышское крестьянство, немецкий этнический элемент в дворянстве и среди городских жителей – эти территории вошли в состав России на особых правах. «Приняв эти территории в свое подданство, Петр обещал соблюдать привилегии именовавшегося рыцарством местного дворянства, полученные ими от шведских королей, и на протяжении всего XVIII в. восходившие на российский трон правители эти привилегии подтверждали. Сохранены были также традиционные органы местного самоуправления дворян и горожан. Более того, на территории Лифляндии и Эстляндии продолжало действовать шведское имущественное и уголовное право, а в Петербурге со временем была создана специальная апелляционная инстанция по судебным делам – Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел»¹²⁷. Таким образом, прибалтийское немецкое дво-

---

¹²⁶ Там же. С. 324–325.

¹²⁷ Каменский, А. Б. Россия в XVIII веке / А. Б. Каменский. – М., 2006. – С. 45.

рянство (называемое еще в то время «остзейское») оказалось практически «государством в государстве», имея те социальные льготы, которых русское дворянство не имело. Начиная с воцарения Павла I и особенно Александра I немецкий этнический элемент получил массу служебных преференций в иерархической системе Российской империи. Так, в 1812 году в армии Кутузова было 69 немецких генералов, 96 полковников и капитанов, свыше 750 офицеров низшего ранга¹²⁸. Недаром один из героев 1812 года генерал Ермолов А.М. в 1813 году, будучи уже в заграничном походе, на вопрос императора Александра I, какую награду он хочет за свою верную службу, громогласно ответил: «Государь, произведите меня в немцы!». Ко всему прочему немецкий характер правящей в России династии, женитьба наследников российского престола на немецких принцессах вызывали все большее раздражение у значительной части русского дворянства. Недаром в составе тайных обществ было много «рюриковичей» – князь С. Трубецкой, князь А Голицын. Подавивший же выступление декабристов император Николай I вообще осчастливил русское национальное сознание фразой: «Российские дворяне служат России, немецкие – мне»¹²⁹.

Само развитие своей родины – России будущие декабристы видели в рамках конституционной монархии, по крайней мере, такого мнения придерживались большинство членов тайных обществ. В 1818 году возник Союз Благоденствия, состоящий в основном из членов старого союза спасения, а к началу 1820 г. сформировалось два тайных общества – Северное в Петербурге и Южное в штабах русской армии, расположенной на Украине. Социальный прогресс виделся идеологами этих дворянских организаций в рамках тех форм ограниченной монархии, которые в то время существовали в Европе – во Франции и в южногерманских государствах (Вюртенберг, Бавария). Образцом для формирования социально-политической программы декабристов послужила конституционная хартия

---

¹²⁸ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 283.

¹²⁹ Майоров, М. К. Историческое прошлое и внешняя политика России / М. К. Майоров // Новая и новейшая история. – 2012. – №2. – С. 104–125.

Франции 1814 года. Хартия регламентировала политическую систему государства и соотношения в ней властей¹³⁰. Французская конституционная хартия 1814 года являла собой компромисс между различными социальными группами в стране и стала образцом первой октроированной конституции¹³¹.

Именно на этих основаниях разрабатывал свой проект социального переустройства российского общества идеолог Северного общества Н.М. Муравьев. Как и по Французской конституционной хартии 1814 г., главой государства в России должен был стать конституционный монарх. Участие представителей общественности в представительных учреждениях ограничивалось высоким имущественным цензом¹³². В проекте Н.М. Муравьева выдвигался лозунг торжества системы права. В формулировках текста проекта Н.М. Муравьева чувствуется влияние идей Бенжамена Констан, известного французского философа, правоведа и политического деятеля, считавшего, что для того «чтобы обеспечить действительную свободу граждан, необходимо признать неприкосновенные права свободы личности, свободу совести, мнений, собственности»¹³³. Однако «Конституция» Н.М. Муравьева имеет ряд особенностей. Помимо предполагаемой отмены крепостного права, с сохранением в неприкосновенности частной собственности на землю, Н.М. Муравьев уделил в своем проекте много места идеям федеративного переустройства России. В этом он опирался на опыт конституции США, а также на конституцию американского штата

---

¹³⁰ Алексеев, А. С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX в. / А. С. Алексеев. – Ч. I. – М., 1914. – С. 13.

¹³¹ Октроированной, то есть основанной на компромиссе между королевской властью и всеми социальными слоями общества. Королевская власть как бы передает часть своих прерогатив в ведение правительственных учреждений и гарантирует подданным своего государства гражданские права – Примечание автора.

¹³² См.: Дружинин, Н. П. Революционное движение в России в XIX в. / Н. П. Дружинин. – М., 1985. Приложение III–IV. Конституция Н. Муравьева. – С. 253–288.

¹³³ Цит по: Пугачев В.В. О специфике декабристской революционности / В.В. Пугачев // Освободительное движение в России: межвузовский сборник. – Саратов, 1971. – С. 7.

Массачусетс. Анализируя американскую систему государственного устройства, Муравьев стремился представить будущую Российскую федерацию как систему автономных областей, каждая из которых должна иметь свое правительство и местное самоуправление. Политический центр новой России, по проекту Н.М. Муравьева, должен быть перенесен в Нижний Новгород, поскольку этот город находится в географическом центре страны и исторически связан с воспоминаниями о социальной активности народных масс во времена Смутного времени¹³⁴.

В «Русской правде», проекте П.И. Пестеля – лидера Южного общества, можно выделить коренное противоречие между в целом либеральными юридически идеями и способами их воплощения в жизнь. Написанная в форме наказа планируемому Верховному революционному правительству России, «Русская правда» провозглашает установление республики в стране, ликвидацию крепостного права, отмену сословий, равенство всех русских перед законом. При этом Пестель буржуазно-либеральному принципу неприкосновенности частной собственности противопоставляет процесс реальной экспроприации и почти полного огосударствления, этатизации земли. Можно сказать, что в этой части проекта, посвященной земельной собственности, впервые появляются социальные предтечи большевизма. Дальше в своем проекте Пестель, в отличие от федералиста Н.М. Муравьева, предлагает унитарную республику. Метод осуществления своего проекта для Пестеля один – традиционный для России XVIII–XIX вв. военный переворот с участием гвардейских частей¹³⁵.

Все эти планы красноречиво свидетельствуют о том, что движение декабристов было не стремлением 100 прапорщиков переустроить Россию, а глубоким социальным явлением русской жизни. Новое русское дворянство – своеобразный вариант английского «джентри» стремилось к созданию в России гражданского

---

¹³⁴ См.: Медушевский, А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский. – М., 1998. – С. 320–323.

¹³⁵ Восстание декабристов. Документы. – Т. VII. Русская правда Пестеля и сочинения ей предшествующие. – М., 1958.

общества (в том виде, который под этим термином понимался современниками). Если в Западной Европе процесс социально-политического переустройства осуществляла буржуазия в союзе с новым «обуржуазившимся» дворянством, то в России процесс социальных реформ декларировала и пыталась провести в жизнь прогрессивно, идеалистически настроенное дворянство. В начале XIX века главной социальной силой в попытках русского общества обуздать произвол самодержавия, препятствовавшей беспредельному усилению центральных имперских структур в системе государственного управления страной, стала выступать русская дворянская интеллигенция. Она – дворянская интеллигенция – стала в рамках исторического развития России как бы заместителем аристократической элиты, с одной стороны, и буржуазной демократии – с другой. Как писал известный русский философ Г.П. Федотов, «...носителем политического либерализма у нас долго, едва ли не до самого 1905 года, было дворянство. Вопреки марксистской схеме не буржуазия была застрельщицей освобождения»¹³⁶. Таким образом, в лице декабристов можно наблюдать генезис социального развития единственной в то время оппозиционной силы самодержавию, причем эта сила была не материального характера, а нравственного. «Декабристы – духовная элита, еще недавно не отделявшая себя от правящей, показала свою самостоятельную нравственную силу, способность следовать собственным принципам независимо от внешних обстоятельств»¹³⁷.

События 14 декабря 1825 года достаточно хорошо известны историкам в событийном плане. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что деятельность тайных обществ будущих декабристов проходила в достаточно благоприятной интеллектуальной среде, при общем сочувствии многих социальных групп в стране, как бы сказали политологи – в полуполюгальном состоянии. В 1822 году Александр I особым указом запретил в России всякий вид тайных обществ, но полицейского преследования их членов по стране не

---

¹³⁶ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – В 3 т. Т. I. – СПб., 1991. – С. 289.

¹³⁷ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социально-культурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 207.

было. Окрашенная в мистические тона внезапная смерть самого Александра I в маленьком южном городке Таганроге породила неразбериху в высших слоях управления Российской империи. Формально наследником считался великий князь Константин, но он еще в 1822 году отказался от престола. Весьма знаменателен тот факт, что после внезапной смерти Александра I высшие офицеры гвардии во главе с одним из героев 1812 года генералом Милорадовичем объявили в войсках присягу Константину и заставили великого князя Николая присягнуть старшему брату¹³⁸. Данный эпизод драматических событий конца 1825 года показывает, что помимо декабристского заговора в высших кругах империи имелись еще какие-то силы, стремившиеся к изменениям в государстве. После повторного отказа князя Константина от престола на 14 декабря 1825 года была назначена переприсяга Сената Российской империи в пользу великого князя Николая. Декабристы выступили именно на Сенатскую площадь, с целью оказать вооруженное давление на высший юридический орган империи, с целью соблюсти видимость закона. Здесь проявляется то явление, что дворяне-декабристы были частью российской элиты и стремились к социальным переменам в рамках системы права, то есть считали возможным решение Сената в пользу изменения условий функционирования государственного аппарата. Весь день войсковые соединения, поддерживавшие декабристов, простояли на Сенатской площади, окруженные сочувствием большинства жителей Петербурга. Сам Николай I впоследствии говорил, что в заговоре против него было замешано 6 тысяч человек¹³⁹. Лишь вечером артиллерия перешла на сторону Николая и картечью разметала силы инсургентов.

В ходе разбирательств с причинами выступления декабристов перед российским имперским правительством раскрылась картина глубокого социального и национального кризиса империи. «Ужас правительства был тем более велик, что оно обнаружило, с одной стороны, что все элементы дворянства и военной иерархии замешаны в заговоре, и, что с другой, оно осознало отсутствие всякой

---

¹³⁸ См.: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 3. – М., 1997. – С. 4.

¹³⁹ Там же. С. 5.

связи между собой и древним народом, оставшимся русским»¹⁴⁰. К началу правления Николая I государственная система России перестала быть отражением социальной и национальной картины государства. Как отмечали зарубежные историки, «...Россия не была национальным государством русских, она представляла собой самодержавно-династическую сословную многонациональную империю... Имперский патриотизм хотя и имел некоторые элементы, связанные с этническим самосознанием русских (православие, общая территория и культура), в нем все же преобладали наднациональные черты. Э. Канкрин, министр финансов при Николае I, вообще предлагал переименовать Россию по фамилии правящей династии в «Романовию» или по имени Петра I в «Петровию»¹⁴¹.

ЗАПОЗДАЛАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИМПЕРИИ. ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II

После поражения декабристов над Россией примерно на три десятилетия опустилась мгла для социального действия. Какое-либо не то что свободомыслие не поощрялось – запрещено было любое проявление самостоятельности в суждениях о происходящих в стране делах. Всероссийский самодержец император Николай I (1825–1855 гг.) неоднократно заявлял: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя»¹⁴². Правящий слой российской бюрократии, испуганный декабристским выступлением, установил в стране режим политической самоизоляции. Причем основывался этот режим на чувстве страха как перед влиянием идей иностранного происхождения, так и перед процессом социального саморазвития русского общества. «Аффект страха стал преоблада-

---

¹⁴⁰ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 216.

¹⁴¹ Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М.; Бонн, 2000. – С. 177.

¹⁴² См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – В 2 т. Т. 1 – Новосибирск, 1991. – С. 216.

ющим в правящем слое, да он и всегда был преобладающим у русской власти, вследствие раскола русской жизни и неограниченного характера русского государства»¹⁴³.

В целях обеспечить прямое личное управление государством и следить за теми или иными формами социального протеста Николай I создал специальную службу – III отделение Собственной его Императорского Величества Канцелярии. В задачу этой структуры входило наблюдение за политическими и социальными настроениями в России. В распоряжении этой первой по-настоящему спецслужбы в истории России находился жандармский корпус России, к 1836 году насчитывавший 4324 человека¹⁴⁴. Вся Российская империя была разбита на дискрипты под управлением генералов, а дискрипты на секции под управлением полковников. Контролю подвергалась не только общественная жизнь, но и частная. Так, по распоряжению императора военные должны были носить усы, а гражданские не имели такого права. Лидер будущих славянофилов Константин Аксаков долго дождался разрешения от московского генерал-губернатора на право носить бороду¹⁴⁵.

Начальный период правления Николая I характеризуется почти полной деморализацией общественного сознания в России, затуханием кокой-либо политической или социальной мысли. «Первое десятилетие после 1825 г. было страшно не только от открытого гонения на всякую мысль, но и от полнейшей пустоты, обличавшейся в обществе; оно пало, было сбито с толку и запугано. Лучшие люди разглядывали, что прошлые пути развития вряд ли возможны, новых не знали»¹⁴⁶. Однако на рубеже 1830–1840 гг., преимущественно в Москве, возникло два интеллектуальных течения, давших толчок к развитию российской социально-политической мысли, – западники и славянофилы. Это были два направления развития общественной и социальной мысли русского общества, поставившие весьма важный, краеугольный вопрос исторического

---

¹⁴³ Бердяев, Н. А. *Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма* / Н. А. Бердяев. – М., 1987. – С. 295.

¹⁴⁴ Геллер, М. Я. *История Российской империи* / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 1. – М., 1997. – С. 22.

¹⁴⁵ Там же. С. 22.

¹⁴⁶ Колокол. Л. №2. Факсимильное издание. – М., 1962. – С. 14.

пути развития России – развиваться по европейским стандартам или прийти к определенной самоизоляции, замкнуться в своей своеобразности.

Здесь прежде всего необходимо отметить, что оба этих течения национальной русской мысли были на подозрении у чиновничьего мира Российской империи, но не из-за содержания идей, а просто потому, что являлись плодом не бюрократического распоряжения, а формой самостоятельного социального действия и личной интеллектуальной инициативы. Наиболее неоднородными по социальному составу и оттенкам мысли были западники. Выступавшие в целом с идеями следования за передовым Западом, они явно расходились в тактическом осмыслении своей идеи и ее практическом применении. Одни, так называемые революционные демократы, стремились к форсированию социальных процессов в России, к свержению современного им политического строя, к революционным эксцессам. Именно из их среды вышли впоследствии так называемые «нигилисты» (то есть все отрицающие), и от них тянется цепочка к террористам-народовольцам, а затем уже и к большевикам. Вторая группа западников была поклонниками всего иностранного (франкофилами, англоманами и немного позже появились германофилы) и поэтому считала, что нужно слепо следовать западноевропейским стандартам во всех областях жизни. Третья группа выступала за творческое осмысление европейского и североамериканского социального, политического и экономического опыта и применения его в России применительно к русским национальным особенностям.

Оппоненты западников – славянофилы ставили во главу угла своего учения российскую самобытность и постоянно критиковали Петра Великого за его европеизацию России. В социальном плане славянофилы критиковали западников за стремление последних утвердить в России социальные параметры буржуазного общества – конкуренцию, парламентаризм, развитие промышленности. По словам Н. Бердяева, «славянофилы стремились навеки утвердить безвластный, пассивный, неволевой характер русского

народа»¹⁴⁷. Тем не менее именно два этих интеллектуальных течения дали основные направления русской интеллектуальной мысли на весь последующий период XIX–XX вв., и их постулаты определяли те или иные формы русской социальной мысли.

Таким образом, весь процесс общественно-политической, социальной, да и экономической жизни России при правлении императора Николая I сводился к бесконтрольному владычеству в стране имперской бюрократии. Как отмечали русские историки – эмигранты XX века, характеризуя личность Николая I и его методы управления империей, «...напуганный декабрьским восстанием и революционным движением в Европе, он свои главные заботы и внимание посвящал сохранению того социального порядка и административного устройства, которые уже давно обнаружили свою несостоятельность и требовали не мелких починков и подкрасок, но полного и коренного переустройства. Поэтому всеобъемлющая, энергичная и неустанная деятельность императора Николая Павловича не привела Россию ни к славе, ни к благоденствию, наоборот, – под его водительством Россия пришла к военно-политической катастрофе Крымской войны. На смертном одре Николай должен был признать, что он сдает своему сыну «команду» в самом расстроенном виде»¹⁴⁸. Характеристика Николая I среди демократических слоев современной ему российской общественности была более резкой. Вот что писал Константин Кавелин Тимофею Грановскому по поводу личности Николая I: «...калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30 лет, вырезавший лицо у мысли, погубивший тысячи характеров и умов... Это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы околел... Если бы настоящее не было так страшно и пасмурно, будущее так таинственно, зага-

---

¹⁴⁷ Цит. по: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – В 2 т. – Новосибирск, 1991. – С. 222.

¹⁴⁸ Пушкарев, С. Г. Россия 1801 – 1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 45.

дочно, можно было бы с ума сойти от радости и опьянеть от счастья»¹⁴⁹. Именно полное военно-политическое поражение Российской империи в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. послужило толчком к проведению нового цикла реформ по модернизации социального облика страны.

Когда историки рассуждают о ходе и последствиях для исторического развития России реформ эпохи правления императора Александра II, в первую очередь описывается отмена крепостного права 1861 года. Однако при внимательном рассмотрении не только общей картины социально-политического развития страны, но и отдельных сегментов социального строя Российской империи вырисовывается более сложный и многоярусный характер того системного кризиса, в который вошла Российская империя после проигрыша Крымской войны 1853–1856 гг.

В первую очередь поражение в войне сказалось на внешнеполитическом престиже России. Длительный период – 1805–1849 гг. Российская империя выступала в мировой истории как оплот монархизма, заслужив в демократических кругах Европы прозвище – «жандарм Европы». В международном плане Российская империя выглядела в глазах европейского общественного мнения как главный оплот политической реакции в мире. Недаром известный русский поэт и воспитатель будущего царя-освободителя Александра II Федор Тютчев писал в своей записке, адресованной императору Николаю I, в 1848 году: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы – революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и быть может завтра они вступят в борьбу»¹⁵⁰. В самом деле, уже в 1849 году войска Российской империи подавили революцию в Венгрии. За это новое спасение империи Габсбургов сами австрийцы ответили прямым ударом в спину во время Крымской войны, когда под нажимом Австрийской империи русские войска вынуждены были покинуть Валахию и Молдавию и через 65 лет уже Первой мировой войной. Как пишут современные российские историки о причинах Первой мировой войны, «она была, можно допустить – далеким последствием

---

¹⁴⁹ Цит. по: Литературное наследство. – М., 1959. Т. 67. – С. 607.

¹⁵⁰ Цит. по: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 3. – М., 1997. – С. 68.

подавления венгерского восстания Русской армией»¹⁵¹. Именно полная международная дискредитация, которой подвергся царский режим после своей реакционной роли в европейской революции 1848–1849 гг., а затем проигрыша Крымской войны, явилась той отправной точкой, с которой начался процесс слома традиционной модели социального устройства Российской империи. Именно этот фактор начала социальных изменений в России в середине XIX века отмечают европейские историки: «...тяжелее всего был ущерб, нанесенный внешнеполитическому престижу России и репутации самодержавия внутри страны. Династия Романовых полностью отождествляла себя с военной мощью страны. Военное поражение в регионе, бывшем предметом ее экспансионистских устремлений, заставило многих сомневаться в дееспособности самодержавия. Неслучайно, что за несколько лет в России появились политические течения, отрицавшие монархию и преследовавшие цель ее свержения»¹⁵².

Необходимость реформ осознавалась и в среде правящей в России бюрократии. Министр внутренних дел России П.А. Валуев писал в своей брошюре «Дума русского»: «Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее (1855 г.) устройство разных отраслей нашего государственного управления? Отличительные черты его заключаются в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям и в пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм подавляет сущность административной деятельности и обезличивает всеобщую официальную ложь»¹⁵³. Похожую констатацию охватившего Российскую империю социального кризиса зафиксировал цензор А.В. Никитенко в своем дневнике осенью 1855 г.: «Теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребление и

---

¹⁵¹ Там же. С. 69.

¹⁵² Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – В 2 кн. Кн. I. – М., 2003. – С. 357.

¹⁵³ Цит по: Иорданский, Н. И. Конституционное движение 60-х гг. / Н. И. Иорданский. – СПб., 1906. – С. 27.

воровство выросли до чудовищных размеров»¹⁵⁴. Однако сущность и цели реформ понимались бюрократией самодержавного императорского режима сугубо утилитарно. Как отмечают современные российские исследователи, характеризуя эпоху «Великих реформ» Александра II (1855–1881 гг.), – «в основе правительственной реформации лежали такие факторы, как застой, отставание и необходимость сохранения статуса великой державы»¹⁵⁵.

Исходя из постулата о необходимости реформ как способа сохранить статусность империи, а не провести социальные изменения, дабы избежать социального же взрыва, правительство царской России начало процесс реформ с подготовки отмены крепостного права в стране. При этом политическую инициативу в осуществлении процесса реформ чиновники из ближайшего императорского окружения хотели оставить за собой. «Либеральный бюрократ» Н.А. Милютин, руководивший в конце 1855 года особой комиссией при МВД, занимавшийся местным самоуправлением, мотивировал позицию правительства следующим образом: «Сегодня правительство либеральнее общества. Конституция прежде времени... Ни демократии, ни конституции»¹⁵⁶.

Таким образом, выключая русское общество из осуществления процесса социальных преобразований в стране, царское правительство лишало себя обратной связи с обществом, не получая никакой объективной информации о тех процессах, которые происходят в самом обществе. Как отмечают в своих исследованиях зарубежные историки, изучающие историю России эпохи правления императора Александра II, социальной особенностью характера реформ того времени в России было то, что «...государство не выработало никаких других способов действий в отношении выплеснувшейся общественной активности, кроме тех, что были унаследованы от

---

¹⁵⁴ Цит по: Попов, И. П. Из истории общественного движения в России в годы революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. / И. П. Попов. – Рязань, 1976. – С. 29.

¹⁵⁵ Гоголевский, А. В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века / А. В. Гоголевский. – СПб., 1996. – С. 43.

¹⁵⁶ Цит. по: Истоки // Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – Вып. II. – М., 1990. – С. 59.

царствования Николая I»¹⁵⁷. Самое большое, на что согласилась пойти царская бюрократия в деле привлечения различных социальных слоев русского общества к проведению реформ, – это организовало работу редакционных комиссий, в которых представители русского дворянства могли бы подавать свои соображения правительству по поводу отмены крепостного права. Первоначально были созданы из представителей губернских дворянских собраний сначала местные, а затем губернские комитеты по вопросам проведения крестьянской реформы. Создание же каких-либо органов хотя бы консультативного характера из среды самих крестьян по поводу крестьянской же реформы не предусматривалось правительством.

Здесь следует отметить, что царское правительство в целом понимало социальный аспект реформы по отмене крепостного права – он касался крестьян и дворян. Но российское крестьянство безмолвствовало в социально-общественном смысле. Из крестьянских рядов не вышло какой-либо содержательной социальной программы, которая бы отражала систему социальных приоритетов русского крестьянства. Само социальное устройство частновладельческих крестьян – самоуправляющаяся община – была «обнаружена» к середине XIX века немецким ученым Августом Гакстазеном после публикации последним в 1847 году книги под названием «Исследование внутренних отношений народной жизни, и в особенности сельских учреждений». В ней автор описал и по-немецки методично исследовал особенности социального устройства русских крестьян, в первую очередь находящихся в крепостной зависимости. Сам император Николай I был настолько доволен, что ему и его чиновничьему аппарату наконец объяснили, с чем они имеют дело и кем управляют, что сам А. Гакстазен получил от царя 1500 рублей пособия и 6000 рублей на издание книги¹⁵⁸. Вокруг этой крестьянской русской общины до сих пор не утихают

---

¹⁵⁷ Кимбелл Элан. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1853–1863 гг. // Великие реформы в России. 1856–1874 гг. / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклефа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 260.

¹⁵⁸ См.: Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 3. – М., 1997. – С. 40.

споры историков. «Причина этих споров – в смешении двух совершенно разных понятий: Мира (Крестьянский «мір», самоназвание у русских крестьянского социума – Д.К.) как самоуправляющейся общественно-административной единицы и как органа совместного владения землей, перераспределявшего ее между крестьянами на началах уравнительной разверстки»¹⁵⁹.

Крепостные крестьяне понимали социальное устройство страны, где они жили, примитивно: над всем стоит царь – помазанник божий, он управляет через своих слуг – дворян, которые его (царя) обманывают, а земля – божья, значит тех, кто ее обрабатывает. Понятия же земли как частной собственности крестьянская масса не знала, по крайней мере большая ее часть. Выражение «Богу молись – царю поклонись», которое отец-крестьянин говорил своему сыну, было наиболее общим в понимании социальной картины мира по умозрению самого крестьянства. Все, что находилось за пределами крестьянского «міра», было барской выдумкой. Общинное сознание, законсервированное в полностью невыездной в дальние края деревне, породило своеобразную философию отчуждения от происходящего в стране. Плоды своего труда крестьянин отдавал барину, чаще барскому управляющему, и не имел никаких экономических понятий, будучи поголовно безграмотным. «Общинный крестьянин, почти не заинтересованный в рынке, стремится превратить свой локальный мир в крепость, защищающую от начальства и государства»¹⁶⁰. Полное отсутствие понятий о частной собственности, уравнительное общинное землепользование, отсутствие хорошо развитой системы просвещения – все это делало крепостных крестьян изолированной социальной группой, полностью лишенной каких-либо социальных идей в духе философии Просвещения, понимавшую систему власти как управленческую прерогативу помазанника божьего – царя, при которой всякие промежуточные инстанции вроде дворянства были лишними. «Двойственное отношение народа и власти практически означает

---

¹⁵⁹ Пушкирев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкирев. – М., 2001. – С. 81.

¹⁶⁰ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – В 2 т. Т. I. – Новосибирск, 1991. – С. 205.

признание власти царя и одновременно стремление ликвидировать сословия, а следовательно, и государство»¹⁶¹.

Другая составная социальная часть процесса реформ – российское дворянство – находилось далеко не в блестящем положении. Общий кризис крепостнического хозяйства России больше всего ударил по дворянству, которое поставляло основные кадры для различных служебных структур империи и было главным кадровым поставщиком для интеллигенции того периода. Казалось, что именно «столбовое» дворянство, являющиеся социальной опорой Российской империи, должно быть в хорошем социальном положении. Но только небольшая часть дворян – аристократия, носившая различные титулы, занимала более-менее сносное материальное и социальное положение. Что касается остальной части российского дворянства, то «...большинство было нетитулованным и вошло в дворянское сословие на основании военной или гражданской службы. По «ревизии» 1857г. в России числилось около 103 тыс. дворян-помещиков. Включая семьи, в дворянском сословии состояли 887 тыс. человек, т.е. на 64 человека населения приходился 1 из дворянского сословия (1,6%). Дворяне владели именьями, где жили около 22 млн крепостных крестьян...Из общего числа дворян 41% был «мелкопоместным». Им принадлежало 3% крепостных крестьян, в среднем по 16–18 душ на имение. 34% помещиков имели в среднем по 100 крепостных душ на имение. Это уже давало возможность вполне зажиточной жизни, но все далеко от той роскоши, которая видится порой западным наблюдателям»¹⁶². Исходя из исторической традиции дворяне-помещики были как бы промежуточным звеном между крестьянским «миром» и правительством. Сами крепостные по старой традиции давали возможность помещикам иметь средства для обеспечения ими царской службы. Однако середина XIX века уже была другая историческая эпоха. Крепостничество стало не только моральной язвой российского общества, но и превратилось в экономически неэффективную модель для самих помещиков, особенно для тех, кто имел имения в нечерноземной полосе России. Обсуждая в созданных правительством

¹⁶¹ Там же. С. 213.

¹⁶² Пушкарев, С. Г. Россия 1801 – 1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М, 2001. – С. 57.

губернских комитетах проекты освобождения крестьян, русские дворяне стали выдвигать из своей среды наиболее ярких выразителей своих политических настроений. В принципе, соглашаясь с необходимостью реформ, с неизбежностью отмены крепостного права, русское дворянство стремилось к расширению своих собственно политических прав. Статусные возможности, пожалованные в свое время Екатериной II, русское дворянство уже не устраивало. Рязанский помещик, член редакционных комиссий А.И. Кошелев, в своем письме к князю В. Черкасскому откровенно писал об этом так: «Крепостное право более не существует, а взамен его ничего нет...»¹⁶³. Наиболее стремление к политическим переменам в стране были свойственны дворянским группировкам, которые обсуждали в губернских комитетах вопрос об отмене крепостного права. Так, уже в 1857 году будущий лидер либерального тверского дворянства А.М. Унковский, выступая на заседаниях тверского комитета, обозначил основные болевые точки тогдашней российской социальной действительности: «Все дело в гласности; в учреждении независимого суда; в ответственности должностных лиц перед судом; в строгом разделении власти и в самоуправлении общества в хозяйственном отношении»¹⁶⁴. Примечательно, что другой тверской помещик А.А. Бакунин, брат известного М.А. Бакунина, пишет в 1858 году тому же А.М. Унковскому: «Единственным возможным выходом из настоящего разорительного для помещиков и отяготительного для крестьян положения – немедленный одновременный выкуп крестьянского надела»¹⁶⁵.

Основой для формирования в дворянской среде реформистских настроений послужили события 1859 года, когда царь Александр II приказал собрать в Петербурге выборных от дворянских губернских комитетов, для работы в редакционных комиссиях по составлению окончательной редакции закона об отмене крепостного права. Настроения, царившие тогда в дворянской среде, наиболее

---

¹⁶³ Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX в. – Рязань, 1981. – С. 4.

¹⁶⁴ Эйдельман, Н. Я. Революция сверху / Н. Я. Эйдельман. – М., 1989. – С. 113.

¹⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

достоверно передают записи дневника графа Ланского, видного савонника императорской России: «... в разных статьях, помещенных в течение двух минувших лет в иностранных журналах... проявляется мысль о даровании русскому дворянству части правительственной власти; помышления о конституции; что эта мысль распространена повсеместно в умах всех дворян, и что если правительство не внемлет такому общему желанию, то должно будет ожидать весьма опасных последствий»¹⁶⁶.

В ходе работы Главного комитета по проведению крестьянской реформы пять его депутатов – два харьковских, два ярославских и один тверской (А.М. Унковский) – представили на рассмотрение своих коллег проект адреса редакционных комиссий с перечислением необходимых мер для проведения крестьянской реформы. В данном проекте адреса указывалось на необходимость: «1. Даровать крестьянам полную свободу с наделением их землей в собственность, посредством немедленного выхода по цене и условиям, неразорительного для помещиков. 2. Образовать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале. 3. Учредить независимую судебную власть, то есть суд присяжных, и гражданские судебные учреждения, независимые от административной власти, с введением гласного и словесного судопроизводства, и с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом. 4. Дать возможность обществу, путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления»¹⁶⁷.

Следует отметить, что на полях этого своеобразного «адреса пяти» рукой императора Александра II было помечено: «То есть конституцию (ввести – Д.К.)». Анализируя содержание вышеприведенного проекта можно констатировать, что решение крестьянского вопроса в России дворянские депутаты редакционных комиссий понимали в расширительном смысле как процесс политиче-

¹⁶⁶ Цит. по: Иорданский, Н. И. Конституционное движение 60-х гг. / Н. И. Иорданский. – СПб., 1906. – С. 48–49.

¹⁶⁷ Корнилов, А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881 гг.) Исторические очерки / А. А. Корнилов. – Париж, 1905. – С. 46.

ского обновления всего строя русской жизни, на началах общественной самодеятельности и при широком участии самодеятельных слоев населения страны в деле управления государством. Эти идеи дворянской оппозиции о социальной модернизации общественного строя России, политически нацеленные прежде всего против столичной бюрократии, стали причиной конфликта между дворянскими депутатами и императорскими сановниками, руководившими работой редакционных комиссий. С самостоятельно мыслящими дворянскими депутатами поступили в соответствии с российскими репрессивными полицейскими традициями. В III Отделение собственной его Императорского Величества Канцелярии, как всегда своевременно, поступил донос о том, что тверские дворяне – А.М. Унковский и А.И. Европеус – собираются сами по себе, самовольно, до решения правительства, освободить крестьян. В результате этой полицейской провокации А.М. Унковский был сослан в Вятку, а А.И. Европеус в Пермь¹⁶⁸. Перед отправкой в ссылку, когда к А.М. Унковскому пришли его коллеги-депутаты, чтобы проводить его, опальный предводитель тверского дворянства представился пред ними как «первый в России санкюлот». Это сравнение с названием наиболее радикальной группы французских революционеров (дословный перевод с французского слова «санкюлот», что означает «бесштаный» – Д.К.) А.М. Унковский употребил потому, что ему как предводителю Тверского губернского дворянства полагалась особая форма – брюки с белыми лампасами. Первое же действие царской полиции заключалось в том, что царские жандармы, придя на петербургскую квартиру к А.М. Унковскому, отобрали у дворянского оппозиционера форменные брюки¹⁶⁹.

Таким образом, попытка российского дворянства расширить свои социально-политические права путем создания в России хотя бы подобия представительских учреждений не удалась. Произошло это несмотря на то, что русские дворяне-реформаторы действовали в русле тех форм и норм, которые были свойственны большинству европейских монархий с абсолютистским образом

---

¹⁶⁸ Там же. – С. 51.

¹⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1635. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

правления, то есть просили хотя бы о совещательном голосе для представительских учреждений. Но всероссийский император и подведомственная ему бюрократия считали, что участие в управлении страной кого-либо кроме государственных служащих – это откровенная крамола. III Отделение относило либеральные круги дворянства к элементам, угрожающим основам существующего строя, стремящимся, по словам начальника III Отделения князя В.А. Долгорукова, «представительскому порядку правления»¹⁷⁰.

Социальное положение дворянства в России определялось тем, что оно не имело политических прав в системе государственного управления страной, занимая лишь особое место при отправлении юридических норм (особый суд, отсутствие телесных наказаний и т.п.). П.Б. Струве сложившиеся традиционные отношения между правящей династией и русским обществом характеризовал следующими словами: «Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы... Русская монархия рушилась оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьян»¹⁷¹.

Таким образом, лишаясь своих сословных преимуществ, российское дворянство стремилось к расширению своих политических прав, уже не удовлетворяясь одной жалованной грамотой Екатерины II «О вольностях дворянства». С потерей «крещеной собственности» (выражение А.И. Герцена о русских крестьянах) помещик-дворянин утрачивал и свои привилегии. Как отмечали российские историки, «перед населением выступало отчетливо и суверенно государственная власть, которая – в идее по крайней мере – равняла бывшего феодала с его поданными, но равняла, как скоро поняли дворяне, больше в бесправии, чем в правах»¹⁷². Такой социальный аспект крестьянской реформы не мог не вызвать прилива политической активности российского дворянства, которая вылилась в форму конституционных идей, выдвинутых его наиболее просвещенными и политизированными представителями. Почвой,

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 464. Л. 1.

¹⁷¹ Цит по: Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М., 1990. – С. 240.

¹⁷² Иорданский, Н. И. Земский либерализм / Н. И. Иорданский. – М., 1905. – С.6.

питательной средой для русского конституционализма как политического течения социальной мысли русского дворянства являлась дворянская усадебная культура, своеобразный оплот «Внутренней эмиграции». Именно из этого базиса генерировалась дворянская оппозиция на квазиреформаторские инициативы самодержавия, императорской бюрократии, окрасив ее в конституционные тона.

Таким образом, можно констатировать, что попытка русского дворянства, в ходе подготовки к отмене крепостного права, получить от императора Александра II «политическую компенсацию» в виде постоянно действующих представительских учреждений, в которые предполагалось превратить редакционные комиссии, и где высшая власть будет совещаться с дворянами – не удалась. Император Александр II, выступая перед Государственным советом, заявил: «Крепостное право создано было самодержавной властью, и только самодержавная власть может его уничтожить»¹⁷³. Александр II также отказался созвать всероссийское дворянское собрание, не выполнив своего обещания, которое он давал в 1858 году.

Итогом гигантской работы по подготовке к отмене крепостного права в России стал Манифест 19 февраля 1861 года. По мнению многих современников, содержание этого документа полностью подтверждает старую пословицу – гора родила мышь. По традиционному российскому бюрократическому мышлению был содран верхний слой проблемы – юридическая личная зависимость крестьян отменена. Однако «...положение крестьян практически не изменилось. Они по-прежнему были привязаны к месту проживания и отягощены налоговым гнетом. Крестьянин, получивший свободу от своего помещика, приписывался к волости или к крестьянской общине на той территории, где он проживал. Как член общины, он получал минимальный земельный надел, размер которого определялся в каждом уезде независимо от других. Освободившийся крестьянин должен был ежегодно выплачивать денежный выкуп, чтобы покрыть покупную цену этого земельного участка»¹⁷⁴.

---

¹⁷³ Цит по: Янов, А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921 гг. / А. Л. Янов. – Новосибирск, 1999. – С. 90.

¹⁷⁴ Хоскинг, Джеффри Россия и русские / Дж. Хоскинг. – В 2 кн. Кн. I. – М., 2003. – С. 363.

Именно в данный момент пришлось весьма кстати «открытие» крестьянской общины немецким ученым. Именно она должна была заменить помещика в плане решения вопросов налогового сбора. Иметь дело с множеством множеств индивидуальных хозяев-крестьян царским чиновникам просто не хотелось. Это было хлопотно и требовало правовых знаний. «Господскую власть было решено заменить сельской общиной и волостью, которым были даны новые полномочия как основным учреждениям местного управления. Община с выборным старостой и чиновниками должна была отвечать за закон и порядок в своем регионе, за распределением земель, за налогообложение и выплаты взносов за полученные крестьянами участки земли. Короче говоря, крестьяне должны были стать самоуправляемыми, хотя, как и раньше, они были связаны круговой порукой, выплачивали подушную подать и могли подвергаться телесным наказаниям»¹⁷⁵.

Естественно, что подобный способ решения вековой крестьянской мечты о «матушке-земле» полным образом не соответствовал крестьянским ожиданиям. Традиционное социальное мышление русских крестьян подразумевало «властную вертикаль» как прямую связь крестьян с царем, помазанником божьим. В этой связке царю отводились властные полномочия, а крестьянам трудовые. Земля была «божьей», то есть не подвластной нормам частной собственности. Платить выкуп за землю помещикам было «богопротивно». Накануне реформы 1861 года в костромской губернии крестьяне вырубали и продали лес помещика в том убеждении, что земля принадлежит вся крестьянам и помещики не имеют на нее право¹⁷⁶. Поэтому, когда по губерниям Российской империи поехали огромное количество свитских генералов и флигель-адъютантов, которые ничего не могли объяснить неграмотной крестьянской массе (в селе Бездна Казанской губернии волнения поднял крестьянин-сектант Антон Петров, посчитавший цифру 10% в тексте Манифеста за печать Святой Анны) и просто тупо зачиты-

---

¹⁷⁵ Там же. С. 364.

¹⁷⁶ См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – В 2 т. Т. I. – Новосибирск, 1991. – С. 245.

вали текст царского манифеста, во многих районах начали вспыхивать крестьянские бунты. «Крестьяне стремились к воле, которую даст царь, к утопическому обществу без начальства на всех уровнях, к переходу к общине всей земли, к разделу хлеба в господских амбарах, к отмене барщины, всех крепостных повинностей. Крестьяне требовали, чтобы им вычитали истинную волю. То, что они читали, не совпадало с их мироощущениями. Эти книжные люди подкуплены господами»¹⁷⁷.

Таким образом, крестьянская реформа 1861 года была проведена бюрократией императорской России в своих интересах и с пропагандистскими целями, в первую очередь перед европейскими правительствами. Помимо крестьян, формами и методами реформы, а также новым положением дворянства были недовольны сами помещики, причем разного политического направления. «В обществе были недовольны и правые, и левые»¹⁷⁸. Ряд представителей дворянства и даже старой аристократии заняли оппозиционное политическое положение по отношению к власти, выступив от имени возмущенного дворянства. Так, князь П.В. Долгорукий, находясь в эмиграции в Европе, выступил не только с требованиями проведения реформ в России, но и высказал закамouflированные намеки на нелегитимность династии Романовых. В своем письме к императору Александру II от 6 марта 1862 года П.В. Долгорукий указывает на то, что его род более благороден и знатен, чем род императора всероссийского: «Всем известно, государь, что предки мои были великими князьями и управляли Россией в то время, когда предки вашего величества не были и графами Ольденбургскими»¹⁷⁹. В 1860–1861 гг. в Германии, в Лейпциге, выходил под редакцией самого П.В. Долгорукого журнал «Будущность» на русском языке. Анонсируя свое издание и анализируя положение современной ему России, князь писал: «...дворянство находится в

---

¹⁷⁷ Там же. С. 263–264.

¹⁷⁸ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 236.

¹⁷⁹ Цит. по: Сладкевич, Н. Г. Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. / Н. Г. Сладкевич. – Л., 1962. – С. 117.

положении рабском, невыносимом. Дворяне ничто иное, как привилегированные холопы; их имущество, личная свобода и самое личное достоинство совершенно преданы на произвол, прихоти Царской, грабежа чиновничьего и самоуправства тайной полиции»¹⁸⁰. В контексте приведенной здесь цитаты следует отметить, что политика императорской России по отношению к русскому дворянству по преимуществу носила крепостнический характер, выразившись в стремление превратить дворян не столько в сословие, сколько в социальную группу несвободных «привилегированных холопов». Поэтому было бы неверно считать русское дворянство XVIII–XIX вв. полноценным господствующим классом. По мнению современных российских исследователей, «... в результате реформ Петра I степень несвободы русского дворянства, как и других слоев общества, сильно возросла... Способствуя слиянию дворянства в единое сословие и положив начало юридическому оформлению его сословных прав и привилегий, Петр одновременно сохранил и даже усилил его крепостническую зависимость от государства». Однако «... в этом противоречии находился залог будущего освобождения дворянства»¹⁸¹.

Процесс своего «освобождения от крепостной зависимости государства» русское дворянство начало в 1860–1862 гг. так называемой «адресной кампанией». Цель ее состояла в том, чтобы путем подачи адресов от губернских дворянских собраний на высочайшее имя продемонстрировать императору Александру I размах оппозиционных настроений в стране. Инициаторы этой кампании рассчитывали вынудить императора прислушаться к голосу русского дворянства, осознать изменение социальной роли дворянства в подвластной ему стране и созвать в том или ином виде представительное собрание для обсуждения на нем модели будущей конституции Российской империи.

В январе 1860 г. дворянское собрание Владимирской губернии большинством 186 голосов против 34 приняло на высочайшее имя адрес, состоявший из 8 пунктов: «1. Строгое разделение властей административной, судебной и полицейской. 2. Управление общее

¹⁸⁰ Будущность – Лейпциг, 1860–1861 гг. №1. 1860. – С. 1.

¹⁸¹ Каменский, А. Б. Российская империя в XVIII в.: традиция и модернизация / А. Б. Каменский. – М, 1999. – С. 127, 131.

для всех сословий.3. Хозяйственно-распорядительное управление выборное от всех сословий и ответственное только перед судом и обществом; причем выборные лица утверждаются не административной властью, но единственно правильностью избрания. 4. Полицейское управление, правительством устроенное в чисто охранительном духе, действующее только на основании закона. 5. Руководимое только законом гражданское судопроизводство, гласные, Уголовный суд, гласный по совести и закону, то есть суд присяжных.6. Непосредственно ответственность всех и каждого перед судом.7. Ответственность личная всех должностных лиц за неисполнение ими своих обязанностей без права ссылаться на предписания своего начальства. 8. Учреждение новых, прочных и строгих мер к поддержанию частного и государственного кредита»¹⁸².

Анализ содержания вышеприведенного документа ярко иллюстрирует систему социальных требований дворянства к Российскому государству: обеспечение своих экономических интересов, расширение собственных гражданских прав, акцент на необходимости реформы суда и более четкого разграничения компетенций высших органов системы государственного управления. Рост в среде дворянства конституционных настроений обусловлен декларацией адресом владимирского дворянства принципов разделения властей и всесословности управленческих структур государственного аппарата.

В 1860 г. в том же смысле ходатайствовали в своих адресах дворянские собрания в Ярославской и Нижегородской губерниях. В 1861 г. аналогичного содержания документ был составлен и направлен в правительство Харьковским дворянским собранием. В адресе ярославских дворян, в частности, указывалось на необходимость «допущения общества, посредством гласности, обнаруживать пред высшим правительством злоупотребления местных управлений»¹⁸³. Петербургское дворянское собрание в 1860 г., после опубликования проекта правительства о преобразовании уездной полиции на бюрократических началах, выступило с адресом, в

---

¹⁸² РГАЛИ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–1 об.

¹⁸³ Сватиков, С. Г. Конституционное движение при Александре II / С. Г. Сватиков. – М., 1916. – С. 24.

котором обращало внимание властей на то, что дворянство Петербургской губернии стоит не за сословный, а за сословно-общественный принцип, и в этом смысле «желает сохранения и правильного развития, под покровительством самодержавной власти, издревле существовавшего в России начала местного самоуправления»¹⁸⁴.

Адресная кампания российского дворянства охватывала все новые губернии европейской части России. 10 октября 1861 г. могилевское уездное дворянское собрание составило адрес на высочайшее имя, в котором содержалась просьба о введении гласного суда и о введении принципа религиозной и национальной равноправности. 29 ноября минские дворяне подали адрес, в котором просили императора России о даровании гражданского равенства всем условиям свободы совести и учреждений¹⁸⁵.

Начало 1862 г. было временем пика адресной кампании. Так, в январе 1862 г. были поданы адреса на высочайшее имя от дворянских собраний звенигородского, рязанского, тульского, саратовского, новгородского, псковского, смоленского, воронежского дворянства. Вершиной же этой поистине общенациональной адресной кампании, ее апогеем, стал знаменитый адрес Тверского губернского собрания дворянства. 1–3 февраля 1862 г. в г. Твери состоялось губернское собрание дворянства. Официальным поводом для его проведения послужил вопрос о земельных банках и проблема возрождения кредита. В ходе обсуждения данных вопросов, собрание решило обратиться с адресом на высочайшее имя. В результате прений на собрании решено было представить императору два документа – постановление собрания и адрес. В тексте постановления губернского собрания тверского дворянства приводились следующие идеи, которые, по мнению тверских дворян, государство немедленно должно привести в жизнь: «Невозможность создания Земского банка по отсутствию кредита и дурному состоянию финансов. Немедленный обязательный выкуп земель, поступивший в наделы крестьянам. Выкуп должен быть с содействием государства... Для возрождения кредита необходимо участие народа в си-

---

¹⁸⁴ Сватиков, С. Г. Общественное движение в России (1700–1895 гг.) / С. Г. Сватиков. – Ч. II. – Ростов н/Д., 1905. – С. 21.

¹⁸⁵ Там же. С. 42.

стеме управления финансами – учреждении гласного суда и введении полной гласности во всех отраслях Государственного и общественного управления. Для блага Государства необходимо полное слияние сословий, почему Тверское дворянство отказывается от своих сословных привилегий... Единственный верный путь для совершения всех этих реформ есть собрание выборных от всего народа без различия сословий»¹⁸⁶.

Адрес императору Александру II был составлен вслед за постановлением Тверского губернского дворянского собрания, тем же составом Редакционной комиссии собрания, и повторял в основном положения принятого постановления. Однако сам адрес уже содержал конкретные требования по переустройству государственного управления Россией. Под адресом стояли подписи 112 депутатов собрания, в том числе 9 уездных предводителей дворянства. Депутатами к царю для представления адреса были выбраны предводитель дворянства губернии В.Д. Бровцын и А.М. Унковский¹⁸⁷. Адрес Тверского дворянства Александру II содержал в себе следующие положения: «...здравый смысл народа не может согласиться объявленной Вашим Императорским Величеством воли, с существующими обязательными отношениями к помещикам, и с искусственным разделением сословий... Такое громадное недоразумение ставит все общество в безвыходное положение, грозящее всему государству. В обязательном предоставлении земли крестьянам, мы не только не видим нарушения наших прав, но считаем единственным средством обеспечить спокойствие страны и наши собственные интересы. Мы считаем кровным грехом жить и пользоваться благом общественного порядка на счет других сословий. Мы всеподданнейше просим Ваше Императорское Величество разрешить нам принять на себя часть государственных податей и повинностей соответственно состоянию каждого. Кроме имущественных привилегий мы пользуемся исключительным правом поставлять людей для управления народом. В настоящее время мы

---

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 123. Л. 5–5 об, 6–6 об.

¹⁸⁷ Попов, И. П. Из истории общественного движения в России в годы первой революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. / И. П. Попов. – Рязань, 1976. – С. 77.

считаем беззаконием исключительность этого права, и просим распространить его на все сословия... Вместо действительного осуществления обещанной Вами народу воли, сановники изобрели временнообязанное положение, невыносимое как для крестьян, так и для помещиков... Мы уверены, что все преобразования останутся безуспешными, потому что предпринимаются без спроса и ведома народа. Созвание выборных от всей земли Русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных законоположениями 19 февраля. Представляя на благоусмотрение Вашего Императорского Величества всеподданнейшее прошение к созванию Земского собора, мы надеемся, что искреннее желание общего блага, одушевляющее Тверское дворянство не подвергнется превратному толкованию»¹⁸⁸.

Помимо собственно губернского дворянского собрания, в Твери примерно в то же время состоялось собрание мировых посредников Тверской губернии. Протокол Тверского губернского присутствия по крестьянским делам гласил: 12 декабря 1861 г. мировые посредники Тверской губернии высказали правительству, что единственный исход из настоящего положения был обязательный выкуп (крестьянских наделов – Д.К) и установление общественного доверия между правящими и управляемыми... Тверское дворянство на чрезвычайном собрании 1, 2 и 3-го февраля прошением Государю Императору заявило: 1. Несостоятельность закона 19 февраля. 2. Необходимость предоставления крестьянам земли в собственность. 3. Несостоятельность сословных привилегий. 4. Несостоятельность правительства удовлетворить общественным потребностям и указало единственный путь, собрание представителей всего народа, различных сословий»¹⁸⁹. Далее тверские мировые посредники отказались от выполнения своих обязанностей и коллективно подали в отставку. Тверской дворянин Н.А. Бакунин (брат известного М.А. Бакунина) отправил еще до вышеупомянутого чрезвычайного губернского дворянского собрания письмо на имя губернского исправника

¹⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 137. Л. 1–1 об., 2.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 123. Л. 11–11 об.

о своей отставке с выборной должности мирового посредника. Свой уход Н.А. Бакунин мотивировал так: «Приведение в действие законоположений 19 февраля возбуждало как в среде помещиков и крестьян Тверской губернии, так и в среде мировых посредников постоянные неудовольствия, выражающиеся неоднократно различными способами. Я по совести не считаю себя в праве занимать далее то место, которое обязывает меня действовать в смысле враждебным обществу»¹⁹⁰.

Вместо диалога с нарождающимся в России гражданским обществом правительство царской России поступило полностью в соответствии со своими старыми социально-политическими традициями – начало процесс административно-политического преследования тверского дворянства. Жандармским ведомством было начато следствие по делу, озаглавленному «О дворянах Тверской губернии». Прокурор Тверской губернии обратился к министру юстиции Российской империи Н.А. Панину с посланием, в котором писал: «...я считаю в отношении мировых посредников... что подобные действия составляют нарушение служебных обязанностей; достаточно важное, чтобы подвергнуть лиц подобно подписавших – суду. Немедленное принятие этой меры я считаю при настоящем направлении умов в Тверской губернии необходимым»¹⁹¹.

Решение царского правительства последовало незамедлительно. Постановлением Сената Российской империи было решено привлечь тверских мировых посредников к суду¹⁹². 13 бывших мировых посредников Тверской губернии получили срок 2,5 года «смирительного дома»¹⁹³. Такими действиями имперская российская бюрократия реагировала на справедливые требования реформ, исходивших от русского образованного общества во вполне легальных и сдержанных формах. Сам же «царь-освободитель» Александр II на полях подаваемых ему дворянской общественностью проектах и адресах собственноручно начертил: «Вздор!».

---

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 123. Л. 12 об.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 123. Л. 35 об.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 123. Л. 45.

¹⁹³ Сватиков, С. Г. Конституционное движение при Александре II / С. Г. Сватиков. – М., 1916. – С. 29.

Весь процесс развития адресной кампании русского дворянства 1860–1862 гг. позволяет сделать вывод о гигантском социальном сдвиге в русском обществе. Появляется прослойка «новых дворян», социальной целью которых является не только освобождение крестьян от крепостной зависимости, но и развитие реформ дальше, по восходящей линии. Этим своим поступком – публичным отречением от дворянских привилегий – тверские дворяне ярко иллюстрируют тот факт, что дворянское общество России середины XIX века было не крепостническим, а реформаторским, по крайней мере в тех губерниях, где наметился рост хозяйственных черт, свойственных рыночной экономике (губернии Нечерноземья). Осознание необходимости реформ и стремление к ним охватили фактически все группы и слои тогдашнего образованного русского общества, бывшего все еще по преимуществу дворянским. Идейной основой социальной трансформации самосознания русского дворянства в сторону буржуазной демократии являлся синтез положительных сторон политико-правового наследия Великой французской революции 1789 года и теоретического опыта, накопленного в России отечественной исторической и социальной мыслью, прежде всего в лице прямых предшественников – декабристов. Эталонным образцом для понимания ценности ключевой идеи народного суверенитета, для русских дворян – реформаторов социального поля российской действительности явилась Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная Французской революцией 1789 года. Эта декларация выдвинула четыре основных принципа, составляющих основу конституционного порядка, – свобода, собственность, безопасность и право народа на сопротивление деспотическому насилию. Из этих положений вытекает понятие системы различных свобод для общества: отмена частной правовой зависимости в любой форме и гарантия беспрепятственного проявления личной инициативы, в том числе и по отношению к власти. Оформление этих идей документально, формы пропаганды и способы адаптирования универсальных ценностей к российской специфике – все это русские дворяне-реформаторы середины XIX века заимствовали у своих предшественников – декабристов.

Но имелось и существенное различие в социальных источниках дворянской оппозиции периода декабристов с началом царствования Александра II. Одним из стимулов для развития в среде русского дворянства в период середины XIX века реформаторских социальных идей являлась экономическая целесообразность в осуществлении прав и свобод личности. Если проследить географическую расположенность мест, откуда шли наиболее радикальные по своему содержанию дворянские адреса, то в их центре безусловно окажется нечерноземный район России. Дворянство нечерноземных губерний, в большинстве своем не имевшее в своих имениях настоящего земледельческого хозяйства, жило оброками своих промышленных крестьян, уходивших на долгосрочные заработки в районы сосредоточения текстильных фабрик и различных промыслов, имевших место в регионах прилегающих к Москве и Нижнему Новгороду. Но в своих стремлениях к реформе этот слой дворянства мог рассчитывать на успех, опираясь на все российское общество, и быть выразителем его интересов. Тем более что и сами дворяне не были чужды предпринимательской жилки. Так, А.М. Унковский, лидер либерального тверского дворянства, вступил в контакт с известным миллионером и первым в России нефтедобытчиком В.А. Кокревым, пытаясь совместно создать Земской (то есть общественный) банк, который помог бы осуществить выкупную операцию крестьянских земель без содействия правительства, за счет привлечения средств частных лиц¹⁹⁴. Здесь следует отметить, что ряд российских историков выделяли в своих работах экономическую составляющую требований тверского дворянства, отмечая, что «...программа Унковского была рассчитана на превращение помещиков, способных адаптироваться к новой обстановке пореформенного развития, в класс землевладельцев-предпринимателей, обладающий сильными позициями как в экономике, так и в общественно-политическом строе пореформенной России»¹⁹⁵.

---

¹⁹⁴ Попов, И. П. Из истории общественного движения в России в годы первой революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. / И. П. Попов. – Рязань, 1976. – С. 71.

¹⁹⁵ Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 гг. / Л. Г. Захарова – М., 1984. – С. 192.

Таким образом, экономический аспект крестьянской реформы неоспоримо переплетался с социально-политическими аспектами дворянских требований по отношению к абсолютистскому государству. Воистину «Без освобождения «мужика» невозможно было освободить «барина»¹⁹⁶. В адресе тверского дворянства на имя императора четко прослеживается экономическая составляющая в требовании реформ: создание эффективной системы банковского кредита в стране, без чего невозможно полноценное развитие отечественной экономики. При суммировании экономических требований дворян из нечерноземных губерний проглядывают контуры новой социальной общности в России – землевладельцев-предпринимателей из дворянской среды. Основные кредо этой программы – «Правительственное содействие к переходу земель во владение крестьян, в особенности там, где они страдают от малоземелья; организация поселений и мелкого кредита; освобождение крестьян от стеснений, налагаемых на них паспортной системой и круговой порукой; дальнейшее понижение выкупных платежей там, где они превышают доход с надельной земли; отмена подушной подати; увеличение налогов, платимых более достаточными классами, с соответствующим понижением податного бремени, тяготеющим над народом; значительное сокращение непроизводительных государственных расходов»¹⁹⁷.

Инициация российской властью «реформ сверху», якобы начатых в интересах дворянства, о чем сам император Александр II говорил на своей коронации в Москве, по мере развития событий выливалась в свою противоположность. Власть сама тормозила ею же провозглашенные изменения. «Дав «поручения» дворянству, бюрократия легко могла его взять назад, что оно и не преминуло сделать, когда возрастание роли дворянского представительства, в процессе подготовки реформы было признано несовместимым с решением задач консервативной стабилизации, на основе идеи

---

¹⁹⁶ Иорданский, Н. И. Земский либерализм / Н. И. Иорданский. – М., 1905. – С. 24.

¹⁹⁷ Там же.

межсословного компромисса»¹⁹⁸. Как отмечает современный зарубежный исследователь, «...граждане – или же вначале, видимо, правильное сказать, подданные империи – в ответ на инициативы государства выступили со своими собственными инициативами... Это было уже начало организованного гражданского общества... Революционная ситуация (в России – Д.К.) складывалась как реакция на то, что «подданным» империи в самом начале процесса их гражданской организации был прегражден путь»¹⁹⁹. Реформы, проводимые правительством с целью сохранить за Россией статус великой державы, столкнулись со стремлением «нового дворянства» перейти к гражданскому обществу и представительному устройству.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗРЫВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА. «ПОЛЬСКАЯ ИНТРИГА» КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Реформа 1861 года, формально отменившая крепостное право в России, стала как бы водоразделом между старым, уходящим еще в Московское царство историческим периодом России, и новым, условно называемым капиталистическим. В данном случае, по мнению автора, главным событием в социальной истории России стало не освобождение крестьян, как мы видели чисто номинальное, а изменение социальной роли русского дворянства. Теперь дворянин перестал быть своего рода промежуточным элементом в социальной лестнице Российского государства – он больше не выполнял роль представителя царя среди крестьян. Бюрократы имперской России сами теперь общались с крестьянской общиной, поддерживая свой авторитет среди крестьян при помощи полиции

---

¹⁹⁸ Секиринский, С. С. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) / С. С. Секиринский, В.В. Шелухаев. – М., 1995. – С. 42.

¹⁹⁹ Кимбелл Элан. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859 – 1863 гг. // Великие реформы в России. 1856–1874 /под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклефа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 260

и армии. Как видно из материала предыдущих разделов, российское дворянство попыталось сохранить свои социальные приоритеты посредством расширения роли дворянства в политической системе модернизированной империи – то есть при помощи создания в управленческих структурах Российского государства представительских учреждений. Император Александр II отказал в этом представителям дворянской российской общественности, а некоторых из них подверг политической опале. Причины упущенных возможностей создания в России институтов гражданского общества и основ парламентаризма следует искать в особенностях системы управления государством в России и социальных приоритетах в отношениях государства и общества. «Между пороками русской общественности и пороками русской государственности, есть роковая внутренняя связь, своего рода историческая порука»²⁰⁰. По мысли Александра II и его ближайшего окружения, только государство в России может быть политическим представителем и нравственным руководителем общества. Только чиновники царского правительства могут решать, что можно, а что нельзя применять в процессе управления обществом. Отказывая самому обществу в инициативе, царское правительство, посредством военной дисциплины, сменяло и чересчур либеральных чиновников, радевших об органичной социальной связи, между властью и обществом. Так, после смерти известного либерального чиновника (кстати, близкого в свое время к декабристам) Я.И. Ростовцева на его место в редакционных комиссиях был назначен известный реакционер Н.А. Панин, стремящийся управлять страной и общественными процессами по воинскому ранжиру. Характеризуя неудавшуюся попытку российской общественности управлять социальными процессами в стране в союзе с собственным правительством, А.И. Герцен писал: «Нет правительства, в котором бы легче сменялось лицо главы как в военном деспотизме, запрещающим народу мешаться в общественные дела, запрещающим всякую

---

²⁰⁰ Струве, П. Б. Исторический смысл русской революции / П. Б. Струве // Из глубины: сборник статей о русской революции. – М., 1990. – С. 242.

гласность. Кто первым овладеет местом, тому и повинуется безмолвная машина с тою же силой и с тем же верноподданническим усердием»²⁰¹.

В этих условиях в недрах русского общества стали формироваться те настроения, которые впоследствии в исторической литературе и публицистике стали называться «нигилизмом». Значительную часть «нигилистов» составляли группы радикально настроенной молодежи, которые за основу действий, форм и методов своей борьбы и пропаганды брали систему тайных обществ, аналогичных декабристам и западноевропейским карбонариям. III Отделение в своем аналитическом обзоре «Общие сведения о Революционных замыслах в России» за 1861 г. с тревогой констатировало: «Некоторая часть Русского молодого поколения, ложно направляемая под влиянием идей и событий Запада, мечтает об изменении существующего порядка»²⁰².

Именно атмосфера всеобщего недовольства действиями царя и его чиновников в вопросе отмены крепостного права и предоставления российскому обществу представительских учреждений и стала той питательной средой, в которой развернулась пропагандистская деятельность русских конституционно-демократических кругов. В 1861 году в России вновь после времени декабристов начали действовать тайные политические организации, ставившие перед собой цель изменение социального порядка в России. «В 1861 г. образовалась тайная организация, которая с августа по ноябрь этого года выпустила три номера листка под заглавием «Великорусс». Затем в апреле 1862 г. в Петербурге была распространена прокламация, в которой извещалось о возникновении партии Земская дума»²⁰³. Всего в этот период возникло три организации оппозиционеров в России – «Земская Дума», «Земля и Воля», «Молодая Россия». Характеристика этих политических групп позволяет уяснить себе всю социальную палитру русского оппозицион-

---

²⁰¹ Герцен, А. И. Полн. собр. соч. / А. И. Герцен. – В 30 т. Т. XII – М., 1954–1965. – С. 44.

²⁰² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 464. Л. 1.

²⁰³ Иорданский, Н. И. Конституционное движение 60-х гг. / Н. И. Иорданский – СПб., 1906. – С. 118–119.

ного движения того времени. «Первая из них носила характер умеренного конституционализма, лишенная тех сословных черт, которые присуще были дворянским заявлениям. Вторая достаточно характеризуется названием своим, причем, однако, в программе этой партии экономика не подавляла политики, политический строй казался партии причиной социальных зол. Наконец, третья группа, наделавшая много шума своим появлением, считала другие группы и партии слишком умеренными, называла Герцена человеком отсталым и говорила языком, который напугал не только реакционеров, но и либералов. Случайное совпадение появления этой группы с петербургскими пожарами в мае 1862 г. дало повод для обвинения ее в поджигательстве и создало удобный момент для всех лиц, желавших затормозить освободительное движение»²⁰⁴.

Российская полиция постоянно отмечала, что основным лейтмотивом социальных программ вышеуказанных оппозиционных организаций являлось стремление к установлению в России конституции. В изданиях, печатных листках, политических заявлениях этих организаций присутствует требование созыва Земского Собора, дарование русскому обществу гражданских свобод как основы для его дальнейшего социального развития, призывы о созыве выборных депутатов от всей земли русской с целью выработки конституции для России. Комитет «Великорусс» выпустил три воззвания или листка, как обозначает эти прокламации III Отделение. Первый листок «Великорусса» появился в Петербурге летом 1861 года. Программа, изложенная в этой прокламации, призывала к изменению в жизни страны на демократических основах и обращалась к социальному привилегированному меньшинству России – дворянству и лицам, получившим образование. «Надобно образованным классам взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства... Программу действий, конечно, должно определить для себя само общество. Должна ли состоять сущность нового порядка вещей, которые одинаково полагают и народ, и образованные классы, в устранении произвольного правления, в замене его законодательством... Мы не поляки и не мужики. В нас

---

²⁰⁴ Сватиков, С. Г. Конституционное движение при Александре II / С. Г. Сватиков. – М., 1916. – С. 32.

стрелять нельзя»²⁰⁵. Тон этих высказываний говорит об обращении авторов декларации к образованному меньшинству русского народа, к «обществу», вместе с которым нужно действовать сообща, с целью добиться от власти уступок конституционного характера. Подобная социальная ориентированность оппозиционной политики входила и в арсенал методов борьбы признанных лидеров русской общественной мысли. Например, Н.П. Огарев неоднократно подчеркивал, что возлагать надежды на успех в процессе демократизации России можно только «на меньшинство дворянства и образованных людей»²⁰⁶. Характер процесса распространения листков «Великорусса» в России и то впечатление, которое произвело на русское общество содержание прокламаций, хорошо иллюстрирует донесения сотрудников III Отделения. Шеф корпуса жандармов В.А. Долгоруков пишет московскому губернатору: «В Петербурге рассылается некоторым лицам по городской почте печатный листок, заключающий в себе воззвания ниспровержения власти правительства»²⁰⁷. В своем ответе московский губернатор сообщает, что «Великорусс» появился в Москве, и что среди его адресатов числится графиня Ел.Вас. Салиас де Турменир (урожденная Сухова-Кобылина – Д.К.), редакции московских журналов и газет, профессора Университета»²⁰⁸. Сообщения жандармов пестрят географией распространения «Великорусса» – Самарская, Саратовская, Киевская, Казанские губернии²⁰⁹. В Ярославской губернии царской жандармерией были арестованы крестьяне, намеревавшиеся печатать «Великорусс» в городской типографии²¹⁰. Все вышеизложенные факты указывают на рост конституционно-демократических настроений в России в начале 1860 гг., направленные на изменение социальных условий жизни в Российской империи и проникшие в различные социальные слои русского общества. Как отмечали российские историки, «...очевидно отстаивание «Великоруссом» интересов народных масс (прежде всего крестьян), а

---

²⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 3.

²⁰⁶ Колокол. – Лондон. 1 августа 1860. Л. 77–78. С. 639.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 196. Ч. I. Л. 6.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 196. Ч. I. Л. 23–24.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 196. Ч. I. Л. 10 об.

также конституционно-правовых порядков; свобода личности, печати, совести, уничтожение сословных привилегий, введение общественного самоуправления»²¹¹.

Осенью 1861 года вышел второй номер прокламации «Великорусса», в котором содержится призыв к подаче императору Александру II общенационального адреса с требованием введения в стране конституции. Основные положения этого проекта включали в себя следующее: «Согласившись на введение конституционного устройства, вы только освободите себя от тяготеющего над вами владычества лжи, заменив нынешнее наше подчинение – чистой и полезной покорностью истины, которая не может существовать в государственных делах без свободы... Только правительство, опирающееся на свободную волю самой нации, может совершить те преобразования, без которых Россия подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России»²¹².

Третий номер «Великорусса» уже содержит развернутую программу требований конституционно-демократического характера: «Вся земля, которую крестьяне пользовали при крепостном праве, должна быть у них оставлена и укреплена ими в собственность, при помощи выкупа, который однако же должен быть уплачен помещикам не одними крестьянами, а всеми классами народа. 2. Созвание народных представителей для выработки конституции для России. 3. Созвание такого же собрания в Варшаве, чтобы поляки могли устроить судьбу своей родины, сообразно ее потребностям. 4. Чтобы власть была выборная и ограниченная. 5. Полная свобода слова. 6. Развитие самоуправления. 7. Уничтожение всяких привилегий. 8. Контроль со стороны народа над денежными сборами и финансовым управлением. 9. Открытый гласный суд, уничтожение тайной и явной полиции, уничтожение телесных наказаний. 10. Общинное землевладение, с наделением земель всех неимущих и с уничтожением всякого частного землевладения. 11. Сокращение

---

²¹¹ Эймонтова Р.Г. «Великорусс»: спорные вопросы // Отечественная история. – 1993. – №3. – С. 64.

²¹² Цит. по: Лемке, М. К. Очерки освободительного движения шестидесятих годов / М. К. Лемке. – СПб., 1908. – С. 367–368.

расходов на армию, уменьшение сроков службы солдатам. 12. Сокращение расходов на царскую фамилию и на управление страной, с упразднением некоторых ведомств. 13. Всеобщая амнистия политическим преступникам»²¹³. Вышеизложенные пункты программы преобразований политической и экономической жизни России позволяют считать третий номер «Великорусса» программным заявлением новой социально-политической группы российского общества – конституционной партии. Причем этот документ явно носит согласованный характер, включая в себя как требования крестьянства, так и дворян – выкуп земли за счет всех социальных групп русского общества. В третьем номере «Великорусса» также просматриваются политические требования демократической интеллигенции, купеческих кругов, а также части офицерского корпуса и аристократии (проблема армейской реформы и ограничение расходов на императорскую фамилию). Программа «Великорусса» – его третий выпуск – судя по его явно отредактированным пунктам, является плодом определенного компромисса между различными социальными группами России, в целом оппозиционно настроенных по отношению к имперскому режиму.

При анализе фактов, связанных с распространением прокламаций, социальным положением адресатов, к которым посылались листки «Великорусса», при рассмотрении особенностей типографского набора и типа бумаги, на которой печатались прокламации, – на основе анализа всего этого материала современные российские историки пришли к выводу, что под комитетом «Великорусс» следует понимать глубоко законспирированную организацию офицеров русского генерального штаба. «...Кружок этот был тесно связан с петербургской офицерской организацией и состоял главным образом из офицеров Генерального штаба, слушателей и преподавателей военных академий...При аресте в Варшаве офицера В.Г. Каплинского – бывшего слушателя Артиллерийской академии, из содержания его тетради (дневника) следует, что листки

---

²¹³ Цит. по: Корнилов, А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881 гг.). Исторические очерки / А. А. Корнилов. – Париж, 1905. – С. 88.

«Великорусса» вывешивались на стене в здании академии и рассылались по штабам подразделений русской армии»²¹⁴.

Именно тот факт, что оппозиционные настроения и организации начали формироваться в армейской среде, послужил причиной того, что царское правительство, министерство юстиции Российской империи, любящие и умеющие организовывать политические процессы, отнеслись к деятельности «Великорусса» с несвойственной им мягкостью и попустительством. Свет на причины подобной мягкотелости российских спецслужб проливают архивы III Отделения. В деле «О лицах, принадлежавших «Великоруссу» имеются донесения секретных агентов и анализ деятельности комитета «Великорусс». В них говорится: «Партия Великоруссов существует уже давно, гораздо ранее открытия Шахматного клуба, который основан крайней революционной партией, отделившейся от Великоруссов, вследствие их медлительности... Мысль об учреждении Шахматного клуба принадлежала Герцену, от которого покойный Добролюбов получил эту мысль во время своего путешествия за границу. Осуществлена эта мысль графом Григорием Александровичем Кушлеевым-Безбородко... Прокламации и издания Великорусса вышли из Шахматного клуба»²¹⁵. Таким образом, уже в самом разгаре деятельности «Великорусса» идеологическим противникам комитета, в данном случае начальству III Отделения, ясна была позиция «Великорусса» как представителя умеренного крыла русского освободительного движения, имеющего контакты с «крайней партией», но расходящейся с ней по вопросам тактики и стратегии. Об этих настроениях в комитете «Великорусс» свидетельствуют и воспоминания членов комитета. Так, член «Великорусса» П. Д. Баллод в своих автобиографических письмах к В. Е. Чешину-Ветринскому писал, что «участники формирующегося комитета на первых порах вовсе не имели ввиду в качестве руководи-

---

²¹⁴ Эймонтова, Р. Г. «Великорусс»: спорные вопросы / Р. Г. Эймонтова // Отечественная история. – 1993. – №3. – С. 68.

²¹⁵ ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 85. Л. 7.

теля Чернышевского, более того относились к нему далеко не симпатично»²¹⁶. В качестве своего возможного руководителя члены комитета «Великорусс» называли генерал-губернатора Санкт-Петербурга князя А.А. Суворова²¹⁷. Об этом желании комитета «Великорусс» – «...выставить на своем знамени Суворова» упоминает П.Д. Баллод в своем письме к Л.Ф. Пантелееву²¹⁸. Анализ вышеизложенного позволяет сделать вывод о существовании своего рода второго декабристского заговора в среде элиты русского общества – офицерского корпуса и представителей известных аристократических фамилий. Цель этих «заговорщиков», объединенных в комитет «Великорусс», – способствовать путем общественной пропаганды и политического давления принятию, или дарованию сверху, в России конституции. Именно такой социальный состав оппозиционного движения и нежелание признать перед российской общественностью того факта, что правительство императорской России как французские Бурбоны ничего не поняло и ничему не научилось и опять вынуждает русских дворян создавать заговор против имперской бюрократии, – именно вся эта социальная панорама русского оппозиционного движения вынудила царские спецслужбы ограничить репрессалии по делу «Великорусса». Известно только дело гвардии поручика Владимира Обручева, арестованного за распространение прокламаций «Великорусса» и получившего несколько лет тюрьмы с последующей каторгой²¹⁹.

В начале 1862 года с программой социально-политических преобразований выступила новая оппозиционная группа русской об-

---

²¹⁶ Эймонтова, Р. Г. «Великорусс»: спорные вопросы / Р. Г. Эймонтова // Отечественная история. – 1993. – №3. – С. 66.

²¹⁷ Там же. С. 66.

²¹⁸ См.: Баллод, П. Д. Письма к Л.Ф. Пантелееву // Валескал П.И. Революционный демократ П.Д. Баллод: материалы к биографии. – Рига, 1957. – С. 127; Суворов А.А. (1804–1882 гг.) – князь, внук знаменитого полководца, генерал-адъютант, с 1848 по 1864 г. – генерал-губернатор Остзейских провинций, в 1861 – 1866 гг. генерал – губернатор Санкт-Петербурга. См. о нем: Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон – СПб., 1901. – Т. 31 – А. – С. 896.

²¹⁹ ГАРФ.Ф. 109. Оп. 36. Д. 196. Ч. I. Л. 48–52.

щественности – «Земская дума». Анонсируя появление своей «партии», «Земская дума» в своем первом печатном издании – листовке, аналогичной по форме листкам «Великорусса», заявляла о своей программе: «Цель ее – полное освобождение крестьян со всей владеемой ими земель; созвание Земской думы из выборных от всех сословий для составления нового «Уложения», и определения размеров и способов вознаграждения помещиков средствами государства. На днях Общее собрание Думы из депутатов всех кружков дало нам возможность счесть свои силы, определить программу действий... Крайним сроком мирной агитации для распространения своих убеждений мы назначаем день Тысячелетия России. К этому сроку мы надеемся предъявить правительству – в совершенной неспособности которого мы глубоко убеждены – свои требования в такой форме, пред которой оно должно будет уступить. Поэтому решив во что бы то не стало достигнуть предполагаемой цели, мы обращаемся ко всем честным людям с просьбой и советом идти заодно с нами и не поддерживать существующего порядка. Типография Земской думы, апрель 1862 г.»²²⁰.

Одновременно с листовками «Земской думы» появилось воззвание «К офицерам», в котором, в частности, говорилось: «Дать всем сословиям одинаковые права на развитие своего благосостояния; дать обществу свободу распоряжаться своими делами, устанавливать законы и налоги, чрез своих выборных; дать право гражданину свободно высказывать свое мнение»²²¹.

География распространения этих воззваний была более узкой, чем у прокламаций «Великорусса», но реакция на них русского общества не заставила себя ждать. Штаб-офицер корпуса жандармов саратовской губернии доносил князю В.А. Долгорукову о реакции обывателей на листовки партии «Земской Думы» в подведомственной ему губернии: «Студенты в Саратовской губернии распространяют слух, что за границей приготовили указ – 26 августа 1862 г. от имени Государя Императора, в котором крестьянам предоставляется вся земля и повелевается истребление дворян. Народ в некоторых местах уже толкует об этом указе и ожидает 26 августа»²²².

²²⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230. Ч. 121. Л. 5–5 об.

²²¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230. Ч. 121. Л. 4.

²²² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230. Ч. 121. Л. 32 об.

О реакции на листовки «Земской Думы» в Москве говорится в донесении местного жандармского штаб-офицера. Причем в этом донесении акцент делается на сопоставлении реакции образованных слоев общества на воззвания «Молодая Россия» (крайне революционная партия, требовавшая физического уничтожения царствующей фамилии) и «прокламации «Земская Дума»: «Если некоторые идеи, высказанные в «Молодой России», вызвали всеобщее негодование, то некоторые положения «Земской Думы», касающиеся адресов царю на 1000-летие России от выбранных губерний, с требованием реформ получили в обществе суждение, как «разумное значение» о соответствии требованиям современного прогресса»²²³. Таким образом, из содержания прокламаций и из реакции на них русского общества видно, что «Земская Дума» обращалась к так называемым образованным классам. Именно к ним была обращена следующая после программного листка прокламация «Земской Думы», называвшаяся «К образованным классам». В нем, в частности, говорилось: «Возможность народного образования уничтожена закрытием всех школ. Лучшие органы общественного мнения запрещены. В ближайшем будущем – губительный мрак, обманы, подкупы, преследования всего честного. Каждое преступное действие правительства усилит энергию людей, посвятивших себя великому делу освобождения»²²⁴.

Тот факт, что персональный состав участников и сторонников реформаторского движения в России в начале 1860 г. пестрит известными аристократическими фамилиями, отображает определенный социальный феномен российской истории – бюрократический класс Российского государства социально оторвался не только от низов – крестьянства, рабочих, городских низов, но и от образованной, дворянской элиты. Этот факт подтверждают донесения секретных агентов III Отделения: «Крайняя партия великорусов готовит к весне новую демонстрацию. В марте состоится заседание Земской Думы. Вопрос о заседании решит приезд князя Трубецкого; состав партии – князь Сибирский, Хмыров, Мордовцев, Елистов... Почти во всех губернских комитетах партия Великорусов

---

²²³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230. Ч. 121. Л. 35.

²²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230. Ч. 134. Л. 15.

имеет по несколько своих представителей, которые имеют сношения с главным комитетом «Земской Думы»... Поддерживают отношения с заграничными корреспондентами – кн. Долгоруковым, кн. Голицыным... кн. Трубецкой вступает в контакты с народом, граф Толстой в Ясной Поляне агитирует крестьян. В настоящее время внимание Думы обращено на ход дел: Чернышевского, Писарева, Серно-Соловьевича»²²⁵.

По содержанию донесения данного источника устанавливается социальное лицо того круга лиц, которые причисляли себя в то время к сторонникам русского конституционно-демократического движения. Этот круг включает в себя как русских аристократов, так и рядовых граждан, великих русских писателей, журналистов, публицистов, многочисленные слои русского общества как в обеих столицах Российской империи, так и в российской глубинке. При этом различия в тактике и стратегии разных групп русских оппозиционеров не делали их безразличными к судьбам друг друга. Процессы арестованных «корпорантов» служили источником информации и руководством к действию для всех направлений русского конституционно-демократического движения. В этом контексте явно прослеживается наличие какого-то координирующего центра для всего русского национального оппозиционного движения.

Также следует отметить многовариантность тактических действий русских дворянских оппозиционеров. Здесь присутствует творческое сочетание русских традиций политической борьбы с достижениями европейского конституционного движения. «Великорусс» и «Земская дума» в структуре своих организаций и в ходе своей пропаганды явно заимствуют опыт декабристов. Этот тезис в первую очередь основывается на участии в вышеуказанных организациях офицеров русской армии, а также в обращении к интернациональным традициям декабристов – контактам с польским национальным движением. Факт наличия именно офицерского состава «Великорусса» подтверждает существование впоследствии тайной офицерской организации в русской армии, часть которой приняло участие в вооруженном восстании в Польше в 1863–1864 гг. (А. Потемня и др.).

---

²²⁵ ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–6.

Наличие в составе партии «Земская Дума» представителей русской аристократии (князя Трубецкой, Голицын, Сибирский), постоянное присутствие в планах русских конституционалистов фамилии генерал-губернатора Санкт-Петербурга А.А. Суворова – все это говорит, что декабристский дух «дворянского сопротивления» абсолютизму не был изжит в русском обществе, и сценарий повторения 1825 года не исключался инициаторами и сценарий реформаторского и демократического движений.

Вместе с тем очевидно и влияние европейских форм социально-политической практики на русское освободительное движение. Проект русского общенационального адреса со многими тысячами подписей для подачи царю, избрание делегации для подачи адреса из лиц, имеющих общенациональный авторитет, – все это повторяет сценарий английской петиционной кампании 1848 г. с организацией демонстрации с подачей петиции с сотнями тысяч подписей королю. Идея формы и системы выборов делегатов на созыв Земского собора соответствует в основных параметрах принципам выборов в Национальное собрание Франции в 1789 году. Аналогична периоду Франции 1789 года и сама повестка основных вопросов, которые будоражили русское общество на рубеже 1850–1860 гг.: бюджет правительства и царской фамилии, предоставление русскому царю гражданского листа, аналогичного гражданскому листу Людовика XVI, с содержанием в 5 миллионов рублей²²⁶; контроль нации (общества) за денежными ресурсами страны, вопрос о государственном кредите – все это в основном те же вопросы, которые стояли перед английским парламентом в 1640 г., французским Национальным собранием в 1789 г., парламентами центрально-европейских стран в 1848г. Поскольку все вышеперечисленные вопросы, по единодушному мнению историков различных идеологических направлений, находятся в компетенции общенациональных парламентов, можно с уверенностью сказать, что конституционно-демократическое движение России рубежа 1850–1860 гг. можно назвать движением национальным, направленным

---

²²⁶ Под гражданским листом для императорской фамилии подразумевается денежное содержание двора императора, назначаемое ему парламентом. Как правило, гражданский лист – первая глава в бюджете стран с конституционной монархией как формой правления – Прим. автора.

на осуществление в России идеалов эпохи Просвещения, основанных на приоритете принципа господства нации – государства над абсолютизмом.

Русское дворянство начала и середины XIX века было единственной в России социальной общественной группой, которая в той или иной степени могла оказывать социальное и политическое сопротивление самодержавию, с целью ослабить давление на общество последнего. И декабристы 1825 года, и конституционалисты рубежа 1850–1860 гг. представляли собой передовые круги русского общества. Социальная цель оппозиционного движения в России – ослабить давление имперской бюрократии на общество, дать стране более свободно развиваться.

Таким образом, нельзя не прийти к выводу о том, что абсолютизм в России в большинстве случаев не выражал интересов объективного развития общества на определенном пути его исторического развития, а занимал самостоятельную политическую позицию по отношению ко всему российскому обществу в целом. Эту особенность российского самодержавия даже в определенной мере склонна признавать российская марксистская историография, отмечая, что царизм действовал на политическом поле «проявляя известную самостоятельность по отношению к дворянству как классу в целом... лавируя между различными помещичьими группировками, а также разыгрывая из себя посредника в тяжбе между помещиками и крестьянами»²²⁷. Эта изолированность и отчужденность российского самодержавия, в том числе и культурно-этническая (немецкий этнический состав членов правящей династии), порождали недоверие между основной господствующей группой населения страны – дворянством, с одной стороны, и императорской династией – с другой.

Можно отметить, что вначале 1860 г. выкристаллизовывается процесс осуществления формирования той питательной среды, которая впоследствии создаст в России конституционно-демократическую партию народной свободы, ставшую символом русской де-

---

²²⁷ Сладкевич, Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х начала 60-х гг. XIX в. / Н. Г. Сладкевич. – Л., 1979. – С. 134–135.

мократии. Русские конституционные демократы, оставаясь дворянами в своих чувствах и привычках, как идеологи и общественные деятели, были открытыми противниками сословного начала в социальных основах жизни России и демократами в своих принципах. Следует отметить, что подобная позиция дворянской интеллигенции, ставшая особенностью и спецификой исторического развития России, не является исключением для мирового исторического процесса. В Италии, именно в описываемый нами исторический период – рубеж 1850–1860 гг., либеральное дворянство, при наличии слабой национальной буржуазии, взяло на себя осуществление процесса объединения страны, создания национального государства и проведение буржуазно-демократических реформ. В Венгрии, в период революции 1848–1849 гг., именно венгерское дворянство и выросшая в ее среде национальная интеллигенция взяли на себя осуществление в своей стране процесса конституционных реформ и борьбы за национальную независимость. В соответствии с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что конституционно-демократическое движение в России в период середины XIX века было движением не только демократическим, реформистским, но и по сути своей глубоко национальным («Великорусс»), поскольку ставило вопрос о верховенстве и приоритете русской нации в контексте решения задач общественной жизни страны ее экономического развития и совершенствования социальной культуры. «...Динамичная национальная концепция, способная мобилизовать и объединить нижние социальные слои общества и ставящая своей целью провозглашение принципа лояльности по отношению к нации, а не к государю, должна была быть направлена против самодержавия, против автократического государства. Русское конституционное движение соответствует национальным движениям Европы, с их требованиями признания гражданских прав, создания единого гражданского общества, уничтожения пережитков феодализма (крепостного права), избавления от массовой неграмотности»²²⁸. Тезис о национальном характере русского конституционно-демократического движения хорошо осознавали и

---

²²⁸ Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя. – М.; Бонн, 2000. – С. 178.

действовали в соответствие с ним деятели русского конституционно-демократического движения периода середины XIX века. Ибо, как верно заметил один из таких деятелей – Л.П. Блюммер, «действителен только онационализированный человек и очеловеченная нация»²²⁹.

Историческая социальная миссия русской дворянской интеллигенции середины XIX века заключалась в том, чтобы, учитывая социальные реалии своего времени, возглавить на определенном этапе общественность страны и повести ее по оптимальному для России того времени историческому пути – по пути конституционного развития страны. В исторической перспективе такой вариант развития России предполагал доминирование демократической составляющей в социально-политической жизни страны. При наличии конституции, ее активного влияния на политическую жизнь страны, произошла бы правовая регламентация полномочий и деятельности государственного аппарата России. В конституционном движении России проявилась в новых исторических условиях традиционная для русского исторического процесса борьба имперского и земского начала. В силу ряда причин – неразвитость буржуазии и городов, слабость «нового дворянства», недостаточная социальная дифференцированность деревни и т.д. – победила имперская власть. Но возможность, при наличии присутствия в политической системе страны конституции, стимулировать в стране внутренние факторы социального саморазвития русского общества способствовала бы в перспективе процессу создания в России гражданского общества.

Итак, второй декабристский заговор русской дворянской элиты против имперского режима в России не получил своего развития. Само наличие подобного заговора и его социальные причины возникновения и возможные последствия полностью игнорируются российской исторической наукой. Марксистская школа не замечает дворян-оппозиционеров исходя из ленинской схемы развития революционного движения в России, историки-государственники не

---

²²⁹ См.: Олейников, Д. И. Классическое российское западничество / Д. И. Олейников. – М., 1997. – С. 137.

могут себе представить массового оппозиционного престолу движения среди дворян, так как, по их мнению, царский режим защищал именно дворян (и марксистские историки считают также), представители либеральных направлений в российской историографии представляют императора Александра II как «царя-освободителя» и из его личности формируют икону. Правда, в исторических исследованиях вскользь сообщается о военном заговоре в Казане весной 1863 года, но эти события относят к деятельности организации «Земля и воля», не предоставив каких-либо особых доказательств как существования самой организации, так и ее деятельности именно в Казанском гарнизоне.

Нарастающий заговор внутри русской армии, ее офицерском корпусе был виден как жандармам Российской империи, так и самому III Отделению. Рапорты секретных донесений об этом автор этих строк представил достаточно. Предоставляя императору Александру II доклады об распространении прокламаций «Великорусса», представители III Отделения внушали императору мысль о том, что прокламации «Великорусса» инспирированы поляками²³⁰. Цель подобного утверждения ясна: создать впечатление у правящего императора, что общественная активность в России – следствие деятельности пресловутой «польской интриги», а не результат саморазвития русского общества. Надо признать, что специальная операция III Отделения по провокации Польского восстания 1863–1864 гг. как способа отвлечь внимание русского офицерства от внутривнутриполитических проблем России удалась. В ходе же подавления самого восстания была проведена своеобразная социальная специальная операция уже российских государственных властей по охлаждению реформаторского пыла русского дворянства.

Для того чтобы выяснить подоплеку всей этой череды событий, необходимо вернуться назад, в историческую ретроспективу, хотя этот вопрос уже и освещался автором выше, в предыдущих параграфах, но рассматривался в контексте истории наполеоновских войн. В XVIII веке Речь Посполитая (Польско-Литовское государство) была подвергнута трем разделам: 1772, 1793, 1795 годах. Раз-

---

²³⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 196. Ч. I. Л. 2.

дела осуществлялись Пруссией, Австрийской империей и присоединившейся к ним Российской империей. Причем Россия именно присоединилась к разделам, поскольку, несмотря на все внутренние польские неурядицы, на престоле Речи Посполитой находился один из фаворитов Екатерины II – Станислав Понятовский, и его присутствие на троне обеспечивало российские интересы. Однако, когда Австрийская империя в 1772 году захватила часть Польши, Екатерина II в беседе с братом прусского короля Фридриха II сказала: «Если они берут, то почему же и всем не брать»²³¹. Вмешательство соседних государств во внутренние дела Речи Посполитой и Пруссия, и Австрия, и Россия определяли заботой о так называемых «диссидентах», лиц не католического верования, которым должны были быть даны все права гражданства в польском государстве. Однако вопрос о «диссидентах» был только идеологическим прикрытием. Министр иностранных дел Екатерины II Никита Панин так разъяснял политику Российской империи русскому послу в Польше Николаю Репнину: «вопрос диссидентов отнюдь не должен быть предлогом для распространения в Польше нашей веры или протестантских учений, он должен быть единственно инструментом приобретения для нас сторонников»²³². Таким образом, как только была ликвидирована Речь Посполитая, так прекратились разговоры о притеснении православных единоверцев. Но если польское государство было мертво, то польское общество еще имело силы для своего развития.

В 1795 году произошел третий раздел Речи Посполитой и ликвидация ее государственности. Но прошел только год, как в 1796 году в Италии в армии молодого Наполеона Бонапарта был создан польский легион. Польские легионеры в составе наполеоновских войск сражались повсюду: в Италии, Германии, Египте, в Испании, в России, даже на Антильских островах. Сам Наполеон, когда кричал на русского дипломата Д. Балашова в 1812 году, изрекал: «У меня есть союзники – это поляки. Они дерутся как львы!». В самом деле, польские легионеры армии Наполеона не

---

²³¹ Геллер, М. Я. История Российской империи / М. Я. Геллер. – В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 206.

²³² Там же. – С. 193.

только не уступали собственно французским военным формированиям в боевой доблести, но даже иногда превосходили их (например, знаменитая атака польских кавалеристов в Испании в 1808 году, у Сомо-Сьерры). В 1813 году, в битве под Лейпцигом польские части прикрывали отход Наполеона. Однако Наполеон не выполнил своего обещания – восстановить независимость Польши. В 1815 году большая часть герцогства Варшавского (созданного Императором Наполеоном I зависимого от Франции государственного объединения из этнической Польши) по решению Венского конгресса вошла в состав Российской империи.

Вот с этого момента в значительной степени и начинается пресловутый национальный вопрос российской государственности, в отношении с поляками до сих пор исторически не решенный и покрытый в ряде случаев покровом тайны.

В 1815 году по решению Венского конгресса польские территории, переданные в управление других стран, должны были получить в системе своего управления конституционные основы. Известный русский историк В.О. Ключевский характеризует этот исторический казус следующим образом: «...была выработана конституция Царства Польского, утвержденная императором в 1815 году. В силу этой конституции в 1818 г. открыт был первый польский сейм. Польша управлялась под руководством наместника, которым стал брат Александра Константин; законодательная власть в Польше принадлежала сейму, распадавшемуся на две палаты – сенат и палату депутатов. Сенат состоял из представителей церковной иерархии и государственной администрации, т.е. из представителей шляхетства, городской и свободной сельской общины. Первый сейм был открыт речью императора (Александра I – Д.К.), в которой было сказано, что представительные учреждения были всегда предметом заботливых помыслов государя... Так случилось, что завоеванная страна получила учреждения, более свободные, чем какими управлялась страна-завоевательница. Варшав-

ская речь 1818 г. болезненно отозвалась в сердцах русских патриотов»²³³. Здесь великий русский историк точно определил ту реакцию, в основном в среде декабристов, которую вызвали «демократические» реформы царизма в завоеванных странах – помимо Польши внутреннее самоуправление и парламент получила Финляндия, а в прибалтийских (Остзейских) провинциях было отменено крепостное право. Именно политика Александра I задавала будущий тон уступок, которые получали от центральной власти сначала нерусские провинции императорской России, а затем национальные республики СССР и страны Восточной Европы. Эта политика была либеральной по отношению к часто завоеванным странам и реакционной по отношению к собственно русской нации. При этом следует отметить, что сам император всероссийский Александр I обсуждал со своими польскими «партнерами» возможность административного расширения «Царства польского» за счет западнорусских (украинских) территорий. «Однако планы эти встретили решительный отпор не только в правительственных, но и в общественных кругах России – от Н.М. Карамзина до будущих декабристов. Приступить к их осуществлению будущий император не решился»²³⁴.

Вообще, история Польши в составе Российской империи, особенно период фактической конфедерации 1815–1830 гг., практически не изучен российскими историками²³⁵. Пока царствовал император Александр I, отношения официального Петербурга и Варшавы оставались равными. Николай I в 1829 году короновался в Варшаве короной Царства Польского. Постоянные войны – с Ираном 1826–1827 гг. и с Турцией 1828–1829 гг. – не давали правительству Николая I вплотную заниматься польскими делами. Восстание в Варшаве в ноябре 1830 года против Российской империи многие историки связывают с польским национальным чувством и национальным самосознанием. Но время восстания, когда Россия

---

²³³ Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Ч. V. – М., 1989. – С. 211.

²³⁴ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 195.

²³⁵ С работами польских историков автор этих строк, к сожалению, не знаком. – Прим. автора.

была свободна внешнеполитически от войн, и лозунги, которые поддержали большинство поляков, а также факт, что ряд польских генералов сохранили верность присяге Николаю I, за что были убиты восставшими – все это вызывает сомнения в смысле рациональности политических мотивов со стороны поляков. Здесь скорее видна рука сиятельного маркиза Шарля-Мориса де Талейрана, бывшего в то время министром иностранных дел у «короля баррикад» Луи-Филиппа. Произшедшая в 1830 году очередная буржуазно-демократическая революция во Франции вызвала негативную реакцию у Николая I. Поступил приказ по русской армии о подготовке к походу на Францию. В это время французские войска вели боевые действия в Бельгии против голландских войск. Для нового правительства Франции совсем некстати было возрождение антинаполеоновских коалиций и не исключено, что тайная французская дипломатия сыграла на традиционных польских симпатиях к Франции и антипатиях к России.

Военные действия в Польше шли в течение 1831 года. Имея численное превосходство, русские войска под командованием И.Ф. Паскевича разбили польскую армию и взяли в сентябре 1831 года Варшаву. А.С. Пушкин писал тогда в своем дневнике: «Варшава взята. 6 тысяч наших погибло. Паскевич ранен в бок. Поляки дрались отчаянно». Именно после этих событий классик французской литературы Оноре де Бальзак произнес свою знаменитую фразу: «Поляк – это судьба».

Все конституционные гарантии польской государственности были отменены, сохранились только частные и национально-культурные права: свобода вероисповедания, польский язык в суде и администрации, личные права граждан. Польская элита хорошо усвоила урок 1831 года. В 1846 году поляки российских и прусских владений не поддержали выступления в австрийской Польше тамошних польских националистов. Следует отметить действия в этом конфликте Габсбургов. Император Фердинанд VII, прозванный кстати «добрым», во-первых, послал подавлять восстание не немецкие части австрийской армии, а венгерские; во-вторых, через голову польских землевладельцев обратился к украинским крестьянам и разрешил последним забрать себе в частную собственность

землю тех польских дворян, которые участвовали в восстании. Отметим этот своеобразный ход социальной политики европейского венценосца.

В период общеевропейской революции 1848–1849 гг. в этнических польских землях только в прусской Познани были волнения, в остальных польских землях население в основном осталось верно своим монархам. Исключение составляют только польские офицеры 1831 года, служившие в иностранных армиях. В революционной Венгрии отличились Л. Дембинский, и особенно Ю. Бем; в революционной Италии – Л. Мирославский. В период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. польское общество, несомненно, сочувствовало союзникам – Франции и Англии, так сказать, морально, но не выступило против России не в какой-либо военизированной форме. Впрочем, участники антироссийской коалиции по этому вопросу с поляками никаких переговоров и не вели.

После воцарения «царя-освободителя» Александра II начинаются истории с польским национальным движением, отливающиеся детективным оттенком. В начале 1860 г. в Польше также происходили гражданские сходы и волнения, но они были для Польши традиционны, и российская имперская власть в духе своих поверхностных, косметических реформ провело в польских регионах некоторые изменения: были амнистированы участники восстания 1830–1831 гг., наместником Польши был назначен либеральный по своим убеждениям брат царя Константин Николаевич, начальником гражданского управления был назначен маркиз Велепольский, польский язык был введен в официальную переписку и поляки стали назначаться на официальные должности²³⁶. И вот в этих условиях, когда в польском обществе, при несомненном наличии сил националистического направления, мог появиться шанс того, чтобы польские демократические силы выступили одновременно с русскими, в январе 1863 года объявляется набор польских призывников в русскую армию, так называемая «бранка». Кто из имперских властей санкционировал эту провокацию, могут ответить секретные архивы III Отделения. Тем не менее в разных городах

---

²³⁶ См.: Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 280.

Польша были совершены нападения на русские гарнизоны и несколько сотен безоружных русских солдат были убиты. Моральная реакция русской армии была предсказуемой. На подавление восстания в Польше 1863 года были отправлены части из столичных гарнизонов, в которых сильны были «реформаторские» настроения. В составе же польских инсургентов впервые в русской истории сражались несколько политических противников российского императорского режима русского происхождения. Все это, косвенно правда, указывает на определенный контакт польских и русских оппозиционных кругов.

Здесь необходимо отметить, что само восстание 1863–1864 гг. началось в крайне неудобное время для восставших: и в сезонном плане – разгар зимы, и в плане его международной поддержки. Правительства Пруссии и Австрии, не испытывая симпатий к Российской империи, вместе с тем не желали, чтобы в их польских владениях вспыхнуло что-либо подобное. Правительства Англии и Франции были заняты событиями Гражданской войны в США 1861–1865 гг., готовясь признать Конфедерацию Южных Штатов воюющей стороной (*De facto*), а император Франции Наполеон III послал в 1862 году в Мексику экспедиционный корпус. Хуже придумать время для подъема восстания за национальную независимость для Польши не придумаешь. Западноевропейские державы ограничились дипломатическими нотами и журналистской риторикой по польскому вопросу. И в этот момент появляется уникальная по своей классовой, как бы сказали историки-марксисты, сущности социальная программа русского царизма по подавлению польского национального восстания. Вот как характеризуют ее русские историки-эмигранты: «...Правительство (царское – Д.К.) стремилось опереться на крестьянство в борьбе против польской шляхты... Все права польской шляхты на крестьянские повинности, а также вотчинная юрисдикция помещиков были отменены. Все земли, находившиеся в пользовании крестьян, были переданы в их полную собственность с некоторыми прирезками, и выкупная плата за отмененные повинности установлена весьма умеренная»²³⁷. Таким

---

²³⁷ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 243–244.

образом, царское правительство сознательно пошло на разорение своих «классовых» собратьев по социальному статусу – польских помещиков, ради как собственно ликвидации польского восстания, так и для демонстрации жаждующих демократических реформ русских дворян-демократов, что будет с ними в плане социально-экономическом, если будут продолжаться требования реформ. Офицеры – члены «Великорусса» не смогли пойти против присяги и за отделение от России одной из ее провинции. Надо отметить, что царская власть послала в Польшу комиссию для изучения крестьянского вопроса. Состав комиссии: Н.А. Милютин, В.А. Черкасский и Ю.Ф. Самарин. То есть либерал (Н.А. Милютин) и два славянофила. В своей работе в этой комиссии тот же Ю.Ф. Самарин, один из крупных идеологов славянофильства, резко отозвался о законах, в которых «...по его мнению, наглядно выразилась ничем не сдержанная забота о выгодах помещиков в ущерб крестьянам. Задача русской политики в земельном вопросе ясно вытекает из этого понимания прошлых судеб польского крестьянства. Правительство должно взять на себя наконец окончательную ликвидацию всей системы зависимых отношений крестьян к помещикам»²³⁸. Но позволительно задать, хоть и с явным опозданием, вопрос: «А почему подобная операция не могла быть применена к русскому крестьянству?». Здесь явно видится тот аспект общероссийской истории, который проходит мимо всех историков, связанных с тем или иным идеологическим ракурсом – марксистским, государственным или либерально-демократическим. Российская власть становится все больше как бы предметом себя в самом, по мере исторического развития. Любые социальные требования, даже если они исходят от имущих классов и касаются способов и методов управления государством, – воспринимаются как революционные и бунтовщические. Имперское правительство под угрозой второго декабристского заговора пошло на разорение – экономическое и социальное целой корпорации польских дворян, близких ей вроде бы социально. Но эта операция преследовала не только чисто политические цели – ликвидацию польского национального движе-

---

²³⁸ Нольде Борис. Юрий Самарин и его время. – М., 2003. – С. 181.

ния, но и продемонстрировало русскому дворянству, что имперское правительство и имперские чиновники не останутся даже перед осуществлением «революции сверху», с участием мужиков против барина, вроде бы столпа имперской России, если «барин» начнет требовать «свободы».

Польская же «интрига» закончилась подавлением восстания в 1864 году. Социальная же новация царского правительства с польским крестьянством стала хитро организованной политической игрой российских спецслужб – III Отделения по предотвращению нового декабристского заговора русской элиты. «Она создала здоровый и многочисленный крестьянский слой на крепкой экономической основе, предназначенный служить элементом равновесия общественных отношений в крае (Привислинском, как стали называть Польшу после 1864 года – Д.К.)... Она была огромным благом для польского народа, но благом этим воспользовалась Польша, а не Россия»²³⁹.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Бурные годы, насыщенные политическими событиями, заговорами, тайной работой спецслужб, надеждами, – все эти эпитеты автор относит к времени рубежа 1850–1860 гг., весь этот небольшой временной период, вобравший в себя огромное количество социально-политической энергии русского народа – это время прошло. Его можно справедливо назвать последней попыткой общества договориться с властью в России. Именно невозможность найти компромисс для дальнейшего социального и политического развития страны – именно компромисс, тем более, что он подразумевал социальное и политическое сотрудничество имперской власти России с образованными, преимущественно дворянскими по своему социальному происхождению кругами – именно отсутствие компромисса обозначило начало того пути, который привел Россию к социальной катастрофе первой четверти XX века.

Тем не менее представители имперской российской бюрократии, твердо придерживаясь принципа «В России правительство

---

²³⁹Нольде Борис. Юрий Самарин и его время. – М., 2003. – С. 187.

первый европеец» (в большинстве случаев этого принципа власть в России, вне зависимости от ее идеологического обрамления придерживается и по сей день), продолжили политику косметических реформ сверху. В январе 1864 года вышел закон «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», который многие историки считают отправной точкой возникновения в России местного самоуправления. Распространялся этот закон сначала на 34 губернии, в основном на нечерноземные, в которых в начале 1860 гг. был силен дух социального реформаторства. В каких же объемах социального действия официальная власть пошла навстречу обществу? Это видно из объема компетенций, которые были предоставлены новообразованному «земству»: «1) заведование земскими имуществами и капиталом; 2) устройство и содержание местных путей сообщения; 3) меры обеспечения народного продовольствия; 4) благотворительность и «попечение о построении церквей»; 5) страхование имущества; 6) «попечение о развитии местной торговли промышленности»; 7) участие, «преимущественно в хозяйственном отношении», в попечении о народном образовании и народном здравии» 8) участие в предупреждении эпизотий и охране растений от вредителей; 9) исполнение местных потребностей воинского и гражданского управления (например, подводная и постоянная повинность) и участие в почтовой повинности – доставка почты по деревням; 10) раскладка, взимание и расходование земских денежных сборов; 11) предоставление правительству сведений и ходатайств о местных пользах и нуждах; 12) выборы исполнительных органов земств. По уездам были образованы уездные земские собрания из уездных земских гласных (депутатов). Их каждые три года выбирали три разряда (курии) избирателей: 1) дворяне-землевладельцы с известным цензом. Обычно ценз составлял около 200 десятин. Мелкие землевладельцы выбирали уполномоченных в избирательное собрание, по одному на каждый полный ценз; 2) городские общества; 3) крестьянские общества. По всем земским губерниям число уездных земских гласных составляло

около 13 тыс. человек, в том числе 48% – от дворян, 40% – от крестьянских обществ и 12% – от городской курии»²⁴⁰. Столь продолжительная цитата из труда эмигрантского русского историка приведена для выяснения масштаба тех действий социального порядка, к которым власть имперской России готова была допустить российскую общественность. Получается по народной поговорке – «Возьми, боже, что мне не гоже». Земство должно было заниматься строительством дорог (историческая головная боль России), народной медициной и образованием, то есть тем, до чего у любой российской власти классически всегда не доходят руки. По мысли создателей реформы, подобная хозяйственная деятельность могла бы отвлечь энергичных представителей дворянства от политических дел, а в простом народе – крестьянстве и городских обывателях проявить гражданские чувства и самодеятельность. Из дворянских и городских гласных действительно через несколько десятков лет сформировалось то, что в начале XX века было принято называть «общественностью». Что же касается крестьянской общины, получившей наконец юридический статус, то ее представители ждали милостей и действий от царя, либо еще от какого-либо начальства. «Замкнутость общин приводила к тому, что крестьяне не интересовались выборами на волостном уровне, не несли ответственности, стремились уклониться от ее повседневного воспроизводства. Общественная служба рассматривалась как одна из форм тягостной повинности»²⁴¹.

В остальном политика реформ сверху продолжала свой механистический ход: Судебная реформа 1864 года, городская реформа 1868–1870 гг. Последняя в своих учреждениях являла собой почти полную компиляцию средневековых европейских городских муниципальных управлений из книги французского историка Ф. Гизо об истории цивилизаций. Реформа, с которой следовало бы начинать в первую очередь, исходя из исторических традиций России – военная, закончилась позже всех – в 1874 году и привнесла с собой определенные социальные издержки. Как отмечал сам Александр

---

²⁴⁰ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 245.

²⁴¹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 273.

II, «есть сильная оппозиция новому закону,.. а более всех кричат бабы». Подразумевались, конечно, не деревенские бабы, а придворные графини и княгини, которые никак не хотели примириться с мыслью, что их дети должны будут становиться в солдатские ряды вместе с деревенскими»²⁴². Здесь следует отметить, что военная реформа Александра II была одной из немногих реформ армии в мировой истории, которая дала положительный социальный результат: по ее положению льготы при прохождении службы получал призывник, имеющий более высокий образовательный ценз. Таким образом, данная военная реформа дала толчок к росту интереса к образованию.

Общественные события в 1860–1870 гг. в России не отличались особой событийностью, но как исключительное по своему социальному событию почти незамеченным прошло покушение Дмитрия Каракозова на царя Александра II в 1866 году. Впервые на царя покушались на убийство с политической целью. Это был как бы пролог той социальной драмы противостояния власти и общества, под знаком которой пройдет весь дальнейший период российской истории.

В 1874 году состоялось так называемое «Хождение в народ». Около 1500 революционеров разного социального происхождения отправились «культуртрегерами» в деревни, с целью «звать Русь к топору». Социальный результат от этого общественного действия оказался многоярусным. Во-первых, народ не внял аргументам пропагандистов и способствовал выдаче полиции не менее трети их состава. Этим народ, точнее крестьянство, снова показал свою традиционную царистскую систему ценностей. Но, во-вторых, перед властью с некоторой неожиданностью встал совершенно новый тип политического оппозиционера. Это уже были не дворянские интеллигенты европейского образца, привыкшие и хотевшие легальных форм социального действия. Это были профессиональные революционеры, чей социальный приоритет лучше всего характеризует так называемый «Катехизис революционера», гласивший: «У революционера нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств,

---

²⁴² Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 254.

ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией... Он презирает и ненавидит нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»²⁴³. Данный свод моральных правил дает яркую иллюстрацию тех сдвигов в социальном мышлении части российского общества, который привел к торжеству большевизма. Открытая пропаганда человеконенавистничества, о которой мудро предсказал Ф.М. Достоевский в своих «Бесах», ярко показывала перспективы исторического развития России и очерчивала те социальные силы, которые должны были возглавить новый русский бунт.

Нельзя сказать, что данная политическая метаморфоза не прошла бесследно мимо спецслужб царской России. Агитационная акция «народников» в крестьянской среде была разгромлена. Однако появление группы лиц, социальная принадлежность которых была размыта и даже антисоциальна, вызвала определенную растерянность властей. Борьба с подобным явлением не вписывалась в рамки традиционных форм противодействия власти оппозиционным течениям. Императорская Россия столкнулась с тем, что Л.Н. Гумилев называл «антисистемой». Это были модернизированные еретические секты или учения, на манер богомилов или катаров. Цель подобных сект – уничтожение существующего порядка вообще, без демонстрации каких-либо картин будущего социального устройства. Начавшийся в 1870 г. процесс пропаганды в России марксизма вылился в превращение последнего в одну из разновидностей подобных сект. Отсутствие четкого социального лица у революционеров, их стремление уничтожить весь порядок управления царской России «до основания, а затем построить новый мир» без достаточно четких систем моделирования будущего социального устройства – вот результат того процесса, основу которого дал отказ царского режима в существовании легальной поли-

---

²⁴³ Цит. по: Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 279.

тической оппозиции, лишило страну возможностей многовариантного социального переустройства. Консервация крестьянской общины, разорение и социальная деградация дворянства, недостаточная картина самоидентификации русской буржуазии, при неменяющейся системе самодержавного управления – все это вместе взятое двигало Россию к системному социальному кризису.

Препятствовать этому процессу решено было классическими методами – удачной войной. В самом деле, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. по своим внешним результатам была более-менее успешной для царской России. Но в ходе войны выявились социальные язвы режима. Во-первых, военная реформа не дала 100% эффективного результата, а сравнительно боеспособная турецкая армия в ряде случаев смогла оказать упорное сопротивление (например, длительная осада русскими войсками Плевны). В ходе войны сказалась застарелая социальная болезнь русской армии: нежелание дать ход для служебного продвижения талантливым генералам. Известному русскому генералу А. Скобелеву приходилось не столько яростно воевать с турками, сколько героически преодолевать препоны царской военной квартиры, и не столько английский флот помешал русским войскам войти в Константинополь, сколько царская ставка не дала Скобелеву возможности ворваться в город. Низшие армейские круги, боевые офицеры были весьма недовольны «царской камарильей», помешавшей им с триумфом войти в город – колыбель православия. В 1878 году в Берлине на дипломатическом конгрессе «честный маклер» канцлер Германии Отто Бисмарк нанес российской дипломатии поражение, вдвое урезав результат российских завоеваний на Балканах и в азиатской Турции. Формально король Пруссии, император Германии Вильгельм I приходился дядей императору всероссийскому Александру II. Этот «родственный дипломатический суд» вызвал бурю возмущения в русском обществе. «В 1878 г. на банкете Славянского благотворительного общества Иван Аксаков осудил решения Берлинского конгресса. Он назвал его «открытым заговором против русского народа, в котором приняли участие сами русские»²⁴⁴.

---

²⁴⁴ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – В 2 кн. Кн. I. – М., 2003. – С. 401.

В результате этой внешнеполитической комбинации в стране вновь оживились оппозиционные силы, причем различной политической направленности. Снова сформировалось конституционное движение, основой которого стали земские деятели из Тверской и Харьковских губерний, во главе которых стояли будущие создатели конституционно-демократической партии России (например, И. Петрункевич). Славянофилы, слабые по численности, но имевшие известных и опытных пропагандистов, начали усиленную агитацию за создание «русского правительства». Однако главными оппозиционерами стали бывшие «народники», создавшие к 1879 году группу террористов, назвавших себя «Народная воля». В период 1878–1880 гг. эти новые «смертники-ассасины», совершили несколько покушений и убийств представителей власти – тяжело ранен петербургский губернатор Ф.Ф. Трепов, убит начальник жандармского корпуса Н.В. Мезенцев, убит харьковский губернатор, а 5 февраля 1880 года совершено покушение на самого царя в Зимнем дворце. Перед подобным образом действий оппозиции растерялась как сама государственная машина, так и большая часть русского общества. Объяснения, каковы социальные истоки этого нового политического явления для России – терроризма, не были даны. Общество, государственные институты на рубеже 1870–1880 гг. были объаты паникой. Современники оценивали этот внезапный общественный ступор следующим образом: «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая паника, какая овладела в России в конце семидесятых годов и в восьмидесятом. Во всей России все замekli в клубах, в гостиных, на улицах, на базарах. И как в провинции, так и в Петербурге все ждали чего-то неизвестного, но ужасного, никто не был уверен в завтрашнем дне»²⁴⁵.

В этих условиях всем надоевший Александр II неожиданно решился на нестандартный управленческий шаг. Было объявлено о так называемой «диктатуре сердца». Под этим словосочетанием понималась учрежденная 12 февраля 1880 года «Верховная распо-

---

²⁴⁵ Плансон, А. А. Былое и настоящее / А. А. Плансон. – СПб., 1905. – С. 261–262.

рядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия», во главе которой был поставлен отличившийся в 1877 году на Кавказе генерал граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. В его подчинение перевели все министерства, ведомства, включая III отделение. Последнее, впрочем, было ликвидировано летом 1880 года, а его кадры переданы в МВД. Этот акт стал для новоявленного диктатора и его венценосного покровителя роковым. Впрочем, по мнению российских историков, «...программа диктатора внесла новую струю в царство застоя и растерянности правительства. С одной стороны, она предусматривала подавление революционно-террористического движения суровыми репрессивными мерами. С другой – примирение и единение правительства с «благомыслящими» кругами общества. Это предполагалось сделать с помощью защиты их прав и интересов от незаконных и стеснительных действий администрации и проведения ряда реформ»²⁴⁶. В данном случае явно видно, что верховная власть России, пусть и частично, но усвоила социальный урок «народничества» и посчитала для себя более приемлемым иметь дело с официальной оппозицией, с которой ее связывают общие социальные нити.

Еще одна из причин наступления «диктатуры сердца», как прозвали деятельность Лорис-Меликова современники, лежит в субъективных обстоятельствах. В условиях абсолютной, а в России самодержавной монархии личная жизнь монарха становится не его частным делом, а обстоятельством политическим. Также произошло и с Александром II. После смерти его любимого сына, великого князя Николая, от туберкулеза в 1865 году и покушения Д. Каракозова в 1866 году у венценосного монарха наступил тот жизненный период, которые психологи именуют «кризисом среднего возраста». Преодолевал этот кризис самодержавный монарх классически, с помощью княгини Юлии Долгорукой, которая была моложе Александра II на 28 лет. Этот классический адюльтер не был бы интересен историкам, если бы не некоторые объективные и субъек-

---

²⁴⁶ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 289.

ективные обстоятельства. В российской исторической науке совершенно не исследуется тот факт российского общественного мнения XIX века, как требования общества, чтобы наследник российской короны женился на русской по происхождению женщине. Российские императоры получали себе жен в основном из немецких аристократических семей, которые потом принимали православие. От княгини Ю. Долгорукой у царя Александра II было трое детей, причем один мальчик, князь Георгий. Играя со своими внебрачными детьми, венценосный родитель часто рассуждал вслух, что неплохо бы иметь на престоле России царя «с русской кровью». После смерти своей законной супруги в 1880 году император Александр II тайно женился в Крыму на Ю. Долгорукой, дав ей титул княгини Юрьевской. Помимо матримониальных обстоятельств, Александра II беспокоили перспективы его династии. Наследник-цесаревич, великий князь Александр (будущий император Александр III), в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. показал свою полную бездарность как военный командир. Находящийся под его командой так называемый «Рушукский отряд» почти всю войну простоял на одних и тех же позициях, пока его командир усиленно уничтожал с сабутыльниками болгарские вина и водку ракию. В конце 1880 года в разговорах императора Александра II и графа Лорис-Меликова возник вопрос о возможности официального брака самого Александра II с княгиней Юрьевской-Долгоруковой и признания их общего сына Георгия наследником российского престола. Великий князь Александр планировался на царский престол в освобожденной Болгарии.

В начале 1881 года Лорис-Меликов представил проект о расширении членов Государственного совета, вводом в него до 15 человек из представителей земств. Если проект не получил бы одобрения действующего Государственного совета, то Александр II подумывал о созыве Земского собора как для решения задач государственного управления, так и своих запутанных матримониальных дел. Взрыв 1 марта 1881 года прервал и жизнь царя Александра II, и его противоречивые реформы. Обстоятельства этого политического убийства полностью не раскрыты до сих пор. Мемуары княгини Юрьевской и графа Лорис-Меликова не известны широкой

публике. В России этим «темным делом» (по ставшим нарицательным выражению Оноре де Бальзака) не занимаются профессиональные историки, а предоставляют возможность для мистических рассуждений на эту тему по телевидению театральному деятелю Эдварду Радзинскому. Станным выглядит поведение полиции Петербурга, арестовавшей 27 февраля 1881 года организатора заговора против царя А. Желябова и не предпринявшей никаких мер для обеспечения охраны императора.

После убийства «царя-освободителя» царская полиция проявила максимум энергии, в течение достаточного короткого времени ликвидировав группы «народовольцев». Глава политической полиции Г.П. Судейкин «... завербовал в агенты члена военной организации «Народной воли» С.П. Дегаева... В феврале 1883 г. Дегаев выдал охранке Веру Фигнер, возглавлявшую организацию народолюбцев. В следующие полгода сдал тайной полиции практически всю военную организацию «Народной воли». Оставшиеся народолюбцы обвинили Дегаева в предательстве, но обещали сохранить ему жизнь, если он организует убийство Судейкина. 16 декабря 1883 г. Дегаев с помощью двух народолюбцев в своей петербургской квартире убил шефа охранки Судейкина и уехал сначала в Канаду, а затем в США, где стал профессором математики под именем А. Пелл»²⁴⁷. Так, в рамках классического русского сумбура и неурядицы закончился первый этап борьбы революционеров с российской властью. Любопытно, что в этот же период министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев инициировал создание так называемой «Священной дружины», нечто вроде будущих «эскадронов смерти»; целью данной организации была защита престола и основ монархического строя в России. Но даже подобная организация не получила развития в своей деятельности. Огромная масса высшей имперской бюрократии и целое сонмище всевозможных князей и немецких герцогов и принцев, скопившееся вокруг российского императорского престола, не только фактически помогли террористам убить законного государя, стремящегося, хоть и непосредственно, к каким-либо социальным изменениям в стране и к

---

²⁴⁷ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 295.

простому человеческому счастью. Данная группа, которую принято в историографии называть «придворная камарилья», не давала возможности для инициативы даже охранительным тенденциям в русском обществе, став, по сути, своеобразной социальной группой в стране, целью которой была блокада любых начинаний по модернизации социального строя России.

После убийства Александра II, в период царствования Александра III и в начале правления Николая II Россия медленно проходила путь социальной трансформации. Долгий путь длительной временной протяженности (по терминологии французского историка Ф. Броделя) позволял России постепенно, развиваясь в качестве особого «мира – экономики», имеющим тенденцию «организовываться в стороне от Европы», усиливать свое экономическое развитие²⁴⁸. Этому процессу объективно способствовало активное строительство в России железных дорог, по темпам которого Россия вышла на второе место после США. Хотя необходимость их строительства и географическая направленность связаны были в первую очередь с военными целями и необходимостью связать отдаленные районы империи для удобства управления, объективно этот процесс привел к усилению роста городов в империи и подъему капиталистических форм хозяйствования. Капитализм, по В. Зомбарту, начинается там, где проявляется «капиталистический дух», где то, что прежде было средством к жизни – сельское хозяйство, ремесло, торговля, становится средством добывать деньги²⁴⁹. Именно развитие городов, торговли, посредством распространения средств связи привели к постепенному изменению социального лица России. Городское купечество, бывшее только группой населения, специализировавшегося на обмене товаров, постепенно становится буржуазией, вкладывая деньги в развитие крупного промышленного производства. Большую роль в капиталистическом развитии экономики страны сыграла финансовая реформа

---

²⁴⁸ См.: Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – В 3 т. – М., 2007.

²⁴⁹ См.: Зомбарт, В. Современный капитализм / В. Зомбарт. – Т. 1. Генезис современного капитализма; Т. 2. Теория капиталистического развития. – М., 1905.

С.Ю. Витте, сделавшая российскую валюту конвертируемой, посредством введения в 1897–1898 гг. золотого стандарта рубля. Но опять же специфика России заключалась в том, что заказчиком продукции этого крупного производства в России выступало государство (военные заводы, железнодорожное строительство, одежда и снаряжение для армии и флота, военно-морские суда). Собственно внутренний, потребительский рынок был еще очень слаб. К 1900 году в социальном плане Россия оставалась все еще крестьянской страной: 80% населения были крестьяне, 16% было горожан, дворянство и чиновничество составляли 4% населения. В такой транскрипции не только капитализм развивался вширь, а не вглубь, но и цивилизационные процессы захватывали в основном только городское население. Как отмечали европейские исследователи истории России, «...все общество стало медленно двигаться от патриархальной структуры с ее родовыми пережитками, сословиями, государственной службой и традиционной крестьянской культурой, где церковь играла первостепенную роль, к более современной модели, основанной на нуклеарной семье, мобильных социальных классах, экономической эффективности и урбанизированной коммерческой культуре, в которой церковь находилась уже на периферии. Как и в европейских странах, происходило разделение между семьей и трудовой деятельностью. Дом перестал быть оплотом экономического производства, постепенно превращаясь в средоточие личной жизни и отдыха людей после тяжелого рабочего дня. Таким образом, в стране стала формироваться частная жизнь – понятие, которое еще не нашло своего места в русском языке»²⁵⁰. Однако такие социально-культурные процессы проходили только в городах, особенно в Санкт-Петербурге и Москве. Русское крестьянство жило по-другому и его социальное сознание оставалось примитивным. «В деревне бытовало совершенно особое отношение к собственности на землю, объяснявшееся общинным укладом. По этому поводу Витте замечал, что «горе той стране, которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное

---

²⁵⁰ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. 2. – М., 2003. – С. 17.

владение». У крестьян было твердое убеждение, что земля не должна принадлежать никому, будучи не предметом собственности, а скорее изначальной данностью их окружения, подобно воздуху, воде, деревьям, солнцу»²⁵¹. Земельное законодательство вызывало в среде русского крестьянина стойкое неприятие. Как отмечали наблюдатели в начале XX века, «...мужик не знает «законов»: он уважает только какой-то божий закон»²⁵². Крестьянское мировоззрение к началу XX века не смогло соотнести свое мировосприятие и с таким цивилизационным понятием, как культура. В 1906 году на заседаниях первой Государственной Думы крестьянские депутаты говорили о том, что «культура – дело барское»²⁵³.

В этих сложнейших исторических условиях, когда в стране существовали несколько не просто социальных групп, но и различные уклады хозяйствования и культурного восприятия действительности, администрация имперской России продолжала управлять старыми административными методами, блокируя любые попытки укреплявшейся численно и интеллектуально российской обществу инициировать хоть какие-то подвижки социального характера. «В 1890–1892 гг. участие в земских и городских выборах было резко ограничено в пользу крупных помещиков и буржуазии. Губернаторы получили больше прав для отклонения решений местных правительственных собраний и внесения изменений в них. Попытка...подчинить земства и городские советы Министерству внутренних дел не удалась, но «самоуправление» в первоначальном значении этого понятия было ограничено»²⁵⁴.

Таким образом, к началу XX века Россия подошла с массой нерешенных социально-политических проблем, старой системой управления и очень динамично развивающимся капитализмом. По-

---

²⁵¹ Верт Николая. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; пер. с фр. – М., 2000. – С. 17.

²⁵² Энгельгардт, А. Н. Из деревни / А. Н. Энгельгардт. – М., 1987. – С. 109.

²⁵³ См.: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 288.

²⁵⁴ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 405.

добная гремучая смесь не могла не прорваться той или иной формой социального взрыва. Нельзя сказать, что этого в России того периода никто не понимал. Начальник московского охранного отделения С.В. Зубатов, сам из бывших революционеров, прекрасно понимал ту социальную опасность, которую несла стране революционная «антисистема». Им были внедрены провокаторы в различные революционные группы. Самое главное – С.В. Зубатов на несколько десятилетий предвосхитил систему западноевропейской социал-демократии, начав политику своего рода «экономического социализма». Провокаторы царской охраны сами создавали рабочие организации, которые проводили многочисленные акции против предпринимателей с экономическими требованиями. Таким образом, царская охранка продолжила традиции III Отделения по самостоятельной политической игре в рамках социального противостояния в Российской империи. При этом царские «филеры» и контрагенты явно заигрывались в ходе многочисленных террористических актов, и не всегда были ясны политические цели самой охраны.

Сам событийный ход Революции 1905–1907 гг. достаточно известен. К началу революции в российском революционном движении обозначились несколько самостоятельных «антисистем»: большевиков, эсеров-террористов и частично склонных к контакту с буржуазными демократами меньшевиков. Вся социальная трагедия последних свелась к тому, что этих буржуазных демократов не видно было до манифеста 17 октября 1905 года. Отсутствие возможностей для легальной работы – главная проблема любого социального объединения европейского типа, а именно подобные препятствия ставила царская администрация. И все это в условиях нарастающего социального хаоса, который только объективными причинами имел мировой экономический кризис начала XX века и проигрыш Россией Русско-японской войны. Поп Гапон, поведший рабочих Петербурга к Зимнему дворцу, был бывший зубатовец, только после расстрела рабочего шествия примкнувший к социалистам-революционерам (эсерам). Начало революции, социального взрыва было обозначено крестьянским движением за передел барской земли, начавшимся еще в 1902 году и ознаменовавшимся варварскими разграблениями дворянских имений. Грабили крестьяне

дворян всем «миром», с «эгалитаристскими» формами дележа имущества, и даже оставляли несопротивлявшимся хозяевам часть их бывшего имущества, исходя из все тех же уравнилельных тенденций. При этом, как показали исследования российских историков, распределение земли к 1905 году в России привело к тому, что крестьянским надельным участкам принадлежало 68% земли, а дворянам 22% (без Сибири)²⁵⁵. Таким образом, налицо явное количественное преимущество крестьянского землевладения. Конечно, каждому в отдельности крестьянину, имеющему гораздо меньший надел, чем дворянин-помещик, кажется, что если он отберет у «барина» землю, то его владения увеличатся. Этот оптический обман соседствовал с общинным землевладением и общинным укладом жизни, в котором активному, хорошо работающему крестьянину не было возможности развернуть свое дело. Пресловутые «кулаки» на начало XX века были скорее нечто вроде компрадорской прослойки между основной массой крестьянства, и администрацией крестьянской общины (старосты, писари, всевозможные прихлебатели и связные с «властью», то есть жандармским приставом и капитан-исправником).

Политические события русской Революции 1905–1907 гг. в данном случае нет надобности освещать из-за их фактической известности. Автор данных строк хотел бы остановиться только на некоторых деталях, скрытых и скрывааемых из-за политической и иной конъюнктуры. Аграрный вопрос не был решен административно, крестьяне скопом, общиной должны были платить налоги и выкупные платежи за 1861 год. Здесь виден прежде всего не только политический, но и чисто административный просчет царской власти, на который, естественно успешно, наложился революционный пропагандистский эффект. Революционные выступления рабочих в первую русскую революцию носили точечный характер, лишь в центре страны. Главным было общее антиправительственное настроение всего российского общества, отрицательное отношение к личности царя и горечь военного поражения от Японии. Здесь

---

²⁵⁵ См.: Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 331.

следует отметить, что из революционных партий весь 1905 год активно действовали эсеры и в меньшей степени меньшевики. В.И. Ленин появился в России только в ноябре 1905 года и сразу начал провоцировать вооруженное выступление. Эти действия «вождя» плохо вязались не только с основными постулатами марксизма – сначала должна произойти буржуазная революция, а уж затем социалистическая, но и с логикой местной политической ситуации. Манифест 17 октября 1905 года провозгласил основные политические свободы в стране, а затем и выборы в Государственную Думу. В этих великолепных с точки зрения политических условий для легальной политической борьбы Ленин отдает приказ о вооруженном восстании в Москве, на Пресне, в декабре 1905 года. Тогда это решение большинство политиков назвали политическим самоубийством (помимо просто моральных оценок действий самого Ленина и большевиков). С точки зрения здоровой социальной логики начинать восстание, когда все социальные группы в стране настроены против царского режима и есть шанс продвинуть страну по пути прогресса и развития, – это полный абсурд. Но в том то и дело, что политическая группа Ленина была сектантской, это была классическая «антисистема», для которой любое видоизменение социальной системы противной стороны, даже ситуационно выгодное для развития самой «антисистемы», ненавистно, поскольку определяет путь развития России по скрижалям европейской демократии, а не по псевдомарксистским схемам вольного толкователя Маркса – Ленина В.И. Поэтому «пролетарский вождь» отдал приказ о восстании не только авантюристически надеясь на его возможный благоприятный исход, но и стратегически предвидя, что сам факт восстания против власти и его подавления армией придаст дополнительный импульс политической реакции в России. Таким образом, реакционные круги перейдут в наступление не только и не столько против большевиков, сколько против политических конкурентов В.И. Ленина. Враги сами уничтожают друг друга. В отношении же новой «революционной ситуации» можно и подождать какое-то время. Вообще, революционность 1905 года как всероссийский политический феномен ставила под сомнение сама марксистская историография. Первый коммунистический историк М.Н. Покровский писал, что «нет никакого сомнения, что если бы московские и

ряда других центров рабочие не выступили в декабре с оружием в руках, говорить о 1905 годе было бы очень трудно»²⁵⁶.

В 1906–1907 гг. буржуазно-либеральный лагерь российской общности, опьяненный революционным угаром и появлением парламента, весь отдался процессу политической возни вокруг Государственной Думы, по-прежнему надеясь на использование левых, псевдосоциалистических революционных «антисистем», как на одну из форм давления на правительство. В то же время 1906 году, в разгар революционных волнений, высшая власть царской России решилась на свой последний социальный эксперимент. Пришедший к управлению Россией П.А. Столыпин, с точки зрения буржуазно-демократических и социалистических кругов – реакционер, мыслил творчески, социально перспективно. Во-первых, новый премьер-министр вопрос революционных волнений решил технически – уничтожив в течение года более тысячи революционных террористов, что привело к затуханию революционных эксцессов. Косвенно этот результат показал, что революционная борьба в России имеет под собой весьма слабый социальный подтекст, являясь делом идейных мечтателей и мистиков. Главная же проблема относительного успеха революционной пропаганды, которая выступала не как система жизненного переустройства, а как форма выражения недовольства правительством, эта проблема заключалась в социальных приоритетах русского крестьянства. Таковым было всеобщее социальное, материальное равенство. Русская община – здесь автор понимает не только крестьянскую общину, но и русскую общину как форму национального менталитета, самоидентификации – своим социальным приоритетом понимала не научный социализм Маркса и Энгельса, а эгалитаризм, уравнивание, в первую очередь во владении землей. Ярко иллюстрирует это социальное мировоззрение крестьян, в начале XX века составлявших 80% населения России, наказ крестьянскому депутату Государственной Думы, периода 1906–1907 гг. крестьян села Ежевки Нижегородской губернии. «Чтобы поднять экономическое положение крестьян и установить правду и справедливость на

---

²⁵⁶ Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – М., 1930. – С. 405.

земле, вывести нас, крестьян из столь тяжелого положения, необходимо добиться, чтобы земля стала общим достоянием всех трудящихся, чтобы каждый имел возможность иметь столько земли, сколько он может обработать своей семьей без найма рабочих... Земля должна принадлежать обществам, а не отдельным лицам и находится в пользовании бесплатно»²⁵⁷. Здесь ясна социально-политическая линия крестьянства – создание какого-то божьего царства на Земле, «Беловодья», где все живут в мире и справедливости, а Царь является гарантом гражданского спокойствия и порядка. При этом экономическое развитие, рост прибыльности самого хозяйства является вторичным, если не третичным аспектом. Любой крестьянин, желавший выделиться как способом ведения хозяйства, так и бытовым поведением, подвергался общественному ostracismu. Причем социальным союзником этого крестьянского эгалитаризма часто становилась сама российская власть. Например, в 1893 году был издан закон, который запрещал выход из крестьянской общины тем хозяевам, которые досрочно погасили (персонально за свою семью) выкупные платежи за 1861 год²⁵⁸. Именно категорическое и в чем-то психологически необъяснимое для представителей народившейся в России к тому времени городской культуры нежелание большинства русских крестьян богатеть приводило страну к ситуации социального коллапса. Об этом говорил сменщик П.А. Столыпина на посту Саратовского губернатора в 1907 году: «Существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не останавливаться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного строя... Нельзя сказать, чтобы он его любил; он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. У русского крестьянина страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни

²⁵⁷ Цит. по: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 297–298.

²⁵⁸ Там же. С. 299.

должны быть принижены к пониманию и стремлению худшего инертного большинства»²⁵⁹. Именно блокирование социальной инициативы в рядах наиболее многочисленной социальной группы России начала XX века – в среде крестьянства и решил прорвать своими реформами П.А. Столыпин.

Политическим фоном крестьянской реформы П.А. Столыпина была, несомненно, борьба с революционными агитаторами, по-прежнему «звавшими Русь к топору». Правда, крестьяне использовали в своих целях агитаторов, чтобы только захватить землю, но дальше не строить «город солнца»; и сами агитаторы хотели, чтобы крестьянское движение расшатало правительство. Эта «святая ложь» борцов с самодержавием не давала возможности окончательно свалить страну в пучину социальной анархии. Сам П.А. Столыпин, окончивший Санкт-Петербургский политехнический институт, где был одним из любимых учеников Д.И. Менделеева, действовал в рамках европейской юридической социальной практики. Сначала в августе 1906 года были изданы государственные указы о передаче крестьянскому поземельному банку казенных и удельных земель, для последующей продажи их крестьянам, с целью избежать попадания этого процесса в руки земельных спекулянтов. Затем в сентябре 1906 года так называемые «Кабинетные земли» в Горно-Алтайском округе, находящиеся в личном владении царской семьи, были переданы для нарезания на них участков для будущих переселенцев в распоряжение правительства. В октябре 1906 года был издан указ об уравнивании крестьян во всех правах с другими сословиями Российской империи. Это государственное распоряжение, окончательно поставившее точку в вопросе о крепостной зависимости крестьян и наделении их гражданскими правами, прошло мимо российских исследователей истории отечества. Наконец, сам указ 6 ноября 1906 года о праве выхода крестьян из общины с принадлежавшим ему земельным участком. Данный акт государственного действия, пожалуй, впервые ярко соответствующий тезису о том, что «в России правительство первый европеец», подвергался на протяжении более чем 100 лет различным

---

²⁵⁹ Цит. по: Крестьянское движение в России. 1907–1914 гг. – М.; Л., 1966. С. 304–305.

политическим и социальным трактовкам. Главная же социальная направленность этого указа П.А. Столыпина – создать в России крупную социальную группу собственников, прообраз среднего класса, а в перспективе и русской национальной буржуазии – все это уходит на второй план перед описанием различных событийных моментов, сопутствующих принятию и обсуждению этого закона. Его социальный смысл сам П.А. Столыпин достаточно четко сформулировал в своем выступлении в Государственной Думе 5 декабря 1908 года. Премьер-министр России заявил: «Мелкая семейная община будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина. Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 000000 населения горькою неволею? Нельзя, господа, составлять законы, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нельзя составлять общий закон ради исключительного, уродливого явления... Когда мы пишем законы для всей страны, необходимо иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. Правительство, проводя закон 9 ноября, ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных – таких сильных людей в России большинство»²⁶⁰. То есть социальную опору для политического режима будущей России П.А. Столыпин видел в широких массах мелкой сельской буржуазии, которая должна была стать новой социальной стратой русского общества. Причем раздел и передел помещичьей земли не могли решить вопроса о наделении всех крестьян земельными участками на каждого человека в крестьянской семье. Всего по всей России «...в наличии было 40 млн, но требовалось 200 млн десятин. Спор о величине «прирезок» разрешился в 1918 г. После раздела помещичьих земель крестьянское землевладение увеличилось лишь на 0,4 десятины на человека. Уже в 1922 г. советские аграрные деятели откровенно признали, что «лозунг захвата земли и уравнительного раздела являлся, так сказать, техническим приемом революционирования деревни» и не мог существенно улучшить положение крестьян»²⁶¹.

---

²⁶⁰ Цит. по: Пушкарев, С. Г. Россия 1801 – 1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 414.

²⁶¹ Там же. С. 416.

С точки зрения экономического развития столыпинские реформы резко усилили не только сельское хозяйство России, но и дали толчок развитию промышленности. В начале XX века в России 57% предприятий и 58% рабочих размещались в сельской местности²⁶². Именно сельский производитель, по мысли П.А. Столыпина, должен был стать тем основным звеном, который бы вытянул всю страну на новую ступень социально-политического развития. Но эта деятельность правительства, прогрессивная, действительно «европейская» по смыслу стремления направить вектор социального и политического развития страны, встретила мощное сопротивление в обществе, и отнюдь не со стороны разгромленных к тому времени революционных «антисистем». Традиционное в своей массе русское крестьянство власть, в лице П.А. Столыпина и его команды, направляла в сторону рыночных отношений. Крестьянство же сопротивлялось не эксплуатации его кулаками, а против ликвидации в крестьянской среде древних уравнилельных идеалов. Со стороны же все тех же древних традиций всевластия околотворных кругов в системе управления страной выступили ультраправые силы России. Представлены они были всякого рода взяточниками и проходимцами, которых П.А. Столыпин не допустил к распределению земельных участков и продаже сельскохозяйственных угодий. На авансцену этих сил выступили всякого рода экстрасенсы и колдуны, группировавшиеся вокруг императрицы, жены Николая II, и где наиболее ярким представителем был Григорий Распутин. Именно эти силы организовали убийство премьер-министра России в Киеве в сентябре 1911 года, с молчаливого согласия монарха, фигуру которого явно закрывал такой крупный государственный деятель, как П.А. Столыпин. Последний шанс дать стране толчок к новым вехам социального развития был упущен. Россия катилась к системному кризису и новому Смутному времени.

---

²⁶² Погожев, А. В. Учет численности и состав рабочих России / А. В. Погожев. – СПб., 1906. – С. 51.

СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА РОССИИ – ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК НОВОЕ СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Несмотря на все попытки современных околополитических историков принизить роль Гражданской войны 1917–1922 гг. как фактора, изменившего все течение исторического развития России, – этот исторический период остается самодавяющим во всех аспектах исторического развития страны, в том числе и социальном. Именно эти события изменили социальный, политический и экономический облик страны. Были ли эти события неизбежны на историческом пути России? Об этом российские власти предупреждали целых 100 лет представители различных политических направлений общественной жизни страны. Но социальная слепота не только самодержавного властителя Николая II, но и его окружения, подбираемого не по деловым качествам, а по степени угодливости, привела Россию к катастрофе.

Кто воевал в России между собой в Гражданскую войну? Белые, красные, зеленые, анархисты, националисты и просто разного рода бандиты, состоявшие из деклассированных элементов. Марксистская историография делит их на эксплуататоров и эксплуатируемых, но при ближайшем рассмотрении видится более мозаичная картина.

В задачу автора этих строк не входит анализ событийного хода Гражданской войны. Причины поражений Белого движения и победы красных (большевиков), как и ликвидации различных других политических движений тоталитарной большевистской диктатурой, достаточно хорошо описаны другими историками различной политической направленности. Однако автор не откажет себе в желании напомнить участникам продолжающейся до сих пор дискуссии о военных событиях Гражданской войны старую пословицу – «Темнее всего под фонарем». Большинство историков, даже небольшая часть марксистской, коммунистической направленности признает (последние сквозь зубы), что белогвардейцы, основную массу которых составляли профессиональные военные – офицеры и казаки, в военном отношении были лучше подготовлены, чем красные. Закидывание белогвардейцев трупами мобилизованных в

ходе военных действий крестьян (что стало визитной карточкой военного искусства советского образца), а также затягивание командованием Красной армии боевых операций до поздней осени и зимы, с последующим общим наступлением, в ходе которого белогвардейцы лишались своего преимущества в технике и мобильности, – это, на взгляд автора, является главной военной причиной поражения Белого движения. Относительная малочисленность белогвардейцев даже в 1920 году не мешала Белой Армии одерживать военные победы. Не хватило у лидеров Белого движения политической и чисто человеческой выдержки продержаться в Крыму до весны 1921 года, когда по всей России пошли антибольшевистские восстания.

В социальном плане гражданскую войну в России 1917–1922 гг. вели два социальных меньшинства: интернациональные национальные группы вместе с сектантскими объединениями формально-социалистического толка с одной стороны; русская патриотическая часть образованного общества в лице русского фронтового офицерства и основная масса русского казачества – с другой. Группы так называемых «социалистов» разного политического разлива представляли собой деклассированные элементы. «Надежда Крупская хорошо описала образ мышления эмигрантов-революционеров, считавших себя гражданами некоей собственной республики. Потеряв дом, семью, родину, они подчинялись только своим собственным законам, особому кодексу чести революционеров, ритуалу своих собраний. Между ними существовала строгая иерархия, с собственными ренегатами и отщепенцами, и каждый из них действовал в соответствии с той идеологией, которую он исповедовал»²⁶³. Именно эти группы пришли к управлению страной в результате событий февраля и октября 1917 года. К ним примыкали многочисленные «инородцы», как тогда в России называли нерусские народности. Основную массу административных кадров новой власти составляли евреи, частично представители народностей национальных окраин России (особенно латыши и эстонцы), а также китайцы и пленные из стран – участниц Первой мировой

---

²⁶³ Верт Николая. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; пер с фр. – М., 2000. – С. 56.

войны, так называемых Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия). В ряде случаев большевики из этого своеобразного иностранного легиона создавали целые воинские подразделения на фронтах Гражданской войны. «...Большевики для решения «внутренних» вопросов широко использовали иностранные войска, наемников – латышей, китайцев, отряды из бывших немецких и венгерских пленных... В Сибири, на Урале в белогвардейских боевых донесениях часто пишется о «германо-большевистских» войсках. А на некоторых участках... в боях против казаков и чехов, такие «интернационалисты» составляли подавляющее большинство красных сил»²⁶⁴. Представители так называемой государственно-националистической русской школы историков много и часто пишут о демонической, решающей роли еврейского этнического фактора в большевистском движении, смакуя количество евреев в руководящих органах большевистской партии, а затем Советского государства. Здесь следует отметить, что действительно революционеры-евреи играли часто роль цементирующего фактора в традиционно разгильдяйских массах деклассированного русского этнического элемента, пошедшего за большевиками – в силу большей образованности и организованности, свойственной евреям. Тот же Троцкий-Бронштейн сыграл решающую роль организатора РККА – большевистской Красной Армии. Но при рассмотрении биографий этих довольно многочисленных групп еврейских революционеров можно отметить, что они все были выходцами из антисоциальных слоев еврейской общины России. Их выгнали из своего социального круга сами евреи и эти группы евреев-изгоев логически присоединились к общероссийским революционерам, стремившимся изменить всю социальную структуру Российского государства, в том числе и жизнь российской еврейской общины²⁶⁵.

Противостоящая большевикам вторая социальная группа российского общества была национально более однородна, что позволяет некоторым исследователям считать белогвардейское движе-

---

²⁶⁴ Шамбаров В. Е. Белогвардейщина / В. Е. Шамбаров. – М. 2004. – С. 186–187.

²⁶⁵ Подробнее о роли евреев в русской революции см.: Солженицын, А. И. Двести лет вместе (1795–1995) / А. И. Солженицын. – В 2 ч. – М., 2001.

ние русскими националистами. Действительно, многое в программе Белого движения связано с риторикой и символикой русского самодержавия и состояло оно в основном из фронтового офицерства русской армии и большей части российского казачества. Однако социальный состав белогвардейцев более сложен. В первую очередь он включал в себя образованные слои русского общества, возмущившиеся вакханалией и террором строителей «светлого будущего». В начале XX века резко возрос количественный и качественный слой русского образованного общества. Как отмечают русские эмигрантские историки, «развитие образования и расцвет русской культуры в думскую эпоху... были тесно связаны с тем, как менялся социальный строй. В думскую эпоху стал постепенно исчезать глубокий социально-культурный разрыв между народом и интеллигенцией, возникший после реформ Петра Великого и в течение двух столетий бывший главным социальным злом русской жизни. Народ (крестьянство) смотрел на дворян, чиновников и интеллигенцию почти как на иностранцев, во всяком случае, как на «начальство». Разрыв этот был не только бытовым, но и юридическим. Только столыпинский указ 5 октября 1906г. об уравнении крестьян в правах с лицами других сословий дал им право менять место жительства, поступать в учебные заведения или на городскую, земскую или частную службу, не спрашивая разрешения «мира» и не теряя прав на свой земельный надел»²⁶⁶. Однако этот разрыв между образованными группами и крестьянской массой только начал преодолеваться. В начале 1918 года, когда патристическое русское офицерство выступило против большевистской диктатуры, создав на Дону Добровольческую армию, костяк Белого движения, из 140 тысяч офицеров русской армии в знаменитый Ледяной поход белогвардейцев выступили только 3,5 тысячи офицеров. Только после поголовного террора против образованных групп населения, который проводили большевики под видом борьбы с эксплуататорскими классами, в ряды Белой гвардии стали вступать массы юнкеров, студентов, бывших офицеров. Именно

---

²⁶⁶ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С.449.

они создали знаменитые так называемые «цветные» (по цвету погон) полки Белой армии – корниловский, марковский, дроздовский, алексеевский, впоследствии развернутые в бригады. Эти высококачественные в боевом отношении подразделения могли противостоять дивизиям, корпусам, целым армиям большевистского режима, ведомые патриотизмом и верой в то, что Россия возродится.

Здесь следует отметить, что демократический контекст политических требований был присущ именно Белому движению. Изображение белогвардейцев не только как исключительно представителей эксплуататорских социальных групп, но и как черносотенцев является примитивным стремлением представить русским патриотов в отрицательном социально-политическом свете. Перечень демократических требований к будущему социально-политическому устройству России четко представлен в политической декларации Северо-Западной белой армии в 1919 году: «Решительный отказ от возврата к старому режиму; возрождение всероссийского правления на основе народовластия; созыв после победы над большевиками Учредительного собрания на началах всеобщего избирательного права; единство России в сочетании с правом населяющих ее народов на национально-культурную жизнь; право народов России на государственную самостоятельность соответственно их усилиям и участию в борьбе с большевизмом; совершенствование административного управления государства путем развития местного, земского и городского самоуправления; равенство граждан перед законом без различия национальностей, вероисповеданий и классов; неприкосновенность личности и жилища, свободу религиозной совести, устного и печатного слова, союзов, собраний и стачек: передачу земли трудящемуся земледельческому населению для закрепления в собственность; законодательное обеспечение интересов рабочего класса»²⁶⁷. Таким образом, налицо явно демократическая тенденция социально-политических установок в идеологической программе Белого движения.

---

²⁶⁷ Шамбаров, В. Е. Белогвардейщина / В. Е. Шамбаров. – М., 2004. – С. 339–340.

При этом социальный состав белогвардейцев явно не представлял собой сборище буржуев, эксплуататоров и помещиков. Генералы – командующие белогвардейскими армиями были выходцами из трудовых слоев русского общества: генерал Корнилов Л.Г. был сыном сибирского казака и калмычки-матери; у А.И. Деникина родители были выслуживший 25 лет солдат –отец и польская швея – мать; А.В. Колчак и П.Н. Врангель происходили из семей военной интеллигенции. Здесь видно, что состав социального происхождения генералитета Белой армии не только не эксплуататорский, но и в высшей степени интернациональный, а не русский шовинистический. Вообще, социальная и национальная политика Белого движения старалась учитывать реалии современной им России. «Генерал Врангель ставил задачу не восстанавливать прошлое, а «закладывать основы Новой России». Он начал передачу «социализированной» в 1918 г. земли в частную собственность крестьянам и проведение выборов в органы местного самоуправления. Он старался наладить отношения с Украиной и кавказскими народами на федеративной основе»²⁶⁸.

Второй крупной социальной группой российского общества, которая оказала сопротивление большевистской тоталитарной диктатуре, было казачество. Казаки были не просто военизированным сословием Российской империи, а в значительной мере особым субэтносом русского народа, со своим укладом жизни, хозяйствования, ментальностью, а в ряде случаев и верованием²⁶⁹. Почти все казачьи семьи имели тот или иной уровень зажиточности, хотя все должны были собирать своих казаков на царскую службу за свой счет, исходя из земельного пая, который им давался для этих целей из общинных (по-казачьи – юртовых) земель. Здесь надо отметить, что казачья община резко отличалась от русской крестьянской

---

²⁶⁸ Пушкирев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкирев. – М., 2001. – С. 624.

²⁶⁹ Например, Уральское казачье войско состояло из казаков-старообрядцев. Много староверов и казаков-мусульман было в Сибирском казачьем войске. Калмыки, автономно входившие в Донское казачье войско, были по вере буддистами, как и множество бурят, входивших в Забайкальское казачье войско. – Прим. автора.

именно системой социальных приоритетов. Казаки никогда не ставили препятствий перед членами своего сообщества, если кто-либо из них хотел начать какую-либо предпринимательскую деятельность. Достаточно было обратиться с прошением в станичное или поселковое общество с просьбой о предоставлении земли для организации своего предприятия и первоначального кредита из станичных или войсковых капиталов. Отказа не было, как и зависти у станичников к «казачьей буржуазии». В плане мировоззрения казаки считали себя «слугами государевами», то есть подчинялись напрямую царю, при этом казачество не ленилось иной раз показать перед имперскими чиновниками свою независимость²⁷⁰. Когда наступил 1917 год, российское казачество после отречения от престола Николая II посчитало себя свободным от присяги и заняло в развернувшейся в России Гражданской войне поначалу позицию нейтралитета. Однако большевистские власти начали проводить по отношению к казакам политику массового геноцида, объявляя казачество реакционной силой, прислужниками царизма, эксплуататорами. При этом адепты большевизма (особенно Троцкий и Свердлов) считали необходимым физическое уничтожение казачества «как единственной части русского народа, склонных к самоорганизации». Для осуществления этой цели 24 января 1919 года ЦК партии большевиков выпустило инструкцию за подписью Свердлова: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». Троцкий высказался о казаках еще более жестко: «Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушие. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них навести

---

²⁷⁰ Подробнее о казачьем менталитете, социальном устройстве и способе хозяйствования см.: Колупаев, Д. В. Сибирское казачество во второй половине XIX в.: социально-экономическое развитие / Д. В. Колупаев. – Барнаул, 2010.

страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции... Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море»²⁷¹. Вот такой вот социальный эксперимент, как любили говорить европейские социал-демократы про события в России в 1917–1920 гг. Неудивительно, что при таких мерах социального воздействия со стороны новой власти российское казачество почти поголовно перешло на сторону Белого движения. В 1919 году, в некоторые временные периоды, казачьи боевые подразделения (донские, кубанские, терские) составляли до 60% всего личного состава Вооруженных Сил Юга России, как назывались белогвардейские части, находившиеся под командованием А.И. Деникина.

Итак, как отмечают русские эмигрантские историки, «...Гражданская война в России была войной двух меньшинств при нейтралитете большинства населения»²⁷². Это социальное большинство составляло русское крестьянство. В политической борьбе крестьяне действительно заняли позицию нейтралитета, исходя из своего ментального восприятия системы социальных ценностей в Российском государстве. Русский крестьянин жил в своем собственном простом, примитивном мире емких понятий: богу молись, царю поклонись. Царская власть, при всех бунтах и расколах была священна как своего рода религиозная данность. По этому поводу известный русский литератор Д.С. Мережковский писал: «В химерической государственности народ любит собственно одну только ослепительную точку – самодержавие. Но любит ли он саму государственность?»²⁷³. После смерти царя и отмены бога новой властью социальная ситуация в крестьянском мире России стала развиваться по аксиоме Фридриха Ницше – «Бог умер – абсурд родился». Социальный мир русского крестьянина архиизировался, вернулся в состояние догосударственного периода Киевской Руси.

---

²⁷¹ Цит. по: Шамбаров, В. Е. Белогвардейщина / В. Е. Шамбаров. – М., 2004. – С. 236.

²⁷² Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 623.

²⁷³ Мережковский, Д. С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М., 1991. – С. 267.

Гражданская война и крах государственности атомизировали русское общество. «Страна развалилась на атомы локальных миров, способных вести бесконечную войну друг с другом, обрекая на гибель города, культуру, государство, миллионы людей... Общество вернулось в догосударственное состояние»²⁷⁴. Крестьянская община России в 1917 году стала жить своим миром, с минимумом отношений с городской цивилизацией. Конечно, это было связано с рядом неудобств от прекращения снабжения деревни промышленными товарами. Но этот недостаток с лихвой перекрывался отсутствием власти, требовавшей с деревни налоги и каких-то новых форм хозяйствования. Подобные социальные требования русское крестьянство предъявляло как к старой власти, так и к новой. «Крестьяне, веками испытывавшие недоверие к городу, отказались от опеки и вмешательства земельных комитетов и комитетов по снабжению, навязанных сверху и в большинстве своем не крестьянских по составу, и признавали авторитет только своих собственных комитетов. Лишь местные эсеровские активисты имели шанс повлиять в политическом плане на действия крестьянства – при условии, что они не пойдут против чаяний крестьян»²⁷⁵.

В начавшейся на территории России войне крестьянские массы старались не принимать ничью сторону. Когда же их принуждали служить мобилизациями, то крестьянские рекруты отвечали на это массовыми побегами, переходами на противоположенную сторону конфликта, с последующим возмущением, бунтом и попыткой уйти с линии фронта. Лишь по мере развития Гражданской войны в крестьянской среде стали формироваться группы сторонников основных участников конфликта: так называемые комитеты бедноты, занимающиеся поиском излишков продовольствия со стороны красных, и недовольные подразверсткой крестьяне, вступающие в ряды белых. Но и таких в крестьянской массе было меньшинство. Когда регулярные силы – будь то красные или белые – пытались навязать крестьянам свою внутреннюю политику, то происходили массовые крестьянские бунты. Эти крестьянские выступления несли в себе

²⁷⁴ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 356.

²⁷⁵ Верт Николая. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; пер с фр. – М., 2000. – С. 107.

минимум идеологической нагрузки и были направлены против самого института власти, независимо от его идеологической направленности. Яркую характеристику повстанческому движению крестьянских масс в Гражданскую войну дал в своих воспоминаниях А.И. Деникин. Он писал: «После... вторжения на Украину большевиков, украинское крестьянство стало в ярко враждебное отношение к советской власти. К власти, приносившей им бесправие и экономическое порабощение; к строю, глубоко нарушавшему их собственнические инстинкты, теперь еще более углубленные; к пришельцам, подошедшим к концу дележа «материальных завоеваний революции» и потребовавших себе крупную долю... Шесть режимов, сменившихся до того на Украине, и явная слабость всех их вызвали вообще в народе обострение тех пассивно-анархических тенденций, которые были в нем заложены извечно. Вызвали неуважение к власти вообще, независимо от ее содержания. Безвластие и безнаказанность таили в себе чрезвычайно соблазнительные и выгодные перспективы по крайней мере на ближайшее время, а власть, притом всякая, ставила известные стеснения и требовала неукоснительно хлеба и рекрутов. Борьба против власти как таковой становится со временем главным стимулом махновского движения, заслоняя собой все прочие побуждения социально-экономического характера»²⁷⁶. В приведенной характеристике наиболее колоритного крестьянского движения времен Гражданской войны четко прослеживается основной социальный рефрен Второго «Смутного времени» на Руси – полная архаизация социальных и экономических стимулов российского крестьянства. С падением царского режима ценностная ориентация основной массы населения России – крестьянства пришла к явному социальному регрессу – уходу в свой, сугубо местный, локальный мирок интересов. Недаром офицеры русской армии, пытавшиеся воззвать к патриотическим ценностям солдатской массы во время бегства последней с фронта Первой мировой войны, слышали в ответ обескураживающее – «Мы тамбовские, до нас немец не дойдет».

---

²⁷⁶ Деникин Антон Иванович. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Воспоминания, мемуары. – Минск, 2002. – С. 90.

В ходе самой Гражданской войны происходивший процесс формирования крестьянских по своей идеологии войсковых масс, независимо от географического расположения, носил антиэтатистский характер. С махновским, анархистским по декларациям самого «батьки» движением, перекликалось так называемое «зеленое» движение в Сибири. Активисты его, поднявшие крестьянские массы против Колчака, имели отнюдь не прокоммунистическую политическую программу. Современники так характеризовали эту «народную партизанскую войну»: «Что подняло их с пиками в руках против режима, утвердившего их собственные права? Отчасти бесчинства атаманов, поборы, побои, беспорядок и хищничество, чинимые самовольно местной воинской властью. Но лишь отчасти. Порядок колчаковской администрации, ее слабость в центре и бессилие на огромной периферии повредили ей меньше, чем ее добродетели, заключенное в ней организующее начало. Мятежная вольница тайги восстала против порядка, против порядка как такового»²⁷⁷. Помимо борьбы с организующим началом любого государственного аппарата на территории послеимперской России, крестьянская масса выступила и со своей «культуртрегерской» программой. Уничтожались все люди городской культуры, то есть барской. На Дальнем Востоке даже существовала армия, ставящая перед собой подобную социальную цель. «Их поход сопровождался поголовным истреблением сельской интеллигенции «за ее пассивность в революции», а заодно всех, кто имел «городской вид»²⁷⁸. Таким образом, налицо цивилизационный конфликт в социальном мире России. Неприятие крестьянским миром барской, городской культуры, внедренной в России еще Петром I и начавшей в начале XX века медленное продвижение в глубину народных масс, был прерван и ликвидирован в ходе политической революции. Исчез не только барин с его непонятным языком и одеждой, но и любого вида начальник.

---

²⁷⁷ Шамбаров, В. Е. Белогвардейщина / В. Е. Шамбаров. – М., 2004. – С. 277 – 278.

²⁷⁸ Там же. С. 458.

«Сбывалась вековая мечта крестьянства. Складывалась жизнь без начальства, без власти вообще или, по крайней мере, с крайне слабой властью»²⁷⁹.

Именно такой «вооруженный нейтралитет» русского крестьянства помог большевикам выиграть Гражданскую войну. Безграмотное сельское население не читало аграрную программу большевиков, в целом воплощенную в жизнь коллективизацией сельского хозяйства в 1929–1930 гг.; представить что-либо подобное этому процессу не мог никто в крестьянском мире. Хотя большевики чрезвычайно раздражали крестьян своей «продразверсткой», их спорадические восстания против нее не привели к никакой координации с командованием Белой армии. В добровольческих белогвардейских войсках воевал «барин или интеллигент», которых мужик на дух не переносил ментально²⁸⁰. Большевики же «али коммунисты», как говорили сами крестьяне, были новой властью. К тому же в крестьянской среде популярностью пользовалась политическая партия «социалистов-революционеров» (эсеры), которые так и не смогли четко определиться в ходе Гражданской войны с кем они – с красными или с белыми. После прекращения военных действий регулярного характера в ноябре 1920 года в Крыму между белыми и красными, эсеры и крестьянские вожаки – пассионарии подняли ряд восстаний в России – от Кронштадта до Сибири под лозунгом «советы без коммунистов». Это была слабая попытка распространить социальный идеал уравнительного крестьянского мировоззрения на всю страну. Однако в этот момент большевики провели комбинированное военно-политическое воздействие на крестьянство. Помимо военного уничтожения крестьянских вооруженных отрядов лидер большевиков В.И. Ленин пошел на ряд уступок экономического и социального характера. Вместо продразверстки был введен так называемый продналог. Но помимо его «вождь мирового пролетариата» не стал интенсифицировать государственное строительство в деревне. Сельские общества на время оставили в

---

²⁷⁹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 402.

²⁸⁰ Отголоски этой ментальности сохранились до конца XX века, о чем великолепно поведал в своем рассказе «Срезал» русский писатель В.М. Шукшин. – Прим. автора.

относительном спокойствии по отношению к новой власти. «В 1922г. был издан «Закон о трудовом землепользовании», в 1923 г. – «Земельный кодекс», которые как бы возвращали крестьян к столыпинским временам, допуская свободу выбора землепользования и, отчасти, даже аренду и наемный труд... По крайней мере на 7 лет крестьяне отвоевали себе относительное благополучие – до наступления коллективизации»²⁸¹.

Падение социального порядка российской государственности в результате событий 1917–1922 гг. привели к цивилизационному краху в отдельно взятом регионе мировой цивилизации. Вместо традиционного или модернизирующегося общества появился невиданный социальный гибрид, который будущие историки назовут «Утопия у власти». Уникальна по своему составу русская эмиграция после Гражданской войны. Она включала в себя не столько пресловутых «эксплуататоров-капиталистов», сколько высококультурный и европеизированный класс русского общества. Воины Белой гвардии боролись за идею возрождения России, нового порядка, как порядка европейского, с приоритетом права и социальной справедливости. Как отмечал в своих воспоминаниях современник событий гражданской войны, представитель еврейской интеллигенции киевский профессор А. Гольденвейзер, «эпоха добровольцев была эпохой возрождения и восстановления всего разрушенного советским режимом. Скажу более: это была последняя возможная попытка восстановления в истинном смысле этого слова, то есть восстановления без постройки наново, путем простой отмены всего содеянного большевиками»²⁸². Эти идеи Белой гвардии «построить новы град из камней старого», как выражался русский философ Г.П. Федотов, не нашли широкого отклика в широких социальных слоях русского общества, все еще в большинстве крестьянского. Зато крестьянский мир России очень хорошо усвоил систему социальных приоритетов новой Советской власти, как их хорошо охарактеризовал один из комиссаров ВЧК на Северном фронте, изрекший аксиому о том, что советская власть «сумеет

²⁸¹ Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 625.

²⁸² Цит. по: Шамбаров, В. Е. Белогвардейщина / В. Е. Шамбаров. – М., 2004. – С. 345.

силой заставить массы выполнить поставленные ею задачи, ибо для воздействия на несочувствующих она, как власть народная, располагает той роскошью в средствах, которую не могут себе позволить белые»²⁸³. Ушедшая с Белой армией русская эмиграция – около 2 млн человек – была интеллектуальной и моральной основой русского общества, его социальной основой для будущей европейской модернизации. Находясь на чужбине, русские эмигранты в массе своей достаточно успешно интегрировались в общества приютивших их стран, являя собой образец профессионалов в различных областях жизни. Возможные перспективы России, которая не состоялась, на взгляд автора, лучше всего охарактеризовал в своих мемуарах великий британский политик Уинстон Черчилль: «Несомненно, ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань уже была видна. Она уже выдержала шторм. Жертвы были принесены, труды завершены, когда все было брошено. Отчаяние и предательство овладели властью, когда задача была уже выполнена... Армия, защищающая огромный фронт, стала сильнее, больше и лучше вооружена... Оставалось только держаться... Мы можем измерить прочность Российской империи теми ударами, которая она выдержала, теми бедствиями, в которых она выжила, теми неисчерпаемыми силами, которые она проявила, и тем возрождением, которого она достигла... В людях талантливых и смелых... недостатка не было, но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России»²⁸⁴.

---

²⁸³ Там же. С. 325.

²⁸⁴ Цит. по: Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М., 2001. – С. 608–609.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ДЕЙСТВИЯ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ХОМО СОВЕТИКУС

После окончания Гражданской войны для новых советских властей России встал весьма щекотливый вопрос: что, собственно, делать с победой?. Весь период исторического существования Советского союза (СССР), как стала называться Россия с 1922 года, показал, что коммунистическая власть может жесточайшими методами решить ту или иную военно-политическую задачу, но совершенно проигрывает в контексте долговременного мирного развития, в формировании устойчивого социального большинства, а во второй половине XX века стало ясно, что советская власть ничего не может противопоставить Западу в рамках культурного развития и социального формирования.

Уход в эмиграцию старой русской интеллектуальной элиты породил проблему высшего слоя власти – кто будет эталоном норм социально-культурного поведения в новом советском социуме. Таким, по логике вещей, становился класс новых властителей страны – номенклатурных работников Коммунистической партии. Что они представляли собой в социальном срезе, лучше всего сказал известный «технический» деятель этой партии – народный комиссар внешней торговли и дипломат Леонид Красин («министерская башка», как его называл сам Ленин): «Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но не способных жить для нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность»²⁸⁵. Культурная элита этого нового «пролетарского» социума России лучше всего была представлена «пролетарским же» писателем Максимом Горьким, который, будучи председателем экспертной комиссии по приему и оценке художественных ценностей в Петрограде(бывшем Петербурге), сводил свою экспертизу к следующим действиям (по воспоминаниям Зинаиды Гиппиус): «Горький жадно скушает вся-

---

²⁸⁵ Цит. по: Сироткин, В. Г. Зарубежное золото России / В. Г. Сироткин. – М., 2000. – С. 137.

кие вазы и эмали у презренных «буржуев», умирающих с голоду... Квартира Горького имеет вид музея, или лавки старьевщика, пожалуй: ведь горька участь Горького тут, мало он понимает в «предметах искусства», несмотря на всю охоту смертную. Часами сидит, перебирает эмали, любуется приобретенным... и, верно, думает бедняжка, что это страшно «культурно». В последнее время Горький стал скупать порнографические альбомы и царские сторублевки»²⁸⁶. Это была, так сказать, высшая прослойка новой элиты. Что же собой представляли средние социальные слои, на которых держалась вся система текущего социального порядка. Формирование данных категорий промежуточных социальных групп ярко иллюстрирует следующая цитата. «Демографические данные по Москве и Петрограду 1920 г. говорят о снижении уровня экономической и культурной элиты, сокращения числа рабочих, уменьшения количества торговцев и ремесленников и одновременно с этим об удивительной выживаемости таких маргинальных категорий, как лакеи, курьеры, посредники и другие, которым был на руку царящий беспорядок и которые наживались на небольших и крупных сделках черного рынка. Лишь одна социальная категория действительно увеличилась: стало больше государственных служащих, поскольку основным работодателем было государство»²⁸⁷. Из приведенной выше характеристики начального этапа развития советской государственности, сделанной французским историком, видно, как происходило наполнение освободившихся социальных ниш в новой, советской России. Поскольку текущая жизнь требует элементарных технических действий, необходимы грамотные люди, то есть примитивно умеющие писать и считать. Таковых новая власть набрала в размытых социальных категориях, которых тот же Максим Горький по привычке называл «кухаркиными детьми». Это были потомки прислуги и полуграмотных обслуживающих элементов, о которых упоминал в своих работах Н. Верт.

---

²⁸⁶ Там же. С. 280.

²⁸⁷ Верт Николая. История советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; пер с фр. – М., 2000. – С. 154.

Русский философ и историк Г.П. Федотов называл эти социальные элементы – «полупролетариат»²⁸⁸. Данный социальный слой отличался подражательностью в одежде прежним «барам», а в системе культурных приоритетов соответствовал той среде, о которой писал в своем произведении «Клоп» В. Маяковский. Здесь следует отметить такое социальное явление 1920-х гг. в советской России, как «нэпманы». В рамках Новой экономической политики (НЭП) они были порождением спекулятивного капитала и в лучшем случае мелких торговых производителей. Как социальное явление они оставили после себя упоминание о «нэпманском угаре». Это были громкие банкетные гуляния в ресторанах (можно сказать, что «нэпманы» оставили на весь период существования СССР влияние на так называемую бытовую культуру созданием ресторанной «субкультуры»), эксперименты с модой и частично маленькое меценатство в области культуры, связанное с литературой и театральными постановками. «Нэпманский угар» оказал частичное влияние на бытовой образ жизни молодых партийных функционеров, о чем писал Л.Д. Троцкий в своей работе «Термидор». Но создатель и организатор Красной армии судил по результатам перерождения деятелей Французской революции 1789–1794 гг. Однако для перерождения социального и культурного необходимо не только служебное положение, которое позволяет обогащаться. Необходим культурный пример. Во Франции конца XVIII века таким был многочисленный слой буржуазии, перенявший и впитавший значительную часть дворянской культуры и основавший городскую культуру буржуазного типа. Сразу после казни якобинцев простой народ, те же маргинальные слои, стали обращаться к публике, разъезжающей после спектакля, со словами: «Что желаете, месье?». Это был приоритет социокультурной составляющей буржуазной городской структуры повседневности²⁸⁹. После исчезновения из России старой элиты и ушедших вслед за ней высококультурных городских слоев в «совдепии» (термин белогвардейцев) не

---

²⁸⁸ См.: Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – СПб., 1991.

²⁸⁹ См.: Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – Т. I. Структуры повседневности. – М., 2007.

осталось какой-либо критической массы социальных групп, могущих противостоять нарождавшейся коммунистической номенклатуре в рамках повседневной бытовой и культурной жизни. По мере ликвидации в ходе НЭПа хозяйственной разрухи коммунистическая номенклатура все больше захватывала все области социальной жизни в стране, используя политическую диктатуру коммунистической партии. Не видевшая иных перспектив подрастающая молодежь стала осуществлять проект построения собственного будущего только через партию и созданные ею так называемые советские органы управления. Как отмечал Г.П. Федотов, характеризуя формирование новой социальной реальности в Советской России, «партийный аппарат разветвляется параллельно с «советским», подчиняясь одной и той же направляющей воле... Те, кто смотрит на коммунистический аппарат, как на содержанку государства, не смогут ответить на этот вопрос. В действительности, партия есть организация идеи, и, поскольку она жива, она живет остатками былой идейности... Пусть вожди, или часть вождей, уже не верят в победу. Но монополия коммунистического слова, монополия школы создали огромные кадры юношей, для которых вне коммунизма нет ничего в жизни... Главная награда, конечно, – в удовлетворении честолюбия. Партия – единственные ворота в общественную жизнь. Вот почему она привлекает всех активных и беспринципных, желающих играть роль, вести толпу или проводить свои идеи, часто не имеющие ничего общего с коммунизмом. И, наконец... вероятно самый значительный слой – людей устраивающихся, лишенных честолюбия, но охочих половить рыбку в мутной воде»²⁹⁰.

Социальные настроения глубоко архииизированного в ходе Революции и Гражданской войны русского крестьянства автор рассматривал в предыдущем очерке. Пока крестьяне в ходе НЭПа были успокоены политически; большевики после смерти Ленина могли спокойно выяснять счеты друг с другом. Сказался извечный закон множества революций, гласивший о том, что «дети Революции по-

---

²⁹⁰ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – СПб., 1991. – С. 204–205.

жирают самих себя». Любопытно, что уже на XII съезде Коммунистической партии в 1923 году внутри самой партии проявились первые социальные разногласия. В низовых ячейках стали самоорганизовываться так называемые группы «рабочей оппозиции». «Эти объединения, сумевшие распространить свои листовки даже среди делегатов съезда, разоблачали «новую буржуазию» – партийных функционеров – и призывали к созданию подлинно рабочих организаций в партии и профсоюзах, которые могли бы помочь пролетариату обрести классовое самосознание, необходимое для овладения властью»²⁹¹. Весьма симптоматично, что после долгой кровавой Гражданской войны, стоившей России 10 млн погибших и эмигрировавших, победители в войне все еще ставят вопрос о взятии пролетариатом власти. Значит, власть оказалась не у пролетариата. Создание новой буржуазии из партийной номенклатуры вызывала социальный протест у низового партийного аппарата. Это недовольство умело направил на своих оппонентов в борьбе за власть И.В. Сталин. Причем в этом противостоянии бывший грузинский семинарист нащупал тонкую струйку традиционного недовольства русского обывателя тем, чего он, обыватель, не понимает. Против теоретических рассуждений о марксизме, исходящих от Л.Д. Троцкого, простые делегаты на партийных съездах и конференциях выдвинули простой и убийственный аргумент: «Может быть, происхождение Троцкого мешает ему поверить в возможности русского народа?»²⁹². Таким образом, спустя всего каких-то 5 лет после окончания Гражданской войны партийные низы ВКП(б), как стала называться коммунистическая партия, стали говорить языком ультраправых белогвардейских публицистов. Гигантская социальная чистка всех слоев русского народа привела не к созданию нового человека, а к продвижению по социальным лифтам наиболее приспособленческих социальных групп населения, целью которых было устройство своей личной жизни и профессиональной карьеры. Марксистская же политическая фразеология стала только чем-то вроде нового катехезиса, который заменил ре-

---

²⁹¹ Верт Николая. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; пер с фр. – М., 2000. – С. 188.

²⁹² Там же. – С. 196.

лигиозные молитвы и изучение дат тезоименитства членов царствующего дома, что было обязательным предметом во всех учебных заведениях старой России.

После того, как И.В. Сталин сумел, пока еще в общих чертах, установить свою власть или свое административное доминирование в СССР в конце 1920-х гг., встал вопрос создания легенды о вожде как новой части социального мифа о государстве рабочих и крестьян. Личность и жизнь В.И. Ленина стали нечто вроде «Ветхого завета», а дела Сталина должны были стать «Новым заветом» коммунизма. Здесь необходимо отметить, что И.В. Сталин (Джугашвили) в царское время прославился только деятельностью, которую в современном языке принято обозначать термином «рэкет». Самым знаменитым было ограбление банка в Тифлисе, из которого будущий вождь всех народов унес до 600 тысяч рублей золотом. В марте 1917 года Сталин в революционном Петрограде занимался несколько странной для «революционера-практика» (как сам И. Сталин любил себя называть) деятельностью – сжигал старые царские архивы, в основном охранного отделения. Зачем – данные отсутствуют до сих пор. В годы Гражданской войны Сталин – «Коба» (второе слово партийная кличка) был известен тем, что в городе Царицыне (Сталинград – Волгоград) потопил баржи в Волге с большим количеством бывших царских офицеров, обвинив их в предательстве, а после казни офицеров стал превращать в жизнь план обороны города, разработанный этими же офицерами. В 1920 году, будучи комиссаром 1-ой конной армии при ее командующем С.М. Буденном, стремился не столько оказывать помощь Тухачевскому под Варшавой, сколько грабить еврейские местечки под Львовом. Л.Д. Троцкий охарактеризовал И.В. Сталина как «самую выдающуюся посредственность нашей партии». Также следует отметить, что в тот период личная храбрость была как бы обязательной визитной карточкой революционера, многие полководцы Красной армии и функционеры партии имели ранения и боевые заслуги. Сам Сталин же был известен тем, что на фронте дальше второй линии окоп не появлялся.

В этих исторических условиях необходимы были экстраординарные меры социально-политического характера, способные про-

известии впечатление историческим размахом и замыслом. К такому следует отнести политику индустриализации и коллективизации. Несомненно, что для любого крупного государства свойственна забота о своем промышленном и экономическом потенциале. Как проводить индустриализацию – у коммунистов были черновые наброски еще П.А. Столыпина (чисто географическое расположение и предназначение промышленных объектов и транспортных магистралей). Темпы же строительства, формы и методы индустриализации показывали, что это была не только задача экономическая, но и политическая и социальная. Рассуждение о враждебном империалистическом окружении, которое спит и видит, как бы уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян, следует отнести к типично пропагандистским мифам коммунистического руководства СССР. Именно так называемые империалисты бросили на произвол судьбы белые армии России, соблазнившись перспективами торговли с новой российской властью. Да и не было у «империалистов» в то время, в конце 1920 – начале 1930-х гг. ни времени, ни сил нападать на СССР тогда, когда Европа еще не зализала раны Первой мировой войны и наступил мировой экономический кризис. Цель индустриализации как формы отвлечения масс населения от вопросов политического и социального развития страны заключалась в создании тяжелой промышленности как способа занять население работой, создать военную промышленность для обеспечения армии средствами на распространение «Мировой революции». Самое же главное – ответ партийным критикам Сталина на вопрос, можно ли строить социализм в отдельно взятой стране, где 76% населения крестьяне. «Нет заводов – будут заводы. Построим заводы и будут рабочие» – отвечал своим оппонентам Сталин. Нельзя сбрасывать и бытовавший тогда (по крайней мере в партийных массах) мессианский комплекс «строителей будущего», создателей нового общества, нового человека. «Вооруженный новейшей технологией и правильной теорией социальной революции, «новый советский человек» должен преобразовать природу и всецело приспособить ее для нужд человека... Он укажет, где быть горам, а где расступиться, писал в свое время Троцкий. – Изменит направление рек и создаст правила для океанов»... Чело-

век станет несравненно сильнее, умнее, тоньше; его тело – гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее... Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины»²⁹³. Именно жажда социального новаторства, которая, правда, основательно выветрилась после первой пятилетки, была использована Сталиным для возбуждения у населения новой социальной мечты о «городе Саде», вместо старого Беловодья.

Другая социальная и вместе с тем политическая цель являлась в виде коллективизации, которая в немалой степени, в чисто техническом плане была лишь придатком политики индустриализации²⁹⁴. В глазах коммунистического руководства русское крестьянство было не только элементом, постоянно и ежечасно производящим в ходе своей экономической деятельности капиталистические отношения, как писал о крестьянском труде Ленин. Будучи социальным продуктом идей марксизма, как одной из форм западной модернизации, при наличии господствующей городской культуры, российские коммунисты ненавидели и презирали деревню, так сказать, с цивилизационных позиций. Недаром «великий пролетарский писатель» М.Горький в своих «Несвоевременных мыслях» писал: «Предмет науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни»²⁹⁵. Именно насаждать новую, пролетарскую, с новой идеологией и новыми способами сельскохозяйствен-

---

²⁹³ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. 2. – М., 2003. – С. 129.

²⁹⁴ В разработке этой темы автор опускает вопрос роли секретных соглашений СССР с Веймаровской Германией по поставкам технологий промышленного и иного производства и секретные соглашения о подготовке офицеров для Германии на территории СССР. В обмен на это в Германию, в период первой пятилетки 1928–1932 гг. шло по демпинговым ценам зерно и другие с/х продукты, изъятые у крестьян в ходе коллективизации. Эта тема достаточно хорошо разработана другими историками и хорошо иллюстрирует истинные цели, формы и методы работы коммунистической диктатуры. – Прим. автора.

²⁹⁵ Цит. по: Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. 1. – Новосибирск, 1991. – С.420.

ного производства, снабженными машинной техникой, отправились в деревни так называемые «двадцатипятидесятники» – своего рода комиссары по сельскому хозяйству, уполномоченные партией. Русское крестьянство, которое веками «стонало» от произвола барских управляющих, а затем капитан-исправников и которое посылало на них жалобы – о лихоимстве представителей власти, пьянстве и постоянной погони в пьяном виде за деревенскими бабами и молодухами (весь этот процесс красочно описан в русской литературе) – при виде новых управителей теперь взвыло. В период коллективизации перед крестьянством выступил уже не «плохой барин», искажающий указы «хорошего царя», а само государство. Это новое социалистическое государство начало второе издание крепостного права на деревне. Недаром русские крестьяне аббревиатуру ВКП (б) расшифровывали как «второе крепостное право большевиков». Не имевший под рукой никакой наукообразной идеи по поводу деревни, кроме старой аграрной программы большевиков – «Национализация земли», Сталин просто провел процесс закрепощения сельского населения в традициях Московского царства. «Восстановление крепостничества неотделимо от преодоления двойственности в развитии хозяйства: безусловная административная власть государства, его почти неограниченное право и способность принудительно перебрасывать ресурсы, но также определенное крайне суженное развитие частной инициативы, свободного рынка, конкуренции»²⁹⁶. Таким образом, старые болезни старой России уникальным образом помогли сталинскому режиму «налить старое вино в новые меха». Получилось, как в народной пословице – «Тех же щей, да пожиже влей». Незрелость рынка и архаичность социального сознания помогли провести в жизнь второе, на этот раз полностью государственное, издание крепостного права в деревне. Колхозники не могли покидать свои колхозы, и только набор в армию или на стройки коммунизма давал возможность изменить свой социальный статус. В тех местах, где имелись традиции индивидуального хозяйства, попытались поднять новые «антифеодальные восстания» – уже против

---

²⁹⁶ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Новосибирск, 1991. – С. 441.

«государственного крепостничества». В бывших казачьих регионах казаки, вооружившись дедовскими саблями и пиками, холодным оружием вырезали несколько полков регулярной Красной армии. В станицах служили молебны, дабы приблизить новый приход Белой гвардии. Но офицеры-добровольцы погибли, а те, кто был жив, растворились в эмиграции. Восстания против коллективизации потопили в крови, а затем заморили голодом. К 1940 году в СССР построили много заводов, создали мощную металлургию, полувоенную тяжелую промышленность. Число городских жителей впервые в истории России превысило количество крестьян. Основные параметры нового социального государства, указанные в марксистской «библии», были выполнены.

Однако что собой представляла эта новая социальная общность – «Хомо советикус», как прозвали советский социум его недоброжелатели? Являлся ли он воплощением той мечты, из-за претворения в жизнь которой погибли десятки миллионов людей?. Автор этих строк сознательно не делает в своей работе тех или иных попыток осмыслить тот террор, который покрыл территорию СССР в 1930-х гг. Сталин расправлялся со своими врагами или просто с людьми, которые умели мыслить и анализировать. Это был процесс социальной селекции, чтобы уничтожить тех, кто может сопротивляться и создать действительно новых людей – верных своему вождю, простых «беспартийных большевиков» (потому что партийные могут что-то знать о прошлом вождя или о других вождях). В стране СССР, или по-старому России, установился тоталитарный режим, который пытался создать путем социальной инженерии – лагеря, стройки коммунизма, колхозное крепостное право, почти полная внешнеполитическая изоляция страны – новое царство, которое русские эмигрантские мыслители назвали «Сталинокрацией». Один из них, Г.П. Федотов, привел следующие характеристики этого нового социального явления в истории России, описывая социально-политическую реальность России 1930 гг.: «...весь ужас коммунистического рабства заключается в его «тоталитарности». Насилие над душой и бытом человека, творившееся в его семье, в его углу, было мучительнее всякой нищеты и политического бесправия. Право беспартийного дышать и говорить, не клянясь Марксом, право юношей на любовь и девушек на семью,

право родителей на детей и на приличную школу, право всех на «веселую жизнь», на елку – исключалась... Пятилетка сделала невозможной буржуазную реставрацию и предопределила государственно-капиталистический характер будущей России. Но, втягиваясь в нее, вопреки своим старым идеям, Сталин едва ли повиновался «левому» революционному чутью. Вернее всего, военно-индустриальные задачи, в связи с укреплением лично-деспотического режима, и тогда уже господствовали в его сознании... Сталину давно уже удалось убить всякую политическую активность своей партии. Годами исподволь на посту Генерального секретаря он развращал ее, приучая к рабству и безыдейной службе. Теперь эта задача окончена. Организация ВКП уже не партия, то есть не группа политических активистов. Ее Программа, ее прошлое уже не весят ничего на политических весах... Когда-то Ленин дал свое знаменитое определение: «Социализм – это советская власть плюс электрификация»... В своем парадоксе он нечаянно выразил нечто очень существенное для духа большевизма и его эволюции... Не равенство, не уничтожение классов, не рабочее или пролетарское общество... Но власть и техника... Слияние абсолютной власти с индустриализацией означает государственное хозяйство. Чем выше хозяйственная мощь государства, тем больше в стране социализма... От классово-пролетарского или коммунистически-эгалитарного характера социализма в сталинской России не остается ничего»²⁹⁷. Из приведенной здесь цитаты известного русского мыслителя видно, что сталинская диктатура, при всей ее идеократии как высшего мерил социального сознания общества, на деле была сочетанием азиатской деспотии с европейским государственно-монополистическим капитализмом. Можно сказать, что режим Сталина, как и вся последующая история развития СССР, стал ярким воплощением тезиса К. Маркса об «азиатском способе производства», в котором власть порождает собственность и наступает всеобъемлющее торжество чиновничьего аппарата.

---

²⁹⁷ Федотов, Г. П. Сталинокрапия / Г. П. Федотов // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. – Париж, 1936. – С. 374–379.

После того, как создана новая социальная общность, необходимо поддерживать ее функционирование социальными и идеологическими мифами. Для любой диктатуры лучшим способом мобилизации населения вокруг себя является внешний враг. В этом случае Вторая мировая война 1939–1945 гг. как нельзя лучше подошла для сталинско-коммунистической пропаганды. О Второй мировой войне и участии в ней СССР написаны миллионы книг и будет написано еще больше. Это уникальное явление мировой истории приковывает до сих пор внимание многочисленных исследователей, и у каждого своя правда. Автора этих строк интересует в первую очередь эволюция социальной политики Советского государства, в результате этой войны и определенная корректировка социальных приоритетов коммунистической чиновничьей идеократией. Начальный период Второй мировой войны 1939–1941 гг. вплоть до сегодняшнего дня вызывает раздражение у российских властей и околосударственных публицистов всех мастей. СССР выглядит весьма неприглядно (во всяком случае действия советской внешней политики в этот период весьма спорны) как в контексте пресловутого пакта Молотова–Риббентропа, так в ходе тех военных действий, которые в тот период вела Красная армия. Особенно озадачила Сталина и его клеветов война с Финляндией 1939–1940 гг. Еще во время Советско-польской войны 1920 и гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. выяснилось, что тезис «У пролетариата нет отечества и национальности» весьма спорен, поскольку и поляки, и испанцы выбрали на своем историческом пути создание своего национального государства, а не марксистскую доктрину. Война же с Финляндией, население которой по своей численности равнялось всей Красной Армии, показала, что ради своей национальной идеи, своего отечества люди могут забыть о политических пристрастиях. Финны отстаивали свою государственность, что было расценено в мире как слабость СССР, в первую очередь военная.

Особенно эта военная слабость советского режима проявилась в 1941 году. В течение трех месяцев после нападения на СССР гитлеровской Германии и ее союзников было уничтожено огромное количество техники, разбиты десятки дивизий и корпусов, взято в

плен 3,5 млн солдат и офицеров, занято противником большое количество территории страны на Западе СССР. Есть много объяснений тому, что произошло с РККА летом 1941 года. Несомненно, что чисто человеческая и профессиональная некомпетентность Сталина и его окружения сыграла свою роль в трагедии разгрома Красной армии летом и осенью 1941 года, что частично продолжилось и в 1942 году. Но, на взгляд автора, произошла социальная коллизия: на полях России столкнулись азиатский способ производства в лице сталинского Советского Союза и европейский развитой капитализм, в лице Германии, пусть и под пятой нацистской диктатуры. В ходе военных действий выяснилось, что недостаточно слепой веры в вождя и в коммунистическое учение, что лихие «чапаевские» атаки с саблями на танки чреватые огромными человеческими потерями. Что нужно просто знать географию, чтобы верно выбрать позицию, математику, историю, чтобы оценить особенности способа воевать и мыслить у противника. Также становилось очевидно, что простая человеческая храбрость не может устоять перед хорошо отлаженной в техническом отношении военной машиной. Так же на первых этапах войны население западных регионов СССР встретило немецкую армию настороженно, но без «ненависти к оккупантам». Сталинский террор и господство коммунистической идеократической номенклатуры вынудили немалую часть населения, по крайней мере на первых порах, попытаться наладить контакт с «новым начальством». Один из лучших немецких генералов Вермахта Гейнц Гудериан так описывал это социальное явление: «Хорошим показателем отношения к нам гражданского населения служит тот факт, что женщины из окрестных деревень приходили прямо на поле боя и приносили на деревянных блюдах хлеб, масло и яйца и не пускали нас дальше, пока мы не поедем (по крайней мере, со мной было именно так). К сожалению, дружественное отношение к немцам длилось до тех пор, пока местностью управляла военная администрация. Правление же так называемых «рейхкомиссаров» напрочь убивало любые положительные чувства местных к немцам и тем самым закладывало основу для

кошмара партизанской войны»²⁹⁸. Подобное отношение жителей оккупированных немецкой армией областей позволило некоторым историкам говорить о «Второй Гражданской войне» в период 1941–1945 гг. На взгляд автора этих строк, подобное утверждение нуждается в сильной корректировке, но несомненен широкий социальный спектр так называемых «коллорационистов» среди населения оккупированных областей России. Пресловутая РОА генерала Власова насчитывала чуть больше 50 тысяч человек. Однако во вспомогательных частях вермахта, так называемых «хиви», служили до 900 тысяч человек. Немецкие солдаты еще называли таких борцов с большевизмом «наши Иваны», и в ряде случаев из таких «иванов» состояло до трети ротного состава частей вермахта. Таким образом, немалая часть населения России не забыла коммунистическому режиму операций по «расказачиванию и раскрестьяневанию» и оказала оккупационному режиму немецкой армии пассивную социальную поддержку.

В остальном же военное поражение стало первым этапом «десталинизации» в СССР. Шок был так велик, что в октябре 1941 года в Москве наступила настоящая паника. «В середине октября Москва прибывала в состоянии паники: в городе спешно сжигали важные документы и эвакуировали в Куйбышев все иностранные представительства, правительственные учреждения и квалифицированных специалистов. А простые москвичи пытались пробиться в железнодорожные вагоны, автобусы и грузовики и всеми силами стремились как можно скорее покинуть осажденный город»²⁹⁹. Лишь «генерал мороз», маршал Жуков, и сибирские дивизии смогли переломить положение зимой 1941–1942 гг.

Тем не менее вера в «великого вождя» пошатнулась, как и в коммунистическую идею. Вождь остался на месте, а вот с верой решено было сделать определенную корректировку. Советское руководство объявило об Отечественной войне и, пусть частично и с оговорками, вернула атрибуты великорусского державного патриотизма. Стало снова можно говорить о русских и России, о великих

---

²⁹⁸ Гудериан Гейнц. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне / Г. Гудериан. – М., 2005. – С. 211

²⁹⁹ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. 2. – М., 2003. – С. 129.

русских полководцах. Была вновь восстановлена Русская православная церковь и ненавязчиво стало говориться о том, что СССР – наследник Российской империи. Этим идеологическим кульбитом сталинский режим решил восстановить свою попорченную социальную связь с этническим большинством Советского Союза – с русскими. Однако в плане государственного управления это была риторика, необходимая на время войны.

Был еще один весьма знаменательный момент. В условиях постоянных поражений и полной бездарности всевозможных «сталинских соколов» на всех командных постах И.В. Сталин в момент растерянности произнес удивительно емкую по своему идейно-философскому содержанию фразу: «Нашим офицерам не хватает общей культуры». Под этой фразой И.В. Сталина готовы подписаться даже самые злейшие его недоброжелатели, прошедшие школу армейской срочной службы в советской Армии и познакомившиеся там с «культурным уровнем советского офицера» (в том числе и автор этих строк). Однако этой своей фразой Сталин положил начало процессу, длительная эволюция которого в конце концов привела к ликвидации и СССР и коммунистического режима. Сталину пришлось восстанавливать российскую интеллигенцию хотя бы потому, что нужно было создавать новое оружие для борьбы с немцами, читать на английском языке инструкции на оружии союзников, а чуть погодя бороться уже с бывшими союзниками количеством и качеством вооружения.

Новый советский (отчасти новорусский) патриотизм помог Советскому Союзу выиграть вторую Мировую войну, вызвав к жизни те гражданские чувства, которые отдаленно напоминали состояние российского общества после войн с Наполеоном в 1812–1814 гг. Для новых советских патриотов решающим фактором была война, опыт защиты своей Родины, боевое сотрудничество с товарищами и самое главное – способность принимать самостоятельные решения и воевать на свой страх и риск, не имея подчас никаких указаний партийного или государственного руководства. Как вспоминал впоследствии Вячеслав Кондратьев, ветеран войны и писатель: «...эта война стала для нашего поколения самым важным делом жизни... Это был настоящий взрыв любви к своей Родине. Это священное чувство готовности пожертвовать своей жизнью ради родной земли просто незабываемо». Кондратьев, как и многие другие

его современники, почувствовал с горечью после войны, что этот свежий и истинный гражданский патриотизм был растоптан Сталиным и коммунистической партией»³⁰⁰. Здесь следует отметить, что И.В. Сталин и его подручные хорошо усвоили уроки истории и быстро подавили маленькие ростки свободомыслия среди фронтовиков, арестовав несколько старших офицеров. Потенциальных же вождей армии – маршалов Жукова и Рокоссовского – Сталин разослал по отдаленным военным округам или в Восточную Европу.

Наступивший период «позднего Сталина» – 1945–1953 гг. называют исследователи-обществоведы еще и «Сталинским ампиром». Связано это не только с архитектурным стилем сталинских высоток в Москве (советский ответ американским небоскрегам). В это время наступил расцвет советского классического искусства – балет и театр. Репрессии проводились уже не так массово, а выборочно. Самое же любимое из этого периода, что нравится историкам «русской националистической» школы, – это русский великодержавный шовинизм, который стала исповедовать сталинская бюрократия. Появились масса доказательств, что вся мировая наука – это Ломоносов, Ползунов, Попов и Ладыгин, а иностранцы все «плагиаторы». А.С. Пушкин вновь стал «нашим всем», да еще по значению явно превосходил французскую и английскую классическую литературу, вместе взятые. Особенно радостно восприняли «неофиты» новой, сталинского набора интеллигенции, борьбу с безродным космополитизмом. Под последним вообще-то понималось противодействие наступающей уже с Запада массовой культуре, но отечественные чинуши все свели к пресловутой борьбе с мировым еврейством в русских уездных городах. Однако сама война, приобщение массы советских солдат к европейской бытовой культуре, «наступление джаза» и прочих атрибутов массовой культуры, общая усталость после войны, затхлость идеологических установок и численный рост интеллигенции – все это постепенно приводило советское общество к непростому социально-психологическому кризису, который наступил во второй половине XX века.

---

³⁰⁰ Цит. по: Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. 2. – М., 2003. – С. 247.

РАЗВИТИЕ НОВОГО СОЦИУМА – «ХОМО СОВЕТИКУС»

Смерть Сталина позволила освободившимся от его опеки представителям коммунистической номенклатуры приступить к новым способам вылепливания социального лица уже у создавшейся в общих чертах советской цивилизации. Главной социальной проблемой были выработка мировоззренческих ориентиров у основных групп населения и борьба с «буржуазной опасностью», уже не в виде военно-политического противостояния, а в ходе проникновения в СССР европейских и североамериканских стандартов жизни и культуры. В этом плане любопытно то влияние, которое оказало на советские оккупационные войска длительное пребывание в Германии. Если заграничный поход русской армии 1812–1814 гг. способствовал росту в русской офицерской среде оппозиционных политических настроений и разбудил российскую общественно-политическую мысль, то пребывание советских войск в побежденной Германии разбудило у победителей социальную зависть к побежденным. Об этом хорошо говорят воспоминания ветеранов войны, приводимые в своих работах известным историком В.Г. Сироткиным: «...Я решил выпросить у солдата: что его больше всего поразило в фашистской Германии, куда еще в 1944г. (Восточная Пруссия) ворвалась наша доблестная армия? И солдатик ответил: хлев. Оказывается, потрясли его не аккуратные немецкие дома, не отличные асфальтовые автобаны, а коровник! Ворвался он в этот коровник, ища немца, а там – кафель на стенах, чистые стойла, кормушка-транспортёр, стерильно чистая, из кафеля поилка...И над всем эти коровьим царством – «лампочки Ильича». Включил выключатель – горят. И у кого все это царство – у «фашистских» коров, в «логове зверя, Гитлера». А у него в деревне, в колхозе – какой хлев, какие лампочки, какой кафель! Дорог нормальных отродясь не было, победители, в душу мать...». И как он по этому кафелю и «лампочкам Ильича» да из автомата, плача и матерясь, пока не расстрелял весь диск»³⁰¹. Именно материальный достаток, а не

---

³⁰¹ Сироткин, В. Г. Кто обворовал Россию? / В. Г. Сироткин. – М., 2003. – С. 82–83.

конституционные идеи как у декабристов поразили советских людей, пришедших с армией в Европу. Постоянно декларируемый «вульгарный материализм» в системе социальных ценностей Советского Союза сделал победителей гитлеровской Германии сторонниками культа вещей, которые они вывозили из побежденной страны. Это социальное явление не удивительно, потому что «хомо советикус» – человек советский создавался отнюдь не на образцах великой русской культуры. «Этот homo вышел не из дворянской, но и не из крестьянской культуры – он питался соками промежуточной посадской (мещанской) субкультуры, не слишком надрываюсь на работе, но не нарушая существующие законы и тем более не играя «в политику» (что при Сталине означало рассказывание политических анекдотов в курилке). Это было общество своеобразной «монастырской братии»... где каждый, не владея ничем, обязан был соблюдать сталинский монастырский «устав». При этом действия «иерархов» – сталинской партхозноменклатуры и ее «папы» (самого Сталина) – «братия» никакой критике подвергать не смела»³⁰². Это новое социальное явление, на всех этажах своей социальной лестницы, вздохнуло несколько свободно после смерти самого Сталина. У большинства историков фигура Хрущева Н.С. ассоциируется с его полуанекдотичными выходками на мировой арене и с эпопеей «царицы полей» – кукурузы. Вместе с тем хрущевская «оттепель» и декларируемая с молчаливого согласия самого первого секретаря политика «очеловечивания» социализма, с элементами революционной и военной романтики («И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной»), дала «развитому социализму» определенный морально-психологический толчок к некоторому саморазвитию. Озверевшие в коммунальном житии строители коммунизма получили в результате массового квартирного строительства возможность вернуться к старой, кластерной модели повседневного социального бытия. Семьи советских трудящихся начали свою частную жизнь, за которой уже не следили добровольные блюстители социалистической нравственности и морали. Эпоха Хрущева дала возможность колхозному крестьянству, пусть и частично, но освободиться от наиболее одиозных форм

---

³⁰² Там же. – С. 73–74.

колхозного рабства. Усилился отток населения в города, в которых постепенно, в рамках длительной временной протяженности, стали самоорганизовываться различные городские субкультуры.

К 1960 г. произошел определенный момент своеобразной социальной и политической стабилизации советского режима. Представители поколений, которые помнили хоть какую-то другую жизнь, вымерли физически. Никаких сил, социальных и политических, которые могли бы создать ту или иную форму альтернативы правящему режиму, не наблюдалось (единицы-диссиденты были не в счет и не были известны широкой публике). Необходимо отметить, что именно жилищная программа – предоставление в очередь небольших квартир всем работающим, с тем или иным временным промежутком, было не только само по себе крупным социальным достижением СССР. Этим процессом окончательно разрывался традиционный для потомков крестьян общинный мир. Человек стал жить своей отдельной семьей и вступал с другими людьми в юридические или профессиональные отношения. Начался процесс формирования индивидуальных групп проживания, в которых люди стали создавать микросоциумы на основании общих интересов – не всегда экономических, общих профессий или культурных предпочтений.

Так называемый «советский человек – хомо советикус» во второй половине XX века представлял собой широкую аморфную социальную массу, без достаточно четких юридических делений и форм социальных и политических компетенций. По высказываниям советских идеологов это был единый многонациональный советский народ, во главе которого стояла Коммунистическая партия (КПСС). Партаппарат превратился в своеобразную касту надсмотрщиков и распределителей материального продукта среди огромной безликой в социальном аспекте массой населения. Всё находилось под присмотром партийной и хозяйственной номенклатуры КПСС. «Партаппарат отныне должен был не косвенно, через «приводные ремни» – госаппарат, профсоюзы, комсомол – управлять экономикой, а руководить ею непосредственно. Зафиксированное Сталиным слияние аппаратов партии и государства при Брежневем свершилось до конца: отныне не только директор крупного оборонного завода утверждался на политбюро, но и директор коммунальной

бани где-нибудь в Царево-Пропойске – на бюро райкома»³⁰³. Такая система управления требовала гигантского аппарата. По подсчетам разного рода публицистов, к 1985 году в СССР было примерно до 20 миллионов человек, представителей партхозноменклатуры того или иного статуса. Подбор кандидатов на должности отличался не только от средневековой Руси с ее принципами знатности рода и местничества, не только от 14-ранговой системы Петра I, но даже от средневековых китайских экзаменов на звание чиновника. Выбор кандидатуры на номенклатурную, то есть партийную, должность не зависел от талантов кандидата или его личных качеств. Исключением здесь были только научная сфера тех производств, которые работали на оборону и космос и на фундаментальную науку. В них допускались редкие исключения беспартийности, так как нужен был быстрый результат в военном противостоянии с США. Но в остальном, во всех сферах жизни, царствовал принцип клановости, клиентелы в самых худших традициях Римской империи эпохи упадка. Кадры проверялись на личную преданность главе клана, на наличие определенных психологических качеств, как то: угодливость, раболепие перед вышестоящим, подхалимство, наущничество, демонстрация посредственных способностей (чтобы не быть заподозренным в карьеризме). Это был своеобразный социальный отбор, выработавший четкий социальный тип номенклатурщика. Он должен быть верен своему клану, своей группе и официальному или неофициальному лидеру группы. Сам способ подборки кадров советской коммунистической номенклатуры как особое социальное явление очень хорошо описал М. Восленский в своей книге под соответствующим названием «Номенклатура». «...В... этой группе Иванов будет показывать себя человеком надежным, на которого можно положиться в любом деле, требовательную к подчиненным и трогательно дружественным к членам группы. Особую, поистине собачью преданность будет проявлять товарищ Иванов к главе этой группы – скажем, Петру Петровичу Петрову, номенклатурному чину, который по своему положению

---

³⁰³ Сироткин, В. Г. Кто обворовал Россию? / В. Г. Сироткин. – М., 2003. – С. 111.

имеет так называемое «право найма и увольнения»... номенклатурных работников низшей категории. Привыкший к власти и уже успевший заметно от нее поглупеть, П.П. Петров оценит Иванова, смотрящего на него влюбленными глазами, говорящего о нем с тихим восхищением и готового сделать по его кивку любую подлость... Предварительно П.П. Петров будет говорить с ответственным чином в аппарате назначающего парторгана – скажем, С.С. Сидоровым. Рассказав чину о том, как он в субботу и воскресенье охотился или был на рыбалке, П.П. Петров скажет: «Знаешь, Сидор Сидорович, у меня к тебе дело. Тут я на должность начальника управления подобрал хорошего мужика. Он, правда, еще не в номенклатуре, но парень растущий; три года был у меня секретарем парткома, надежный человек. Не пьет, по женской части скандалов нет, как специалист разбирается в деле. Я думаю его представлять. Просьба к тебе, Сидор Сидорович: посмотри его и, если сочтешь возможным, поддержи». Сидоров с непроницаемым выражением толстой физиономии коротко обронит: «Присылай дело, посмотрим». ...Дело будет оформлено и направлено в партийный орган. Подчиненный Сидорова, получив дело, осторожно прозондирует, как относится шеф к перспективе назначения Иванова («Сидор Сидорович, тут пришло дело от Петрова на Иванова...»), и, убедившись, что вопрос согласован («Да, Петров мне говорил...»), подготовит вопрос в КГБ: нет ли возражений против назначения товарища Иванова И.И. на такую-то должность. Через месяц – полтора придет ответ. Тем временем референт будет наводить справки о кандидате: вызовет к себе секретаря парткома управления и расспросит, какого мнения об Иванове в парторганизации, не было ли у него каких-либо неприятностей по партийной линии; поговорит с секретарем парткома министерства и с заведующим отдела райкома, с секретарем райкома; посоветуется с теми из своих коллег, кто имел дело с Ивановым. Смысл всех этих бесед прежде всего в том, чтобы разделить ответственность на случай, если Иванов впоследствии чем-нибудь себя опорочит. Тот же смысл имеют и представляемые на кандидата письменные материалы... Вся так называемая «подготовка кандидатуры» проводится по принципу работы страховых компаний, путем перестраховки

распределяющих между собой риск. Характерно, что сами термины «перестраховка», «перестраховщик» прочно вошли в жаргон советской номенклатуры и, хотя употребляются в уничижительном смысле, ясно показывают направленность мышления. ...Когда вся эта перестраховочная процедура будет закончена, референт готовит проект решения, поставит на нем свою визу, и проект будет пущен в ход... Подготовленный проект решения, как принято говорить, «пускается на голосование», то есть дается на подпись членам соответствующего парторгана. Поскольку и здесь, разумеется, действует принцип перестраховки, на подложенном втором экземпляре должны быть визы руководящих работников аппарата, ответственных за подготовку проекта. Первым подписывает секретарь комитета, ведающий той отраслью номенклатуры, куда должен войти товарищ Иванов. Когда решение, как принято говорить на номенклатурном жаргоне, «вышло» или «состоялось», оно изготавливается начисто и... направляется в то ведомство, которое формально назначает на эту должность... На основании этой бумаги (но без ссылки на нее) Петров издает свой приказ о назначении. Товарищ Иванов И.И. включен в номенклатуру»³⁰⁴. Именно таким образом проходили назначения на должность в СССР. Номенклатурные работники становились особой социальной кастой советского общества, резко выделяясь на общем сером массовом фоне своими привилегиями и социальными возможностями ³⁰⁵.

---

³⁰⁴ Восленский Михаил. Номенклатура / М. Восленский. – М., 2005. – С. 129–132.

³⁰⁵ Здесь необходимо отметить, что в современных условиях, в XXI веке эти нормы формирования кадровой политики все еще живы, особенно в российской провинции. Автор этих строк, работающий в ряде университетов Алтайского края, постоянно наблюдает аналогичную картину, приведенную М. Восленским в практике назначения на руководящие должности в вузах города Барнаула, когда за критерий профессиональной пригодности приводятся не научные способности и интеллект человека, а угодливость, подхалимаж, посредственность, предлагаемые на административную руководящую работу в беседах личного характера в тиши кабинетов. – Прим. автора.

Основную же социальную массу населения СССР составляли так называемые «трудящиеся». Их социальная градация была довольно размытой, но было, так сказать, географическое и профессиональное размежевание: колхозники (крестьянство), рабочие, то есть лица, занятые физическим трудом на производстве, и так называемая «прослойка» – трудовая интеллигенция, люди интеллектуального труда. Социальное положение определялось количеством заработной платы всех этих категорий, внутри которых проходила незримая разбивка на множество множеств различных групп и подгрупп. Самым низким престижем в советском обществе пользовались люди, занимающиеся сельскохозяйственным трудом, в котором была низкая зарплата и плохие условия для трудовой деятельности. Группы рабочих и трудовой интеллигенции – в последнюю входил так называемый «инженерный корпус», ИТР – инженерно-технические работники, распределялись по количеству трудового заработка. Какая-либо профессиональная карьера была возможна только в случае вступления того или иного персонала в члены КПСС.

Но это была видимая часть социального айсберга. В задачу автора этих строк не входит описание так называемого «диссидентского движения». Это тема отдельного исторического исследования. Тем более что сами «диссиденты» признают свое минимальное влияние на социальную трансформацию советского общества. Вся масса нового советского общества, новообразованный социум, даже, как говорят некоторые историки, «советская цивилизация–хому советикус» – прошла сложную социальную эволюцию в период длительного временного развития, на протяжении периода со смерти Сталина в 1953 году, до избрания М.С. Горбачева Генеральным Секретарем ЦК КПСС в 1985 году. Эта социальная эволюция подразумевала смену мотивационной парадигмы всего, еще российского по своему историческому происхождению, общества. Жилищная программа КПСС принесла совершенно необычные для своих инициаторов социальные плоды. Старая социальная коллективная общность, все еще поддерживаемая коммунальными квартирами, пусть и на уровне обывательского сознания (великолепно описанного в своих рассказах М. Зощенко), эта общность самолик-

видировалась с появлением «хрущевок». Первое личное жилье, казавшееся их обладателям дворцами, своим имением стало тиглем, в которых создались новые социальные реалии. Появилась отдельно взятая семья, в которой уже формировался атомизированный человек, имеющий свои, только ему индивидуально присущие черты, не обязанный в своей частной, повседневной жизни руководствоваться теми или иными псевдоколлективистскими социальными установками. В первую очередь изменилась сама семья, превратившись из патриархальной в биполярную. Советская женщина, все еще остающаяся в рамках традиционной русской этической культуры, абсолютно чуждая западных феминистских концепций (за исключением сексуальной свободы самостоятельного выбора мужа или партнера), заняла более значимую социальную позицию в семейных отношениях. Женщины в советских семьях также работали на производстве, пусть и получая чуть меньшую, чем их мужья, заработную плату. Но в межсемейных отношениях внутри урбанизированного советского общества возникли новые социальные связи. Роль мужчины, держателя в своих руках всего семейного хозяйства, с появлением типовых блочных квартир уменьшилась. Хозяйственные заботы легли целиком на плечи женщин, а мужчины заключили со своими женами своеобразный «социальный пакт» – мужья отдают женам большую часть своей заработной платы – до 70% – на хозяйственные нужды, а жены не препятствуют мужским нерабочим развлечениям: рыбалка, посиделки в банях с алкоголем, коллективные мужские походы на футбол и хоккей. При этом сами женщины проявляли определенную социальную активность, сделав такой вид спорта, как фигурное катание, третьим по зрелищному интересу в стране после футбола и хоккея. Воспитание детей стало прерогативой социальных институтов – детского сада и школы, где главную роль играли опять женщины – матери, воспитательницы, учительницы³⁰⁶. При этом советские женщины все больше проявляли самостоятельность в межполовых отношениях,

---

³⁰⁶ В настоящий момент издержки этого женского воспитания сказались на качественном составе российской армии в ходе многочисленных кавказских кампаний и боевых операций, в которых личный состав российской армии уступает в рукопашных схватках представителям кавказских народов, все еще живущих по патриархальным обычаям. – Прим. автора.

следили за европейской модой и все больше раздражались по поводу вмешательства в частную жизнь различных партийных и подчиненных им женских (так называемые женсоветы) организаций.

Значительные социальные видоизменения стали проявляться в молодежной среде. Магнитофонная культура позволила получать различные виды культуртрегерской информации, минуя партийные и государственные структуры. Молодежь собиралась для прослушивания западной музыки, танцевала, развлекалась, вступала в сексуальные отношения. Комсомол пытался бороться с носителями «чуждого образа жизни» посредством организации комсомольских пикетов на улицах, где с так называемых «стиляг», а затем с «хиппи» срывались западные образцы одежды. На комсомольских собраниях шла «проработка» проштрафившихся. Изрекались афоризмы, типа «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Однако различные урбанизированные городские слои создавали многочисленные очаги разного рода субкультур, которые не контролировались идеологическими органами в частных жилищах. «...Развитие городской субкультуры, повышение общего уровня образования породили значительно более сложную общественную структуру, отличавшуюся целой гаммой «неформальных образований», «микромиров» и уголков «самоуправления» со своей социальной базой, культурой и «контркультурой», исследователями и учеными, молодежными группами, профессиональными и межпрофессиональными ассоциациями. Эта «неформальная» жизнь малопомалу заставляла прислушиваться к своему мнению и своим требованиям. Пробным камнем (или опытным полем) для этих первых спонтанных проявлений общественного мнения чаще всего служила культурная жизнь. В этом смысле показателен пример В. Высоцкого (умершего в 1980 г. в возрасте 42 лет), ставшего подлинным общественным явлением, позволившим выйти на поверхность не только параллельной культуре, но и неформальным объединениям, которые охватили значительно более широкую массу людей, чем традиционные кружки интеллигенции»³⁰⁷. В блочных квартирах, на малогабаритных кухнях интеллигенция вела разговоры о

---

³⁰⁷ Верт Николая. История советского государства. 1900 – 1991 / Н. Верт; пер с фр. – М., 2000. – С. 460.

культуре, литературе, просто о жизни, постепенно переходя на повседневную социальную действительность. Эти своеобразные политические клубы, «политические кухни» стали местом формирования так называемого «пассивного сопротивления», когда городские жители жили жизнью, отдельной от партийно-государственных структур. Последние раздражались огромным словесным монологом, принимали какие-то решения, публиковали в печати призывы, но все уходило «в песок».

А что основа нового социального государства, так называемый «пролетариат», рабочий класс, во имя которого, якобы и произошел весь этот гигантский социальный эксперимент? Рабочие при «развитом социализме» – 1960–1970 гг. получали хорошую зарплату, квартиры в первую очередь и различные социальные льготы раньше инженеров и учителей. Но стал ли рабочий класс социальной опорой новой власти, ее нравственным и профессиональным корнем. Об этом свидетельствуют следующие социальные зарисовки. «...Тогда началось строительство ВАЗа в г. Тольятти (1960 гг. – Д.К.)...В самом начале работы вазовского конвейера по выпуску «жигулей – лад» итальянцы ввели было свои порядки: обед – полчаса в столовых самообслуживания, где хлеб, салаты, соки уже лежали на столах; в цеху – автоматы с легким сухим итальянским вином; повсюду – телекамеры для отслеживания процесса сборки автомобилей. Кончилось все это «итальянское чудо» огромным конфузом. Во-первых, наши работяги непрерывно бегали к «автопоилкам», пока за первые два часа работы конвейера не выпивали его до дна...Во-вторых, когда пришло время расчета, одни получили по 300–500 руб. ..., другие – по 100–150 руб. Начался шум – гам: «Я же был на работе, как Васька, почему ему три сотни, а мне одну?». Итальянцы предусмотрели и это – позвали бузотеров в просмотровый зал и показали видеопленку о работе каждого с точным подсчетом времени – когда работяга действительно работал, а когда ходил курить, искал ключ шесть на восемь, бегал к «автопоилке»: вот за чистое время работы вам и заплатили. Что тут началось! Крики «концлагерь», «гестаповцы», «за что боролись в октябре 17-го» и т.д. Забастовку пригрозили объявить против «капиталистов». Местное начальство струхнуло, и весь про-

грессивный итальянский «капитализм» отменило вместе с «автопоилками». Второй пример уже с другого завода – КамАЗа в 70-х гг. (XX век – Д.К.)... В цехе – только дежурная смена советских слесарей: монтируют уже готовую станочную линию из ФРГ. Линия на ходу, все крутится, хотя пока и вхолостую. А тут хоккейный матч «Спартак» – ЦСКА из Москвы! Телевизор стоит рядом с линией, сами же немцы для культурного обслуживания и поставили. Что делает один из наших работяг? Подходит к станочной линии и лупит кувалдой по станине – а там один микрон, и вся линия из 16 станков встает... Все, порядок. Бригада садится вокруг телевизора и наслаждается хоккеем, причем уже и «бутылек» у них появился. А что теперь надо вызывать пожарную бригаду немецких слесарей из ФРГ (таковы условия контракта) – нашим «пролетариям» наплевать: не они же из своего кармана платят, фирма, «немчура», «фашисты»³⁰⁸. Весь этот «пролетариат» составлял львиную долю так называемого рабочего класса, с которым представители партноменклатурных кругов в социальном плане откровенно заигрывали, но не давали никаких возможностей для самостоятельного социального действия (например, создание независимых профсоюзов). Социальное заигрывание выражалось в форме предоставления максимума социальных льгот: квартира, детские сады, путевки в санаторий во время отпуска, периодическое подбрасывание дефицитных товаров по льготным ценам. Так что какой-либо социально-политической оппозиции в среде советского рабочего класса по отношению к правящей партхозноменклатуре КПСС не наблюдалось.

Реальное подобие социальной альтернативы в СССР гнездились в массе так называемых «служащих»: работников университетов, научно-исследовательских институтов, академгородков, инженеров производств и всевозможных конструкторских бюро. Эти люди собирались на кухнях, обсуждали литературные, театральные и кинематографические новинки. В их систему мировоззрения постепенно проникала ценностная парадигма европейских либерально-демократических идей. Но основой этого социального переворота

---

³⁰⁸ Цит. по: Сироткин, В. Г. Кто обворовал Россию? / В. Г. Сироткин. – М., 2003. – С. 138–139.

было не владение собственностью как в Западной Европе, а усвоение этических постулатов демократии. Таким образом, какой-либо социальный протест был обоснован не борьбой за власть, которая является в России самостоятельным игроком на политическом поле, а стремление воздействовать на властные структуры пассивным сопротивлением. Этот процесс включал в себя уход во внутреннюю жизнь, в частные обстоятельства, в алкоголизм, в занятия гедонистическими формами жизни. Идеологическая трескотня шла как бы в стороне от самого общества. В государственном масштабе это выражалось в падении производительности труда, социальной пассивности и в ряде побочных отрицательных явлений (рост преступности, падения рождаемости, рост числа самоубийств).

Что же стало социальной опорой так называемой «Перестройки» в середине 1980 гг. в СССР? Основная масса «служащих» видела социальную перспективу в наступлении в СССР так называемого «социализма с человеческим лицом». Подразумевалось под этим смягчение тотальной политической роли коммунистической партии в системах повседневной реальности: меньше разговоров о марксизме-ленинизме, больше свободы в культурной жизни, больше возможностей заработать, перспективы расширения личной собственности (квартиры, дачи, земельные участки, машины, драгоценности, бытовая техника, мебель и т.п.). Особенно приветствовалось расширение возможностей поездок за границу. Для научных работников, которых к 1985 году было около 1,5 миллионов человек, – ликвидация мелочной опеки парткомов и назначение на руководящие должности компетентных начальников. Какие-либо программы политического свойства отсутствовали³⁰⁹. Вместе с тем оппозиция сложилась внутри партийной номенклатуры, и ее движущими силами были отнюдь не идейные соображения. Советская коммунистическая элита ничем не походила на элиту Российской империи. Какая-либо интеллектуальная составляющая ей была чужда, что хорошо показал в своих работах тот же М. Восленский. Противоречия внутри пархозноменклатурной элиты носили личный и возрастной характер. Создание личных

---

³⁰⁹ Автор намеренно не анализирует деятельность малочисленных диссидентских группировок с их умозрительными политическими программами. – Прим. автора.

кланов было характерно для советской элиты. Но на рубеже 1970–1980 гг. сложилось возрастное противостояние. В СССР наступила власть геронтократии, то есть правление стариков. Молодым считался руководитель после 40 лет, перспективным в 50 лет, опытным в 60 лет. Огромная масса карьеристов просто не достигала даже среднего уровня в своем пути номенклатурного работника. Особенно обиженными выглядели так называемые «комсюки» – работники многочисленных комсомольских организаций. К 30 годам они в массе своей выпадали из процесса восхождения к «зияющим номенклатурным высотам». Свою же «идеологическую программу» великовозрастные комсомольские вожаки подчерпнули в ходе туристических поездок или пребывания в строительных отрядах в Восточной Европе, в странах так называемой «народной демократии». В этих государствах, который СССР оккупировал в ходе Второй мировой войны, были установлены социалистические режимы. Они идеологически были подконтрольны Советскому Союзу, внешнеполитически и экономически зависимы от СССР, но во внутренней жизни, особенно в социокультурной области, сохранили известную автономию и даже развили особый род социалистической действительности – «гуляш-социализм». Именно этот «гуляш» и стал тем идейным вдохновителем, который привел комсомольские массы в СССР к осознанию необходимости «перестройки». Суть перемен проста – надо прекратить жить в осажденной крепости по правилам пролетарской революции. «Народно-демократические» режимы в Восточной Европе показали, что диктатура пролетариата вполне совместима с хорошей бытовой жизнью. Опыт Венгрии, от названия национального блюда которой – «гуляш» и пошло это новое ответвление «социализма с человеческим лицом», точнее с мясными блюдами и изобилием продовольствия, показал, что и при социализме можно жить сыто. Особенно нравился советским комсомольцам гедонистический уклад жизни партхозноменклатуры восточно-европейских саттелитов СССР. Например, Польшу вообще называли «самым веселым баракком социалистического лагеря». Обилие развлечений: модная музыка, ночные клубы, стриптизы, почти открытая проституция, обилие модной одежды – оказывается, это все может существовать и не противоречить марксизму-ленинизму, по крайней

мере, по вечерам и ночам. При этом политическая власть в руках партии. К ней привязаны так называемые кооперативы, которые являются легальным источником обогащения. Почему бы такое и не создать в СССР?. Надо только избавиться от засидевшихся у власти стариков.

ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ САМОЛИКВИДАЦИИ «СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Сама так называемая «перестройка» является предметом отдельного исторического исследования, чем уже и занимаются многие историки. Автор этих строк хотел бы остановиться на главном элементе крушения социального строя цивилизации «Хомо советикус» – на национальных отношениях в СССР.

Значительную роль в процессе социальной трансформации «Хомо советикус» сыграл еврейский этнический элемент. Будучи одним из ведущих структур первоначального «революционного проекта» в России, еврейский этнос в период сталинских репрессий потерял своё политическое значение внутри партхозноменклатуры СССР. Однако традиционные для еврейского этноса высокий элемент образованности и хотябы элементарные формы самоорганизации позволили представителям «демократической национальности» занять ведущие позиции в таких областях социальной жизни СССР, как культура, особенно артистическая, в гуманитарных и юридических науках, в медицине. В так называемых диссидентских кругах евреи играли ведущую роль, выступая главными идеологами продвижения в советском обществе норм идеологии «общечеловеческих ценностей». Каких-либо проектов социально-политического характера по переустройству советского общества не провозглашалось, кроме достаточно расплывчатой теории «социальной конвергенции» (автор академик А.Д. Сахаров). Особенно популярным в среде «Хомо советикус» был еврейский юмор. Автор этих строк сам в студенческие времена по великому благу проникал на концерты М. Жванецкого, где надрывал живот от смеха. В своих сатирических экзерсисах советские еврейские юмористы провозглашали социальные ценности маленького человека, который хочет, чтобы всевозможные идеологи оставили его в покое и

дали нормально жить. «Вы делаете вид, что платите нам зарплату, – мы делаем вид, что мы работаем». Здесь следует отметить тот любопытный факт, что в немногочисленных околофилософских произведениях еврейские диссиденты называли СССР «неудавшимся проектом». Под таким утверждением понималось, что Сталин и наследствовавшая ему партийная номенклатура отказалась от революционных идей Л. Троцкого и приноровила к советской действительности не лучшие формы управления бывшей имперской России.

Советский Союз принято было считать империей, как бы историческим наследником Российской империи. Но при внимательном изучении можно обратить внимание, что русский этнос как в царской империи, так и особенно в СССР не являлся, так сказать, имперской нацией. Русский язык, на котором все говорили и писали что в Российской империи, что в СССР, выполнял роль технического средства общения, как латынь в средневековой Европе. Правящая в Российской империи династия начиная с Екатерины II была немецкой. Появившиеся было на рубеже XIX–XX веков русские политические националисты были озабочены не столько экономическими или политическими правами этнических русских, сколько выясняли – где и в каком учреждении, сколько находится евреев и приносят ли все те же евреи жертвы в виде невинно убиенных христианских младенцев. Единственный раз в истории России русские националисты пронесли гигантской кометой на просторах исторического процесса в виде белогвардейского движения в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. Однако основная масса русского крестьянства ничего не поняла из программы белогвардейцев, предпочитая социальную пассивность, и даже позволила интернациональным большевикам забросать трупами мобилизованных в Красную Армию крестьян белогвардейские окопы.

В создавшемся Советском Союзе русские как нация стали в лучшем случае основным трудовым и армейским ресурсом для коммунистического руководства страны в осуществлении разного рода социальных проектов. В плане внутреннего развития России русские, чья административная единица в СССР, называемая РСФСР, были в заброшенном состоянии. Как отмечают современные исследова-

дователи, «в историческом плане Советский Союз отчасти воспроизводил дореволюционную ситуацию: русские несли ответственность за империю, но не пользовались в ней преимуществами»³¹⁰. По степени социального благополучия РСФСР находилась в СССР на 14 месте среди 15 республик (хуже жила только Туркмения). Долго сопротивлявшиеся советской оккупации республики Прибалтики имели высший порог материальной жизни и социальных льгот в СССР. Особенно много было экономических и социальных льгот в кавказских республиках, особенно в Грузии. Этот факт отмечают исследователи советской номенклатуры: «Всякий, кто бывал в Грузии, видел эти непривычно большие приусадебные участки грузинских колхозников, толпу расфранченных фланирующих грузин на улицах Тбилиси, удивлялся непомерным для советского гражданина суммам денег, которые люди довольно легко там тратили. Все знали, что там можно купить и место в вузе, и должность, и диплом об окончании вуза, и даже грамоту о присвоении звания Героя Советского союза. Продолжалось это и после Сталина, культ которого там был официально сохранен. Немало грузин рассматривали свою республику как некую особую территорию, и нередко приезжий, недоумевавший по поводу непривычных порядков, слышал: «Не нравится Грузия? Поезжай в Советский Союз!»³¹¹. Русские же в национальных республиках были на положении квалифицированных завезенных туда «гастарбайтеров»: они выполняли работу инженеров, высококвалифицированных рабочих. Их социальное положение в национальных республиках СССР было довольно сложным. «Русские жители советских национальных республик не пользуются никакими привилегиями, они – нацменьшинство, на котором нередко вымешают неприязнь к московским номенклатурным хозяевам... Жизнь русского населения в национальных республиках малоприятна. Русские там – не «раса господ», а люди зависимые, с ограниченными возможностями, меньшими, чем у коренного населения»³¹².

---

³¹⁰ Соловей, В. Д. Русские против империи / В. Д. Соловей // Свободная мысль. – 2012. – №12. – С. 153.

³¹¹ Восленский Михаил Номенклатура / М. Восленский. – М., 2005. – С. 218.

³¹² Там же С. 419.

В этих условиях половина населения СССР из 270 млн человек – этнические русские – были лишены возможности участвовать в том или ином виде во внутривнутриполитических процессах в СССР. Главной движущей силой в социально-политических изменениях в стране стали национальные движения в Советском Союзе, слегка приправленные социально-политической активностью интеллигенции в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге). Причем последние объекты в своих «перестроечных» требованиях касались только видоизменения социальных и экономических взаимоотношений внутри СССР. Но политическая практика показала, что национальные проблемы в Советском Союзе имели более самодовлеющий характер для дальнейшего развития страны.

Если попытаться рассмотреть национальные проблемы СССР без присутствия пресловутого великорусского фактора, очень часто просто притянутого что называется «за уши» (только основывающегося на всеобщем присутствии во всех аспектах технической и культурной сферах СССР русского языка как форме межнационального общения и языка документации, не более того), то выстраивается интересная картина межнациональных отношений. При чисто внешнем отсутствии «старшего брата» взаимоотношения остальных народов не блещут толерантностью. В Средней Азии таджики и узбеки постоянно выясняют, кто из них древнее и главнее, а остальные «актеры» стараются вытеснить соседей из тех или иных ареалов обитания. В Прибалтике, когда нету рядом русских, латыши и эстонцы, удобно расположившись в квартирах своих бывших немецких хозяев, благодушно посмеиваются над извечными «деревенщиной» – литовцами, позже всех в Европе принявшими христианство язычниками³¹³. В свою очередь литовцы, усмехаясь, любят поиронизировать над вечными слугами своих хозяев эстонцами и латышами, прославляя военную доблесть своих предков в борьбе с немецкими рыцарями и татарами Золотой Орды.

Однако роль «эффекта домино» в распаде СССР сыграл Кавказ. Вплоть до сегодняшнего дня кавказские народы играют важную роль в процессе межнационального противостояния в России. В период 1970–1987 гг. важную роль в социальных процессах в СССР

---

³¹³ Читай новеллу Проспера Мериме «Локис». – Прим. автора.

играли Грузия и Армения. Грузины пользовались различными преференциями со времен Сталина, армяне использовали культурное влияние своей интеллигенции на союзный центр. Азербайджан в этих процессах стоял в стороне. Вообще, если внимательно рассмотреть содержание всевозможных притч и анекдотов на Кавказе, то прослеживается следующая закономерность: грузины и армяне в них выступают в качестве равноценных соперников, а азербайджанцам остается удел простофиль и дураков. Можно сказать, что в определенном смысле это было обусловлено исторически, пока в Азербайджане не появился сильный лидер. Таковым являлся Гейдар Алиевич Алиев, пришедший к власти в Азербайджане к концу 1960-х гг. При этом в борьбе со своими конкурентами он использовал пленумы 1969 года, проведенные компартией Азербайджана под повесткой борьбы с отрицательными явлениями в экономической жизни своей республики. Причем одобрение эта формулировка получила не в союзном ЦК КПСС, а лично у главы КГБ Ю.В. Андропова. Избавивший от конкурентов Г. Алиев стал проводить политику укрепления своей республики в ряду основных «актеров» советской национальной политики. При этом он действовал в рамках общесоюзных тенденций; развивал тяжелую промышленность, завозил с этой целью «русскую квалифицированную рабочую силу» – инженеров и рабочих, давал им квартиры. Особую форму своей дипломатии Г. Алиев проявил в налаживании партнерских отношений с армянской диаспорой в Азербайджане, избегнув каких-либо конфликтов в традиционном противостоянии армян и азербайджанцев. Создав, таким образом, политическое реноме своим «владениям», Г. Алиев стал искать возможность оказывать влияние уже на союзный центр. Возможностей, подобных Грузии и Армении, у Г. Алиева не было, но он решил дело типично «по-азиатски» – посадив на влиятельное место своего человека. Таковым оказался тогда совсем невзрачный первый секретарь ставропольского обкома КПСС, некто М.С. Горбачев. В 1978 году на одной из железнодорожных станций на пути в Баку встретились едущий в Азербайджан Л.И. Брежнев, приятель генсека К.У. Черненко, «владыка» Азербайджана Г. Алиев и его «протезе» М.С. Горбачев. Все вхождение «ставропольского комбайнера» в святая святых советской номенклатуры прошло в рамках той процедуры

реализации кадровой политики в партхозноменклатуре КПСС, которая описана выше, в цитате из книги М. Восленского. В дальнейшем и Г.А. Алиев был взят Л.И. Брежневым в ЦК КПСС (кстати, азербайджанец совсем не испортил «бюрократической борозды» на верхах союзной власти), а затем начал делать свою карьеру наверху и сам М.С. Горбачев. Каково же было удивление «азиата» Г. Алиева, когда М.С. Горбачев, придя к власти, стал действовать с азиатской хитростью. Сначала главой внешнеполитического ведомства СССР был назначен грузин Э. Шеварнадзе, а затем М.С. Горбачев, как полагается верному ученику «азиатского стиля в политике», отправил своего благодетеля Г. Алиева на пенсию в 1987 году в золотом для советского номенклатурщика возрасте – 64 года. Однако учитель, молча стерпевший отставку, показал, что у него еще остался «порох в пороховницах».

Удалившись в родную для себя Нахичевань, Г. Алиев сделал то, что от него никто не ожидал. Будучи азербайджанцем, он пошел на контакт с армянским националистическим движением³¹⁴. Начавшийся в феврале 1988 года межнациональный конфликт между армянами и азербайджанцами из-за территории Нагорного Карабаха стал той выпавшим из общей картины костяшкой домино, которая привела СССР к политической гибели и цивилизационному краху.

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Если для России XVIII–XIX вв. главными национальными вопросами для Российского государства и даже в некоторой степени для российской цивилизации были польский и еврейские национальные проблемы, то на рубеже XX–XXI вв. таким вопросом стала украинская проблема. Прежде чем перейти к описанию текущих событий, связанных с этим вопросом, следует сделать исторический и социальный анализ возникшему историческому казусу.

---

³¹⁴ Здесь необходимо отметить, что в период многолетнего вооруженного конфликта из-за Карабаха находящийся от места конфликта в географической близости Нахичевань, практически не пострадал от военных действий, а его положение анклава внутри армянской территории никак не повлияло на снабжение населения Нахичевани продовольствием – Прим. автора.

Это социально-историческое явление – украинский вопрос, приведшее к фактически новой версии Гражданской войны в России (а вооружённая борьба идёт между ветвями одного восточнославянского этноса), представляет собой достаточно сложный, многослойный и длительный в исторической ретроспективе процесс, чтобы его можно было объяснить в рамках часовой журналистской телепередачи, с участием дико орущих пропагандистов. Автор этих строк попытается ответить на этот непростой вопрос.

До середины XIII века Древняя Русь, которую ещё называют Киевской Русью по имени города, где была ставка великого князя, формально в условиях феодальной раздробленности считавшегося главой государства, являлась частью средневековой европейской цивилизации. Конечно, в древнерусском государстве были свои особенности и свои тонкости в различных сферах социально-политической и экономической жизни. Однако монголо-татарское нашествие в середине XIII века не только нанесло древнерусскому социуму военно-политическое поражение, но и привело к определённому изменению цивилизационного кода.

Территория современной Украины в Средневековье в основном представляла собой области Галицко-Волынского княжеств и частично Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств. Последние три из перечисленных княжеств очень сильно пострадали во время Батыева нашествия и стали в народном сознании ассоциироваться с понятием «Дикого Поля» (во всяком случае примыкающим к этому своеобразному району территориями).

Галицко-волынское княжество также в 1241 году попало под удар полчищ Батыя. Но оно довольно быстро восстановилось, и уже в 1245 году князь Даниил Галицкий в битве под Ярославом одерживает крупную победу над объединённым войском польских, венгерских и галицийских феодалов, оспаривавших у него престол. В 1246 году Даниил Галицкий также ездил в Орду и где получил так называемую золотую «пайдзу» – что-то типа бенефиция на право иметь владение (не путать с «ярлыком») у монголо-татар. В том же 1246 году через Галицко-Волынское княжество проезжал папский посланник к Батыю, один из основателей монашеского ордена францисканцев Плано Карпини. Между папским посланцем и

Даниилом Галицким состоялись переговоры, по результатам которых князь Даниил вступил в антиордынскую коалицию европейских государей. Галицко-Волынскому князю была обещана помощь от папы римского, но в действенные меры она не вылилась. Тем не менее в 1252 году Даниил Галицкий вместе со своим зятем князем Владимирским Андреем Ярославичем подняли восстание против Золотой Орды. Здесь уместно отметить, что этот акт национально-освободительной борьбы русского народа проходит как-то вскользь в трудах отечественных историков. Судьба Андрея Ярославича уже описывалась, а вот Даниил Романович сумел в 1252 году одержать победу над монголо-татарской ратью Куремсы. Эта практически единственная победа русских над монголо-татарами в XIII веке нигде в военно-исторических исследованиях не анализируется и не упоминается. Почему? Ведь по итогам её произошла та же реакция властителей Золотой Орды, как и после Куликовской битвы. Галицко-Волынское княжество, не получив ожидаемой помощи от Европы, вынуждено было пойти на мирные переговоры с Ордой. Следует отметить, что это были именно мирные переговоры: Даниил Романович обязался скрыть все укрепления на границе с ордынскими владениями и платить минимальную контрибуцию Орде. Однако никаких баскаков в его княжество не приезжало, переписи не проводилось, людей в рабство не угоняли. Возможность сопротивления и отпора умерили аппетиты Золотой Орды. Папа римский прислал Даниилу Романовичу королевские регалии, и в 1255 году Галицко-волынский князь короновался в городе Дрогочин как «король русов». Сам Даниил Романович и его потомки до середины XIV века вели независимую внешнюю политику.

Земли среднего приднепровья – Киев, Смоленск, Полоцкое и Турово-Пинское княжество – в течение 100 лет исторического развития объединились в Великое княжество Литовское. Язычники-литовцы окончательно приняли христианство в его католической редакции только в XV веке. Почему же это относительно небольшое и не очень цивилизованное племя, хотя и храброе (достаточно вспомнить победы литовцев над ливонскими рыцарями в 1236 году при Шауляе и в 1260 году на озере Дурбе), сумело подчинить себе славянские христианские княжества. История Великого княжества

Литовского ещё ждёт своего исследователя. Автора же интересует тот факт, что русские князья и их литовские союзники не брали себе ярлыка на княжение в Золотой орде. В ходе более чем столетнего противостояния, в котором со стороны Великого княжества Литовского были и поражения, и единовременная выплата дани, тем не менее государственная независимость сохранилась. В 1362 году состоялась битва у Синих вод, в которой русские и литовцы, причем русские составляли большинство войска, нанесли поражение войскам Золотой Орды, отбросив их за Днепр. В 1399 году в битве на реке Ворскла князь Витовт, государь литовцев и русских, уже вмешался в феодальную междуусобицу в Золотой Орде, поддерживая своего кандидата. Хотя битва и была проиграна Витовтом, но косвенно показала силу его княжества. Таким образом, можно констатировать, что вопрос подчинения игу Золотой Орды был не только и не столько в количестве войск у Орды, сколько в наличии политической воли и просто личных боевых качеств у тогдашних феодальных властителей.

Помимо того, что западные русские воины выдержали в конце концов военный натиск Золотой Орды, им ещё и удалось, в контакте с другими народами Восточной Европы (литовцы, поляки, чехи) одержать совместную победу над Тевтонским орденом в битве при Грюнвальде в 1410 году. В ходе этих постоянных войн в православных, русских регионах Великого Литовского Княжества княжества формируется слой профессиональных воинов, которых на польский манер начинают величать шляхтой или шляхетством. Их большее количество, чем рыцарство в европейских странах, определено постоянными набегами татар и их отражением, а также войнами с рыцарскими прибалтийскими немецкими образованиями. Причем походы литовских князей на Москву в середине XIV века рассматриваются самими военными деятелями княжества как составная часть борьбы с Золотой Ордой, поскольку Москва тогда была агентом Золотой Орды. Выступление князя Ягайло против Дмитрия Донского было произведено в контексте вмешательства Литвы в межфеодальную войну в самом улусе Золотой Орды. Впрочем, князья Великого княжества Литовского индифферентно смотрели на службу православных литовских князей Москве (достаточно вспомнить воеводу Боброк-Волынского на Куликовом

поле и литовско-русского князя Остея, который руководил обороной Москвы против Тохтамыша в 1382 году).

Сама по себе православная шляхта не была аналогом европейского рыцарства. Это был частично перенесённый с польского образца социальный слой военных федератов – крестьян, обязанных власти только военной службой. Рядом с ними жили «холопы, хлопы» – то есть население, которое платило налоги и было освобождено от военной службы. Попасть в «шляхту» было сравнительно просто – во время очередной войны надо только вступить в войско, а там, уж как говорится, «Либо пан, либо пропал». При этом социальная разница между «шляхтой» и «хлопами», по мнению отечественных исследователей, была невелика. «... Подавляющее большинство шляхты составляла так называемая застенковая шляхта, аналог русских однодворцев. Её представители обитали в крошечных хуторах («застенках»), сами пахали землю вместе с крестьянами, поскольку всё их дворянское достояние зачастую заключалось в дедовской сабле»³¹⁵. Этот пример, хотя он и больше относится к самим полякам, был очень распространён в западнорусских землях именно из-за начавшегося развиваться польского социального и культурного влияния. Связано это было отнюдь не с прелестями польских девиц, воздействующих на неокрепших духом православных отроков, в стиле гоголевских произведений, о которых пишет тот же Л.Н. Гумилёв, а с отсутствием социального развития в западнорусских землях, законсервировавшихся там традиций Киевской Руси и ростом, с развитием книгопечатания, юридического и правового влияния стран Восточной Европы. Именно в XVI веке, с появлением, благодаря Игнатию Скорине печатного старорусского шрифта и возможности вести правовые отношения в Великом княжестве Литовском, появляются так называемые Литовские статуты, впервые регулирующие социальные отношения в княжестве. Появляются пока ещё на русском языке, пусть и в его раннем белорусском варианте. Это говорит как о пока ещё малом влиянии тогда католической церкви в княжестве, так и о наличии всё ещё сильной критической массы собственно православного,

---

³¹⁵ Гумилёв, Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. – М., 1992. – С.242.

русского населения. Ну, а то, что православная знать, в частности князь Острожский, успешно воюет с московскими князьями, говорит о том, что московская государственная модель в то время разделялась ещё не всеми православными.

Наличие своего митрополита в Киеве и существующие пока слои православной русской знати в западнорусских регионах позволяли ещё долго сохраняться этой особой русской православной общности. Причём это были не украинцы или белорусы в понимании политиков XX века, а население, вплоть до конца XVIII века называвшие себя «русскими» людьми.

Вплоть до XVI века на территории Малороссии (в будущем Украины) и Белой Руси, в будущем Белоруссии, не было каких-либо крупных исторических потрясений. Шли спорадические войны с Крымским ханством. В самой этнической Литве начались брожения различных движений реформаторов-протестантов. К 1569 году, после долгой войны с Московским государством (в российской истории это Ливонская война 1558–1583 гг.), на востоке Европы из земель Польши, Литвы, части Латвии и западнорусских земель под названием Малая и Белая Русь сложилась своеобразная феодальная республика – Речь Посполитая. Король избирался, а выборщики из числа дворян (шляхты) имели право вето на собраниях. После объединения в 1569 году Польши и Литвы в одно государство начался быстрый процесс своеобразной «вестернизации» местной православной элиты на землях бывшего Великого княжества Литовского. Это культурное наступление было обусловлено двумя факторами: возросшим благодаря Ренессансу уровнем бытовой культуры Европы и политикой католической контр-реформации, проводниками которой в Речи Посполитой был орден иезуитов. Последний в Европе характеризовался европейской ответственностью как система, которая хотела «...быть большим католиком, чем папа римский». Орден иезуитов стал своеобразным прообразом современных НКАО.

Более предпочтительные с точки зрения действия и проведения досуга нормы европейской городской культуры возымели пропагандистское действие на души молодёжи из православной шляхты. Этот процесс – подражание западной бытовой культуре – стал

краеугольным камнем культурного развития для российского правящего класса, не встречая в своей автохтонной среде никакого противодействия. По этому поводу ещё Н.А. Бердяев констатировал, что «...в России нет дара создания средней культуры»³¹⁶. В плане образования активно действовал орден иезуитов, повсеместно создавая в православных регионах Речи Посполитой свои знаменитые учебные заведения. К тому же святые отцы-иезуиты проявили удивительную идеологическую гибкость в отношении своих православных партнёров. В 1596 году состоялась так называемая Брестская уния, по которой была создана так называемая Униатская (греко-католическая) церковь. Зная категорическое нежелание православного духовенства изучать латынь, отцы-иезуиты сумели найти компромисс: униатская церковь подчиняется Папе Римскому, но обрядность сохраняет свою, в том числе богослужение на своём языке. Все эти социальные явления культурного образца дополнялись распространением на «ополячившиеся» православную шляхту политических прав польского дворянства. В результате в течение жизни двух–трёх поколений на рубеже XVI–XVII вв. произошёл почти полный процесс перехода православной знати западно-русских земель в политическое и культурное пространство польской элиты. К таковым представителям можно отнести князей Чарторыйских (в Польше этот разросшийся и расплодившийся род называли «Фамилия»), Вишневецких, род Адама Киселя, и самых последних представителей православной аристократии, дольше всех державшихся за старую веру – князей Острожских. Отъезд православных князей из Литвы на службу в Москву прекратился в первой половине XVI века (последним был дед Ивана Грозного князь Михаил Глинский), российские же «эмигранты» постоянно бежали «в Литву», и не только политические типа князя Курбского, но и первопечатник Иван Фёдоров, вынужденный покинуть Москву и работать в типографии князей Острожских во Львове.

Здесь следует отметить, что сопряжённая с постоянной военной опасностью со стороны Крымского ханства и Османской империи

---

³¹⁶ Бердяев, Н. А. Судьбы России / Н. А. Бердяев. – М., 1990. – С. 31.

боевая жизнь шляхты Речи Посполитой не оставляла много времени для выяснения этнических и конфессиональных споров. Как отмечал Л.Н. Гумилёв, «...мелкая польская шляхта составляла то же военное сословие, что и казачество польской Украины, то есть окраины, ничем от него не отличаясь по существу»³¹⁷. О социальной близости различных этнических групп шляхты Речи Посполитой говорят и зарубежные историки, отмечая, что «...украинские и белорусские дворяне являлись частью шляхты и могли извлечь выгоду благодаря удачному территориальному расположению их хозяйств на плодородной чернозёмной почве степных и лесостепных регионов. В XVI в. в городах Северной и Западной Европы резко возрос спрос на зерно, а вышеупомянутые регионы стали успешно выступать в роли его поставщиков»³¹⁸. Однако этот процесс сопровождался своеобразным переплетением социальных и национальных проблем. Шляхта, занятая военными делами, пирами и светскими удовольствиями, предоставила процесс экономической эксплуатации своих имений и живущих там крепостных крестьян посредникам – еврейским торговцам – факторам. Последние, стремясь выжать как можно больше прибыли, усилили формы эксплуатации и к тому же стали административными распорядителями времени и формы православного богослужения, в рамках которого оставались крепостные крестьяне восточных областей Речи Посполитой³¹⁹. Всё это вызывало рост социальной напряжённости.

Пока был жив польский король Владислав IV (1618–1648 гг.), который в ряде случаев опирался в своей политике на православную шляхту, в тот период уже в основном представленную казачьей старшиной реестровых казаков (то есть официально находящихся на службе у польского короля, в отличие от казаков в Запорожской Сечи, живших своим особым социальным укладом), то эти противоречия проявлялись не столь остро. Но в дело вмешался

---

³¹⁷ Гумилёв, Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. – М., 1992. – С. 242.

³¹⁸ Хоскинг, Джеффри. Россия и русские / Дж. Хоскинг. – Кн. I. – М., 2003. – С. 195.

³¹⁹ См.: Гумилёв, Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилёв. – М., 1992. – С. 245.

субъективный фактор – постоянная демонстрация польскими знатными панам знаменитого шляхетского «гонора», то есть пренебрежительного поведения по отношению к нижестоящим, в ряде случаев сопровождаемого физическим насилием. К тому же польские магнаты постоянно захватывали новые земли, что не давало православным, русским феодалам расширять свои владения. Население восточных областей Речи Посполитой считало себя русскими, а термин «украинец» относился только к жителям самых окраин³²⁰. В ходе одного из конфликтов на личной почве между польским панством и казачьей старшиной произошёл социальный взрыв. Л.Н. Гумилёв описывает его следующим образом: «Богдан Хмельницкий был православный шляхтич русского происхождения, служивший в польских пограничных войсках. Как всякий шляхтич, Хмельницкий имел собственный хутор и нескольких работников. Местный староста (помощник губернатора) католик Чаплицкий невзлюбил Хмельницкого до такой степени, что даже устраивал покушения на его жизнь... Чаплицкий устроил набег на хутор Хмельницкого, захватил его вместе с семьёй и отобрал всё имущество... Когда же Хмельницкий пригрозил обращением в суд, разъярённый Чаплицкий, желая показать свою безнаказанность, велел пороть на базаре десятилетнего сына Хмельницкого. Ретивые исполнители заповороли несчастного мальчика, и на третий день он умер... Хмельницкий отправился прямо в Варшаву к королю Владиславу... Владислав принял Хмельницкого, но, выслушав шляхтича, король только пожаловался на своё бессилие перед панам. Не добившись правосудия у короля, Хмельницкий поехал в Запорожье»³²¹. Там Богдан Хмельницкий собрал вокруг себя до 500 запорожских казаков, готовых воевать с кем угодно, заручился поддержкой Крымского хана, давшего ему несколько тысяч воинов, и был весной 1648 года избран на кругу Запорожской Сечи атаманом.

В период 1648–1649 гг. Богдан Хмельницкий одержал ряд побед над войсками Речи Посполитой, а осенью 1648 года даже угрожал Кракову. Тогда же с Богданом Хмельницким вёл переговоры новый польский король Ян Казимир, который обещал Хмельницкому, что

---

³²⁰ Там же. С. 244.

³²¹ Там же. С. 245–246.

«...войско запорожское отныне будет под непосредственной властью короля, а не украинских старост»³²². После решающей битвы под Зборовом в 1649 году, в которой войска Богдана Хмельницкого одержали победу, 9 августа 1649 года польский король признал Хмельницкого гетманом Украины с правом самостоятельности во внутренних делах. «...Богдан Хмельницкий прибыл к королю и, встав на одно колено, произнёс речь, в которой повторил, что у него и в мыслях не было поднимать оружие против короля, но что казаки восстали против шляхетства, которое угнетало их как последних рабов. Король дал Богдану поцеловать свою руку»³²³. Данные обстоятельства показывают, что движение Богдана Хмельницкого, хотя и происходило под лозунгом «За Русь, против жидов (евреев-арендаторов) и православную веру», в основе своей несло социальный контекст равенства всех слоёв общества в рамках государственного устройства Речи Посполитой. С Москвой в то время Хмельницкий вёл переговоры, но они касались только военного сотрудничества запорожских и донских казаков.

В 1651 году власти Речи Посполитой, проведя длительную подготовку, собрав крупную армию и наняв многочисленную и высокопрофессиональную в военном отношении немецкую пехоту, оставшуюся без работы по истечении Тридцатилетней войны, перешли в наступление и нанесли войскам Богдана Хмельницкого поражение под Берестечком. Период 1652–1653 гг. прошёл с переменным успехом. Ситуация для повстанцев сложилась тяжёлая. Богдан Хмельницкий то мирился с поляками (договор в Белой Церкви), то пытался вступить в переговоры с турецким султаном о подданстве на манер княжеств Трансильвании, Валахии и Молдавии. В.О. Ключевский так характеризовал отношения Богдана Хмельницкого и его войска с Москвой: «С самого начала восстания Хмельницкого между Москвой и Малороссией установились двусмысленные отношения. Успехи Богдана превзошли его помышления: он вовсе не думал разрывать с Речью Посполитой, хотел только припугнуть зазнавшихся панов, а тут после трех побед почти вся Малороссия очутилась в его руках. Он сам признавался, что

---

³²² Широкоград, А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А. Б. Широкоград. – М., 2008. – С. 340.

³²³ Там же. С. 343.

ему удалось сделать то, о чем он и не помышлял. У него начала кружиться голова, особенно за обедом. Ему мерещилось уже Украинское княжество по Вислу с великим князем Богданом во главе; он называл себя «единовладным самодержцем русским», грозил всех ляхов перевернуть вверх ногами, всю шляхту загнать за Вислу и т. д. Он очень досадовал на московского царя за то, что тот не помог ему с самого начала дела, не наступил тотчас на Польшу, и в раздражении говорил московским послам вещи непригожие и к концу обеда грозил сломать Москву, добраться и до того, кто на Москве сидит. Простодушная похвальба сменялась униженным, но не простодушным раскаянием. Эта изменчивость настроения происходила не только от темперамента Богдана, но и от чувства лжи своего положения. Он не мог сладить с Польшей одними казацкими силами, а желательная внешняя помощь из Москвы не приходила, и он должен был держаться за крымского хана. После первых побед своих он намекал на свою готовность служить московскому царю, если тот поддержит казаков. Но в Москве медлили, выжидали, как люди, не имеющие своего плана, а чающие его от хода событий. Там не знали, как поступить с мятежным гетманом, принять ли его под свою власть или только поддерживать из-за угла против поляков. Как подданный, Хмельницкий был менее удобен, чем как негласный союзник: подданного надобно защищать, а союзника можно покинуть при отсутствии в нем надобности. Притом открытое заступничество за казаков вовлекало в войну с Польшей и во всю путаницу малороссийских отношений. Но и остаться безучастным к борьбе значило выдать врагам православную Украину и сделать Богдана своим врагом: он грозил, если его не поддержат из Москвы, наступать на нее с крымскими татарами, а не то, побившись с ляхами, помириться да вместе с ними поворотиться на царя. Вскоре после Зборовского договора, сознавая неизбежность новой войны с Польшей, Богдан высказал царскому послу желание в случае неудачи перейти со всем войском Запорожским в московские пределы. Только года через полтора, когда Хмельницкий проиграл уже вторую кампанию против Польши и потерял почти все выгоды, завоеванные в первой, в Москве, наконец, признали эту мысль Богдана удобнейшим выходом из затруднения и предложили гетману

со всем войском казацким переселиться на пространные и изобильные земли государевы по рекам Донцу, Медведице и другим угоним местам: это переселение не вовлекало в войну с Польшей, не загоняло казаков под власть султана турецкого и давало Москве хорошую пограничную стражу со стороны степи. Но события не следовали благоразумному темпу московской политики. Хмельницкий вынужден был к третьей войне с Польшей при неблагоприятных условиях и усиленно молил московского царя принять его в подданство, иначе ему остается отдаться под давно предлагаемую защиту турецкого султана и хана крымского. Наконец, в начале 1653 г. в Москве решили принять Малороссию в подданство и воевать с Польшей. Но и тут проволочили дело еще почти на год, ... и только в январе 1654 г. отобрали присягу от казаков... Москва хотела прибрать к рукам Украинское казачество, хотя бы даже без казацкой территории, а если и с Украинскими городами, то непременно под условием, чтобы там сидели московские воеводы с дьяками, а Богдан Хмельницкий рассчитывал стать чем-то вроде герцога Чигиринского, правящего Малороссией под отдаленным сюзеренным надзором государя московского и при содействии казацкой знати, есаулов, полковников и прочей старшины»³²⁴.

Приведённая здесь длинная цитата великого русского историка лучше всего характеризует специфику взаимоотношений так называемых двух «братских народов»: Россия в лице Московского царства явно не спешила подать руку помощи православным единоверцам, а единокровные «русские люди» в переговорах с ляхами-католиками в первую очередь заботились о расширении своих социальных прав в рамках социальной системы Речи Посполитой, а отнюдь не стремились к воссоединению с православной родиной в одно государство. На Переяславской Раде 1654 года малороссийские казацкие старшины явно были ошарашены термином «Государь вас жалуёт» из уст московских дипломатов. Как их можно жаловать за то, что является их правом по рождению? При этом в ходе самого процесса присоединения Украины к России на Переяславской Раде, который самими современниками мыслился как

---

³²⁴ Ключевский, В. О. Сочинения в девяти томах / В. О. Ключевский. – Т. III. – М., 1988. – С. 109–111.

вхождение Запорожского казачьего войска в социальную структуру Московского царства на правах автономии, представитель царя боярин Бутурлин отказался присягать от имени царя Алексея Михайловича, что, дескать, он-де не выдаст в дальнейшем запорожцев польскому королю. Сам боярин Бутурлин при этом заявил Богдану Хмельницкому: «За великого государя присягать никогда не бывало и вперед не будет, тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чём били челом. Так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимает и маестностями каждому велит владеть по-прежнему»³²⁵. Таким образом, видно, что основой соглашения на Переяславской раде 1654 года была не пресловутая историческая общность двух «братских» народов, а элементарный баланс интересов, соблюдение которых являлось основой для дальнейшего сотрудничества двух сторон.

Здесь следует отметить, что та часть украинско-малороссийского казачества, которая по тем или иным соображениям осталась недовольна соглашениями с московским царём, уже через четыре года, в битве под Конотопом в 1658 году открыто выступила против Московского царя. Однако эта битва, о результате которой (поражение московского войска) постоянно с восторгом пишут современные украинские историки, не стала каким-либо рубежом для создания независимой украинской державы. После Андрусовского перемирия 1667 года и «Вечного мира» 1686 года восточная, так называемая «левобережная», Украина вошла в состав российской державы, вместе с географическим ареалом нахождения Запорожского войска. Гетманы Украины, отошедшие от Переяславской Рады, ещё несколько десятилетий балансировали между Речью Посполитой и Османской империей, пока не были ликвидированы физически. Запорожское же войско и казачьи старшины левобережной Украины достаточно долго выполняли свой служебный долг

---

³²⁵ Цит. по: Широкоград, А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А. Б. Широкоград. – М., 2008. – С. 348.

перед российской державой. Тот же Иван Мазепа в качестве гетмана Украины участвовал в Крымский походах Василия Голицына в 1687 и 1689 годах, отвлекал Крымско-татарскую орду от Азова в 1695–1696 гг. В 1706 году он же с запорожскими казаками участвовал в операциях русской армии под командованием Петра I под Гродно, против шведских войск Карла XII, и тогда об измене не помышлял. Поступок Ивана Мазепы в 1708–1709 годах российские историки трактуют как государственную измену, а украинские историки расценивают как начало национально-освободительной борьбы. На взгляд автора этих строк, Иван Мазепа и украинские казацкие старшины просто не видели себя в рамках нового абсолютистского и служебного государства, какое стал создавать к тому времени Пётр Великий. Как принято у феодалов, они просто захотели сменить сюзерена и сохранить свой социальный статус. Но этого им не удалось, и Запорожское казачье войско окончательно было ликвидировано в 1775 году. Оставшийся незначительный отряд украинской казачьей элиты растворился в российском дворянстве.

В период XVIII–XIX вв. территория расселения украинского этноса, называемая в Российской империи «Малороссия», представляла собой просто поселения крестьян с достаточно примитивным способом сельского хозяйства. Никаких групп элитного социального состава на данной территории местного, автохтонного происхождения не было – феодальная прослойка была представлена в основном польской шляхтой, реже обрусевшими помещиками. В конце XVIII века, в период разделов Речи Посполитой 1772 и 1793 гг., западная часть Малороссии отошла под юрисдикцию Австрийской империи. Сосредоточенный на этой территории украинский этнос подвергся экономической, социальной и культурной консервации своих жизненных устоев. Постоянно пропагандируемая частью современных политологов «западное влияние» в малороссийских поселениях не наблюдалось, поскольку не было в среде «галичан», как стали называть эту этническую группу по имени географического названия – «Галиция», каких-либо социальных движений.

В целом до середины XIX никаких политических событий в «Малороссии» не наблюдалось. Периодические восстания поляков

против власти российского царя украинским этносом не поддерживались. Несколько иначе сложилась историческая ситуация в Галиции, в которой вся масса феодалов и значительное число населения городов в этническом отношении была польской. В её среде постоянно зрели заговоры и создавались польские националистические организации. В 1846 году началось восстание в Кракове и прилегающих к нему территориях. Австрийское правительство, стремясь подавить польское национальное движение, натравило украинских крестьян на поляков, и галичане устроили массовые расправы над польским населением «во славу кайзера». В период Венгерской революции 1848–1849 гг. в составе австрийских войск против венгерских повстанцев сражались уже несколько западноукраинских полков. В сложившихся условиях западноукраинскому этносу австрийские власти предоставили часть земельных участков, отобранных у польских и частично венгерских дворян. В собственно этнической западноукраинской среде австрийскими властями было разрешено создавать национально-культурные объединения, так называемые «Громады». Эти «культуртрегеры» начали постепенную работу по созданию каких-либо самых примитивных культурных постулатов в западноукраинском этносе, в частности по выработке хотя бы начального образования в крестьянской среде на украинском языке. Однако каких-либо политических идей «Громады» не провозглашали и ограничивались провозглашением верности австрийскому императору. В повседневной социальной практике имели место трения членов «Громад» с польскими национально-культурными организациями.

На территории Российской империи во второй половине XIX века также появляются украинские «Громады». Однако их деятельность была по преимуществу культуртрегерской. Постоянно культивировалось изучение творчества Тараса Шевченко. Здесь следует отметить следующую особенность. Украинский этнос не создал творческую и особенно техническую интеллигенцию. Украинский язык не имеет семантического аппарата для обозначения технических терминов. Поэтому основная масса украинских интеллигентов состояла из жителей села: сельские школьные учителя, писари, ветеринары, акушеры, аптекари, иногда агрономы. Для того чтобы получить образование, обеспеченные украинцы

должны были свободно владеть русским языком. Как православные по религии украинцы в Российской империи не испытывали никакой дискриминации. Характерной национальной чертой украинцев является постоянная тяга к деланию административной карьеры, умение быть хорошим службистом. Поэтому никаких мыслей о каком-либо национальном возрождении у большей части образованных украинцев не было.

В Австро-Венгрии социальная ситуация была иной. Если украинец-западец хотел получить образование и сделать какую-либо карьеру, то он должен был становиться поляком и переходить в католичество. Иногда галичанам можно было служить в имперских структурах, но тогда нужно было владеть немецким или венгерскими языками. Впрочем, в ряде случаев австрийские власти инициировали создание некоторых проукраинских структур для всё той же борьбы с польскими националистами, а при наступлении угрозы военного столкновения с Россией и для пропаганды уже украинского национализма с антироссийским душком. Например, при Львовском университете была создана кафедра украинской истории и украинского языка, которую возглавил приехавший в середине 1890 г. из Киева магистр Грушевский М.С.

Основная историческая работа М. Грушевского «История Украины – Руси» в настоящий момент является своего рода библией украинского национализма, хотя хронологически работа считается незаконченной (изложение событий в ней доведено до конца XVII века). Однако даже при первом взгляде на содержание этого труда становится ясно, что автор не стремился к созданию национального мифа именно украинской нации и государственности. В предисловии к печатному изданию своей работы М. Грушевский говорит, что хотел создать письменную историю «русского народа», то есть обозначает украинцев-малороссов так, как им давалось этническое обозначение в период Речи Посполитой. Таким образом, видно, что первые украинские политические деятели действовали в рамках того, что в современной политологии называется «регионалистским движением», то есть стремились обозначить своё этническое самосознание как субэтнос русского народа.

Отдельно следует отметить, что начиная с 1900 годов территория Малороссии Российской империи входит в систему оппозиционного властям Российской империи движения. Малороссийские интеллигенты исходя из их преимущественно сельского социального происхождения в большинстве своём симпатизировали партии эсеров. К социалистам-большевикам и меньшевикам малороссы относились настороженно, в основном из-за большого присутствия у последних еврейского этнического элемента. Кстати, например, известный русский националист, киевлянин Василий Шульгин постоянно отмечал в своих статьях и репортажах, что именно украинцы были главными зачинщиками и участниками в еврейских погромах на территории Малороссии в период Революции 1905–1907 гг. В работе Государственной Думы России депутаты из Украины – Малороссии объединялись в «Громады» уже в рамках ГосДумы, но отмечались только в вопросах обеспечения преподавания украинского языка в сельских школах и в стремлении обложить сельхозпродукцию из малороссийских губерний наименьшим налогом и обеспечить льготной транспортировкой через Одессу.

Начавшаяся в 1914–1918 гг. Первая мировая война среди прочего обострила и украинский вопрос. В лице Центральных держав относительно немногочисленные украинские националисты получили своих выгодополучателей. В Австрийской армии появились первые «украинские» военные подразделения, в виде отдельных рот, а затем и батальонов. Началась пропаганда о существовании отдельной украинской нации. Внутри России стали организовываться кружки «буддения» украинской государственности. Однако здесь следует отметить, что идеи украинских националистов периода Первой мировой войны не шли дальше создания автономного государственного украинского объединения в составе Российской империи, на манер Великого княжества Финляндского. Территориально будущая украинская держава виделась её адептам в виде объединения Киевской, Харьковской, Екатеринославской губерний, с присоединением к ним районов Подолии и Волыни. Ни о каких-либо Крымах, Донбассах, или Одессе с Херсоном отцы –основатели Украинской Народной Республики и не мечтали. Только

настаивали всё на тех же льготных таможенных тарифах при вывозе украинской сельхозпродукции через Одессу.

Революционный кризис 1917 года привёл к мгновенной радикализации украинских националистов. Именно требования независимости Украины привели к первому кризису Временного правительства в России в мае 1917 года. Примерно до осени 1917 года политические проблемы, возникшие на Украине, решались в целом политическими средствами. После захвата в Петрограде власти большевиками украинские политики попытались сформировать свои вооружённые силы. Боевая эффективность подобных формирований оказалась близка к нулю. Появившийся на политической арене школьный учитель из украинской деревни Симон Петлюра предложил перейти на украинскую военную службу отрядам туркменских племён – текинцев, которые до этого были в охране генерала Лавра Корнилова. Несмотря на своё шаткое положение, правительство Украинской Народной Республики попыталось провести хоть какие-то политические действия. Были приняты «универсалы» по ликвидации помещичьего землевладения, полностью соответствующие эсеровской программе. Хотя власти УНР декларировали свою приверженность союзу со странами Антанты, его представители явочным порядком явились на переговоры германской делегации и делегации Советской России и подписали ряд договоров в кайзеровской Германии. Во внутренней политике власти УНР объявили об «украинизации», но даже не успели поменять все русские вывески в Киеве. Территория УНР (центральная Украина) была в начале 1918 года занята немецкими войсками в союзе с венгерскими корпусами армии Австро-Венгрии.

В течение 1918 года Украина стала ареной всеобщего партизанского движения. Но это не была война «за что-то» – это была война «всех против всех». По Украине расплодилось огромное количество банд под командованием тогдашних «авторитетов-батек». Их идеологическая программа лучше всего характеризует надпись на тачанке у «батьки» Ангела – «Бей красных, пока не побелеют – бей белых, пока не покраснеют». Наиболее организованной и мощной силой этого первобытного стада воинов были отряды «батьки» Нестора Махно, который декларировал свою приверженность идеалам анархии. Украинские националисты в этой идеологической

мешанине не отличались ни особой организованностью, ни стройностью политической программы. В эпоху торжества первобытной конкретности различные теории об украинском языке не пользовались популярностью у украинцев. Созданная германскими оккупационными войсками администрация марионеточного гетмана Скоропадского в лучшем случае функционировала в местах скопления немецких и австрийских войск. После ноябрьской революции 1918 года в Германии и ухода немецкой армии из Украины большая часть территории нового государства превратилась в арену постоянной военных действий Гражданской войны в России.

Здесь следует отметить, что если украинская национальная идея и получила в каком-то месте более-менее успешные организационные очертания, то это была Западная Украина, Галиция, на территории которой возникла Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР). В период конца 1918 – начала 1919 года это государственное образование сумело сформировать 40-тысячную армию и вело войну с новообразовавшимися государствами – в основном с Польшей за Галицию и частично с Чехословакией из-за Закарпатья. Весной остатки армии ЗУНР влились в отряды сечевых стрельцов Петлюры, но, быстро убедившись в бандитском характере последних, в конце 1919 года перешли на сторону белогвардейцев и приняли участие в завершающем этапе Гражданской войны в России. Таким образом, можно констатировать что первый политический опыт идей украинского национализма оказался неудачным.

Крах украинского националистического проекта не означал, что его семена не смогли бы дать новые всходы. В период между двумя мировыми войнами в 1920–1930 гг. украинский национализм получил новый импульс от двух совершенно противоположенных политических концепций. Первая политическая метаморфоза произошла с украинским национализмом в советской политической системе. Поскольку главную ударную силу Белого движения составляли русские офицеры и казачество, пришедшие к власти в Советской России коммунисты-интернационалисты начали политику «национальной коренизации», целью которой было создание новых национальных элит «пролетарского толка» в бывших национальных районах Российской империи. Эти элиты должны были,

по мысли ленинцев-интернационалистов, воспитать будущие поколения в духе пролетарского интернационализма и всеобщей братской любви народов. Поскольку в ходе событий 1918–1920 гг. от украинских националистов откололась небольшая политическая группа так называемых «боротьбистов», представляющих отдалённый аналог партии левых эсеров, то на базе этих политических «попутчиков-боротьбистов» была создана Коммунистическая Партия Украины. В её ряды влилось немало украинских националистических интеллигентов, которые в своей экономической программе декларировали те или иные социалистические лозунги. В политическом же плане для борьбы с «остатками великорусского шовинизма» началась кампания по распространению украинского языка в школы, университеты, в систему административных органов созданной к началу 1920-х гг. Украинской Советской Социалистической Республики. В 1922 году УССР стала одним из учредителей СССР. В состав элиты УССР стали переманивать видных украинских националистов, в частности М.С. Грушевского, которых переехал в Киев в середине 1920 гг. и занял видный пост в Академии наук УССР, предварительно покаявшись в своих грехах перед спецслужбами СССР. Украинские советские историки, в целях пропаганды народного образа украинца начали разрабатывать концепцию народно-демократического устройства казачьей республики – Запорожская сечь, в которой по мысли украинских советских историков гнездилась историческая предтеча социализма на Украине.

Любопытно складывалось географическое оформление нового социалистического государства – УССР. Кроме собственно бывших земель УНР, в состав нового социалистического государственного образования вошли: всё Северное причерноморье с Одессой, Николаевым, Херсоном и Запорожьем (кроме Крыма); в 1922 году, следуя большевистской политической логике, территория агломерации Донбасс с Луганском и несколькими станицами бывшего казачьего Войска Донского были переданы под юрисдикцию УССР. Обосновывался этот шаг тем соображением, что рабочие депутаты Донбасса должны уравновесить украинских крестьянских депутатов на Всеукраинских съездах Советов и не дать возобладать на этих форумах мелкобуржуазной крестьянской стихии. В Донбассе

массово стали создаваться украинские школы и внедрять украинский язык в делопроизводство. Таким образом, украинский язык и частично украинская сельская культура получила доминирование в социальной жизни новой Украины.

На западе Украины идея украинского государства и этноса развивалась иначе. В какой-то мере нахождение Галичины в течение столетий под тем или иным влиянием различных европейских государств наложило отпечаток на общую ментальность жителей этого региона. Выходец из Галичины отличается не только от русского, но и от большинства жителей собственно Украины. Даже украинский язык в исполнении западных украинцев звучит как своеобразный диалект украинского языка. Можно сказать, что жители Галичины представляют собой своеобразный субэтнос внутри собственно украинского этноса (как, например, жители Баварии внутри германского этноса).

В исторический период 1920–1930 гг. в Европе получила развитие политическая система фашизма, в Германии имевшая название национал-социализма. Несмотря на господствующую до сих пор в России коммунистическую концепцию того, что фашизм-нацизм является порождением монополистического капитализма, социальные истоки этой ультраправой идеологии лежат несколько в другой плоскости.

Фашизм как итальянское идеологическое течение и немецкий национал-социализм представляют собой социально-политическую реакцию мелкой и значительной части средней буржуазии на экономическое соревнование с монополистическим капиталом, с одной стороны, и с коммунистической идеологией – с другой. Ликвидация собственности мелкой и средней буржуазии в результате экономического принуждения со стороны крупной буржуазии и внеэкономического со стороны диктатуры пролетариата вынуждает деклассированные элементы обращаться к тоталитарной идеологии.

В Восточной Европе в 1920–1930 гг. в ряде стран с большим количеством крестьянского населения получил развитие так называемый «крестьянский фашизм». В Венгрии это было движение «Серебряные стрелы» Ференца Салаши, в Румынии движение «Легио-

неры» Иона Кодряну, на Западной Украине «крестьянский фашизм» получил название «бандеровцы» по имени своего лидера Степана Бандеры. Отличительной чертой этого крестьянского «фашизма-нацизма» была ненависть к городской культуре как таковой, к еврейским торговцам и банкирам и к коммунистам-социалистам как ликвидаторам крестьянской собственности. В интеллектуальном плане идеологи украинского нацизма представляли социальное общество как сельскую пастораль, наполненную массой хуторов, периодически распевających народные песни и декламирующих стихи Тараса Шевченко. В национальном плане «бандеровцы» испытывали буквально зоологическую ненависть к полякам как наиболее удачливым политическим конкурентам. Пресловутые «москали» в период до Второй мировой войны стояли по степени ненависти на третьем месте после поляков и евреев. Отрицая советский образ Украины как чуждый идеологически (ликвидация института частной собственности), «бандеровцы» пошли на сотрудничество с германским нацизмом как общим для них врагом против поляков и евреев. Тем более, что если к 1918 году украинцев во Львове проживало 22%, то в 1939 году всего 17%.

Нападение Германии на Польшу «бандеровцы» встретили с восторгом, а затем с растерянностью. Руководству западноукраинских нацистов стало известно, что Гитлер просто передал Галичину Сталину в рамках секретного соглашения. После занятия Галичины Красной армией начались все прелести диктатуры пролетариата: ликвидация любых форм частного предпринимательства и ссылка в Сибирь большого количества обеспеченных крестьян.

В 1941 году «бандеровцы» отличились гигантским еврейским погромом во Львове в конце июня 1941 года. В тот период сложился небольшой временной период, когда Красная армия ушла из Львова, а немецкая ещё не вошла. Вместо организации собственно украинской власти «щирые хлопцы» бросились убивать и грабить евреев. В какой-то мере этот факт послужил для германских властей характеристикой деловых качеств украинских националистов.

Деятельность украинских националистических формирований в эпоху Второй мировой войны достаточно хорошо освещено в исторической литературе. В боевом отношении украинские подразде-

ления находились на уровне румынской армии. Отличались украинские нацисты только во время карательных акций, да так, что приводили в ужас даже эсесовских палачей (Особенно во время так называемой Волынской резни польского населения в 1943 году.) В политическом отношении украинские националисты вновь показали свою убогость, находясь в постоянном конфликте со всеми воюющими сторонами: с Советским Союзом, с поляками, как националистами, так и коммунистами, и даже обворовали некоторое количество немецких складов. Поэтому немецкое командование просто бросило господ «бандеровцев» при отступлении и Украинская Повстанческая Армия, как себя стали называть украинские националисты, ушла в леса. Там украинским националистам удалось продержаться до начала 1950-х гг., используя знание местности и сочувствие части населения. Таким образом, и второе пришествие украинского националистического проекта оказалось неудачным.

Украинский национализм, а в узком смысле и украинский нацизм после Второй мировой войны перешёл в состояние политического анабиоза. Небольшое количество украинских националистов укрылись в ФРГ и Северной Америке, где они создали незначительные по своим возможностям организации. В целом украинский национализм сохранил своего рода позиции «спящего агента» под эгидой Украинской компартии в составе УССР. Нет, никакого курса на украинскую «державность» в советской Украине не было. Однако процветал бытовой национализм украинцев в различных структурах повседневности, в работе образовательных учреждений, особенно в университетах, в области культуры. В целом руководители Советской Украины стремились создать образ процветающей «краины», в которой всегда избыток продовольствия (всевозможные мясные продукты, сало, колбасы, спиртные напитки), что выгодно отличало Украину от вечно голодающего Поволжья и прочих «кацапских» регионов. В политическом отношении Украинская компартия имела большой вес внутри СССР, и любой кандидат на лидерство в Советском Союзе должен был считаться с Украиной. Наглядно это проявил Никита Хрущёв, передавший Украине Крым, как раньше помещики передавали крепостных в знак поддержки на пленумах КПСС его, Хрущёва, кандидатуры. На Украине развились большие научно-производственные комплексы

в Киеве, Днепропетровске, Харькове, Донбассе, Кривом Роге, в Одессе. Украинскому руководству даже удалось создать некоторые успешные проекты по лидерству Украины в рамках Советского Союза. В первую очередь это относится к футбольной команде «Динамо» Киев.

В целом украинская партхозноменклатура стала сильнейшим социальным кластером не только на Украине, но и в масштабе СССР. Здесь следует отметить, что типичный «хохол» — на Украине таких зовут «схидняки», то есть жители Востока и Центра Украины, так вот, «схидняки» не любят «западенцев-бандеровцев» и зовут их «рагуляки». Для «схидняка» «западенец-рагуляка» главный конкурент в деле управления Украиной. «Хохол-схидняк» предпочитает те или иные формы жизненной ассоциации с «москалём-кацапом» не столько из славянской солидарности, сколько из-за больших перспектив административной карьеры и возможности воровать в большом государстве. Недаром лидерами СССР были выходцы из Украины Никита Хрущёв и Леонид Брежнев. Считающий себя «ширым хохлом» «западенец-галичанин» стремится выдавить «схидняка» из начальства и самому стать «гетманом».

Поэтому, когда в конце 1980-х гг. в СССР началась так называемая «перестройка», украинская партхозноменклатура встретила её очень настороженно. Если для русского человека «перестройка» была шансом изменить социально-экономические условия жизни в стране, то на Украине демократическую волну сразу же оседлали всевозможные борцы за «самостийность» Украины, в первую очередь начавшие пропаганду против «своих коммуняк», то есть против компартии Украины. После так называемого «августовского путча» 1991 года, когда в Москве власть захватили демократы (по крайней мере так было декларировано), выпускник Черновицкого кооперативного техникума и заведующий идеологическим отделом ЦК Компартии Украины Леонид Кравчук, ставший первым президентом Украины, повернул политический курс на 180 градусов. Были срочно реабилитированы все атрибуты украинской независимости, а идеологическая реформа свелась к следующему постулату — «Заменим портреты Ленина на портреты Тараса Шевченко, объявим демократию и заживём, как во Франции». 1 декабря

1991 года Украина провела референдум о независимости и началась эра «Незалежности».

Когда современные российские пропагандисты говорят о роли американских НКАО и вообще американской политике в отношении Украины, они одновременно и правы, и не правы. Действительно, различные институты западной «мягкой силы» начали действовать на Украине с 1990-х годов. Однако их эффективность была неоднозначной. Примерно 70% американских НКАО аффилированы или ориентируются на Демократическую партию США. Поэтому республиканская администрация США весьма прохладно относится к всевозможным «гуманитарным миссиям» структур Демократической партии США. В 1990-х гг. демократическая администрация Уильяма Клинтона активно сотрудничала с Россией Бориса Ельцина и Украина воспринималась как очередная «географическая новость». Также было и при республиканце Джордже Буше в 2000-х гг. Только начиная с президентства Барака Обамы на Украину потекли всевозможные гранты и проекты сотрудничества. Надо сказать, что нацистская атрибутика и всевозможные «зиги» «бандеровцев» американскими «культуртрегерами» на первых порах воспринимались с определённым раздражением. Однако, когда на Майдане 2014 года стало ясно, что без «нациков-галичан» победы не одержишь, помощь в виде всевозможных финансовых вливаний потекла и в «правый сектор».

Идеологически и социально украинские нацисты подошли северо-американским инструкторам по следующим критериям. Украинский нацизм, как уже говорилось, носит крестьянский характер. Антисемитская направленность убрана инструкторами НАТО из идеологического багажа националистических украинских батальонов (по крайней мере, на официальном уровне). Украинский нацист в первую очередь социальный парвеню, испытывающий комплекс неполноценности перед русской городской культурой. Наличие в украинской экономике тех или иных производственных комплексов, технология которых ведётся на русском языке (из-за отсутствия технических терминов в украинском языке), украинский нацист считает национальным оскорблением. Украинское «царство» видится «галичанам-рагулякам» как гигантское село, с обилием хуторов. Украинец готов торговать зерном, подсолнечником, кукурузой, соломой и мясом, но совершенно не

готов к параллельно существующей русской городской культуре, даже в космополитической редакции Одессы. Именно поэтому в настоящий момент боевые действия Украинским генштабом планируются в районах городских застроек Востока, Юга и Центра Украины, с целью физически уничтожить русскоговорящую среду. Как боевой расходный материал украинцы представляют собой аналог английских сипаев индийского происхождения в период завоевания Индии в XVIII–XIX вв. Украинские войска являются воспроизведённым аналогом субсидиарных армий Ост-Индийской английской кампании. Таким образом, с точки зрения коллективного Запада в настоящий момент на территории Украины идёт нового вида колониальная война.

Степень мотивированности украинских нацистских войск достаточно высока, подтягивается иностранными инструкторами и система обучения. Просто влиянием телевизора объяснить зомбирование украинского населения нельзя. Здесь стоит говорить об идеологическом вакууме, который был заполнен не только нацистской пропагандой. Перестав быть привилегированным государственным элементом в советской системе, Украина стала «недогосударством». Её экономическая составляющая такова, что ещё до начала нынешнего конфликта из Украины уехали минимум 25% населения. Украинец чувствует себя ущемленным в социальном плане, ему необходим виновник. Таковым, по мнению современных украинских пропагандистов, является коллективный «москаль» и вообще «русня», которая всё у Украины забрала, напала и прочее. Поэтому лозунг «Москаляку на гиляку» является основным идеологическим рефреном на Украине, как и стремление забрать у «русни» все деньги и разделить их согласно административной значимости.

Противовесом этого гибрида «крестьянского нацизма и животного антирусского настроения» может быть только усиленная пропаганда идей «Русского мира». Причём под «Русским миром» должна пониматься не благодатная пастораль «Всеобщей дружбы», а комплексное сочетание социальных, экономических, политических, культурных постулатов и положений, которые могли бы показать перед заблудшими украинскими сынами и дочерьми преимущества жизни в общей славянской семье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало XXI века, канун третьего тысячелетия, 1150 лет со дня создания своей государственности Россия встретила новым витком социальной напряженности и симптомами нового системного кризиса своей государственности. Конец XX века ознаменовался крахом советской цивилизации в полном соответствии с концепцией А. Тойнби о самоубийстве крупных цивилизаций. Попытка социальной модернизации в конце существования СССР предпринималась. В недолгий период правления Ю.В. Андропова был инициирован проект «Звезда», целью которого было создание 10–12 крупных финансово-промышленных корпораций капиталистического типа в рамках концепции государственного капитализма, с возможностью выхода означенных корпораций на международный рынок, при поддержке государства. Однако после смерти Андропова этот проект не получил должного развития. Все попытки части партхозноменклатуры, в основном хозяйственного направления, создать в СССР подобие китайской модели реформ провалились. Сопротивление им оказывали не столько малочисленные диссиденты и более чем сомнительные «демократы», сколько комсомольские круги и мелкое партийное чиновничество, опасаящиеся, что их не допустят к кормушке. По поводу этой новой «перестроичной псевдоэлиты» один из сторонников Е.М. Примакова, который был одним из идеологов создания в Советском Союзе государственного капитализма, выразился следующим образом: «К (19)89-му году все понимали, что придется экономику менять и собственность делить. Все к этому и шло. И собственность эту должна была получить проверенная десятилетиями, сплоченная государственная элита. Но группа неврастеников в августе 91-го года все испортила. Пирамида перевернулась, собственность получили не те. Появились люди, которых никто не знает, которые не умели управлять страной, слабые, коррумпированные»³²⁶. Таким образом, коммунистическая элита Советского Союза, уничтожившая более 50 миллионов человек чтобы прийти и остаться у власти, в третьем своем поколении социально и интеллектуально выродилась, полностью подтвердив французскую пословицу о том, что «вино, перебродив, превращается в уксус».

---

³²⁶ Цит. по: Сироткин, В. Г. Кто обворовал Россию? / В. Г. Сироткин. – М., 2003. – С. 227.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Колупаев Дмитрий Владимирович

**СЛОВО И ДЕЛО РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ. ОСМЫСЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА**

Монография

Чебоксары, 2024 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Дизайн обложки *М. С. Федорова*

Подписано в печать 03.04.2024 г.

Дата выхода издания в свет 10.04.2024 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура
Times. Усл. печ. л. 18,135. Заказ К-1270. Тираж 500 экз.

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

8 800 775 09 02

info@interactive-plus.ru

www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru